

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ,
МОЛОДЕЖИ И СПОРТА УКРАИНЫ

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова

Г. П. ГРЕБЕННИК

ММФ И ПОЛИТИКА:
Сборник статей и выступлений

Одесса
«Фенікс»
2011

ББК 321.01
УДК 66.0
Г79

Под «крышей» этого сборника помещены статьи и тексты выступлений, написанные в основном (за исключением первых двух статей) за три с небольшим года – с 2007 по март 2011. Ряд материалов публикуется впервые или же дается не в том формате, в каком они были напечатаны ранее, а в первоначальной авторской редакции, что в целом усиливает новизну сборника.

Две взаимосвязанные темы объединяют статьи этого сборника. Первая – это тема мифа и мифотворчества в современной политике, вторая – это политика исторической памяти, которую проводит государство в своих интересах. Политика насквозь пропитана элементами мифа. Но следует иметь в виду, что мифодоминантное мышление изначально принадлежит роду, родовому сознанию, тогда как политика наиболее адекватно выражает и обслуживает национальные интересы. Поэтому истинный, аутентичный миф был рожден древностью и в древности остался. В средневековье он уже (наряду с философией) обслуживал религию. Современный же политический миф очень технологичен и является порождением других, более существенных для современности причин с целью использования магических, суггестивных свойств мифомышления.

Автор тяготеет к жанру научной публицистики. Это значит, что он пытался давать собственную интерпретацию событиям, в которые мы, дети эпохи распада, оказались вовлечены бурным водоворотом истории конца XX – первого десятилетия XXI века.

Книга предназначена как для научных работников, преподавателей и студентов, так и для широкого круга сознательных читателей.

Автор выражает благодарность за оказанную помощь Сергею Кондратьеву и Веронике Кириленко.

На лицевой обложке помещен коллаж под названием «Украинская Система».

ISBN 978-966-438-383-4

© Гребенник Г.П., 2011

© ЧП «Фенікс», оформление, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Жить без мифа нельзя, а пребывать исключительно в мифе – опасно. (Вступительная статья)	3
Кризис идеологической мифологии коммунизма	16
Из истории отношений украинской и русской интеллигенции	38
Рационализм и мифотворчество в политическом процессе в Украине	42
Мифореальность против реализма в политике	51
«Политика памяти» режима В. Ющенко	65
Слово о Мазепе и мазепинщине	83
Образы Второй мировой войны в политике памяти Западной Европы и Украины	102
Образы Второй мировой войны в современной идеологической борьбе в Украине	114
Искусство мифа и миф искусства на службе политики. (Цикл статей)	141
<i>Статья первая.</i> Неизбывность мифологического мышления	143
<i>Статья вторая.</i> Чистая модель мифологического мышления	151
<i>Статья третья.</i> Мифотворчество в политике	162
<i>Статья четвертая.</i> Роль искусства в политическом мифотворчестве ..	171
Профессор Н. М. Якупов как полномочный представитель Советского мифа (К 20-летию со дня смерти)	184
Евроинтеграционный миф Украины	194
<i>Примечания</i>	203
<i>Приложения</i>	216

ЖИТЬ БЕЗ МИФА НЕЛЬЗЯ, А ПРЕБЫВАТЬ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО В МИФЕ – ОПАСНО (Вступительная статья)

Две взаимосвязанные темы объединяют статьи этого сборника. Первая – это тема мифа и мифотворчества в современной политике. В последнее время она приобрела особую популярность в связи с манипулятивными, мистифицирующими технологиями глобальных СМИ. И все же глубоко «копают» эту проблематику лишь немногие. Смею думать, что отношусь к последним.

Поразительно, как мало наши современники сознают ту роль, которую мифы играют в нашей индивидуальной и общественной жизни. Они предпочитают верить в миф о науке, которая якобы уничтожила почву для мифологии. На самом деле мифологическое мышление в принципе неистребимо. Миф делает человека причастным к Природе, мысль делает природу причастной к Человеку. И то и другое являются необходимыми актами, как вдох и выдох, освоения эмпирического мира. И все-таки разум и мифовосприятие неравноценны. Когда наш разум бессилен объяснить нашу глупость, неспособность к устройству разумной, справедливой и полезной жизни, наступает паралич воли. И тогда миф приходит к нам на помощь. Миф служит своеобразным костылем травмированному своим бессилием разуму. Согласитесь, ходить всю жизнь на костылях – не лучший способ передвижения. Поскольку разум не всемогущ, постольку мифология всегда присутствует в нашей жизни. Если миф перевешивает разум, то мы утрачиваем нашу способность к свободе.

Одним из немногих, кто понимал значение мифа в жизни человека, был выдающийся французский поэт и философ Поль Валери. В своем эссе «Письмо о мифах» он писал: «Поистине мы заключаем в себе столько мифов и мифы эти настолько с нами срослись, что мы вряд ли смогли бы четко выделить в нашем сознании нечто вполне им чуждое. Нельзя даже говорить о них, не впадая в мифотворчество: разве не творю я в эту минуту миф о мифе, дабы удовлетворить прихоть некоего мифа?» [1]. Действительно, в любой истории, в любой научной теории есть мифический аспект, причем этот аспект связан с архети-

пической первоосновой, то есть заложен так глубоко, что познающий разум не способен распознать своего оппонента.

В свое время мое внимание привлекла *концепция архетипов (культуротипов) Протасова – Путько*, изложенная ими в Интернете [2]. Эта концепция позволяет объяснить неизбежность мифа в нашей жизни, поскольку он является обязательным элементом любой конфигурации исторического сознания. Под архетипом эти любители науки понимают не коллективное бессознательное К. Юнга, а модус культуры, культуротип, стиль или слой сознания. Этих архетипов немного, и они образуют различные конфигурации сознания, определяя культурную специфику исторического времени. Б. Путько насчитывает восемь архетипов, В. Протасов – семь. Субординация архетипов внутри сознания различна. Каждая историческая эпоха характеризуется доминантным архетипом (слоем) сознания, остальные находятся под его влиянием, проникнуты его «светом» и задачами. Мы как раз существуем в *политикодоминантном культуротипе*. При нем последовательность субдоминантных архетипов, по мнению Путько, такова:

ПОЛИТИКА

Наука. Этика. Искусство. Здравый смысл. Миф. Право. Религия.

Взаимодействие политики и ближайшей к ней науки рождает технологию. Среди различных видов технологии как способа, метода завоевания власти выделим электронную технологию манипулирования массовым сознанием. Взаимодействие политики и мифа рождает идеологию (политический миф). Еще один важный вывод из данного расположения элементов заключается в том, что в политико-центристском архетипе собственно политика и миф взаимодействуют опосредствованно, поскольку находятся не рядом: между ними располагаются наука, этика, искусство, здравый смысл (обыденное сознание). Вот почему современный политический миф является результатом, с одной стороны,

политтехнологии, а с другой – творением искусства с учетом воздействия на психологию масс (обыденное сознание).

Сама доминирующая ныне политика насквозь пропитана элементами мифа. Но следует иметь в виду, что мифодоминантное мышление изначально принадлежит роду, родовому сознанию, тогда как политика наиболее адекватно выражает и обслуживает национальные интересы. Поэтому истинный, аутентичный миф был рожден древностью и в древности остался. В средневековье он уже (наряду с философией) обслуживал религию. Современный же политический миф, как было отмечено выше, есть порождение других, более существенных для современности причин с целью использования магических, суггестивных свойств мифомышления.

Миф как слой сознания дает целостное и образное восприятие мира, по видимости снимает все противоречия, над которыми бьется разум. Он дает ответы на все вопросы, которые кажутся неразрешимыми рациональному сознанию. Из всех слоев сознания он более других удовлетворяет обыденное («витальное» в терминологии В. М. Протасова, «массовое» – в моей) сознание (здравый смысл), ведь они находятся в непосредственном взаимодействии. Правда мифа – это правда субъективного взгляда на мир с определенной мировоззренческой позиции. Соответственно, его неправда – в отрицании сложности, многогранности мира, которую ни одна идеология не способна охватить и выразить в своих понятиях. В мифе изображение жизни сгущено до состояния символического образа. В мифе жизнь препарируется рукой «художника» таким образом, что все «лишнее», лишнее символического смысла, убрано, стерто.

Механизм мифотворчества есть результат действия предубеждения, веры, основанной на воображении. Почему в средние века в рыцарской Европе водились драконы? Потому что люди в них верили. Вера умерла, и драконы тотчас исчезли. По той же причине древние языческие боги потеряли силу и ушли в небытие, уступив место мировым монотеистическим религиям. В конце XIX века Ф. Ницше провозгласил, кажется, парадоксальную вещь: «Бог умер!» –

ведь Бог, по определению, не может умереть. На самом деле Ницше хотел сказать, что вера во всемогущего христианского Бога в Европе, в свою очередь, умерла, что равносильно смерти Самого Бога. Значит, появляется шанс человеку занять его место. Это должен быть особый человек, вернее, сверхчеловек. Гитлер решил примерить на себя эту роль. Русский пророк Ф. М. Достоевский еще раньше Ницше предрек начало эпохи колоссальных злоупотреблений человечества: «Раз бога нет, то все позволено».

К слову, один из «бесов» в романе Достоевского, Шигалев, предложил осчастливить всех людей разделением всего человечества на две неравные части. «Одна десятая получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми, которые превращаются в стадо безличных, послушных, но сытых и по-своему счастливых животных». Проблема одной десятой ныне заключается в том, что, обретя полную свободу и власть, она вследствие патологически развитого инстинкта жить за счет других не может дать желаемую сытость девяти десятым униженным и подавленным. То есть полной гарантии против бунта, бессмысленного и беспощадного, у нее нет. С тем большей настойчивостью она готова вкладывать деньги в политическое мифотворчество, в технологии манипуляции сознанием народов, в средства психологического подавления протестной активности населения и т. п. средств «управления». Так выглядит современная шигалевщина и в глобальном масштабе, и у нас в Украине. Глубокий кризис гуманизма в современном мире сигнализирует всем, кто не лишен аналитических способностей, что западная цивилизация в кичливой уверенности в превосходстве своего рационализма, кажется, в очередной раз забрела в глухой тупик. А мы слишком хорошо знаем, какой ценой мир оплачивает крах оранжерейных идеалов европейского гуманизма.

Человек познает мир. В результате он получает информацию-энергию. Формы этой информации-энергии могут быть принципиально разные. Миф – это особая форма информации-энергии. Он имеет свою собственную логику, принципиально отличную от логики рациональной мысли. Но это не основание для

того, чтобы мифологическую информацию игнорировать. Наоборот, надо понять, что с помощью этой формы человек способен «работать» с бесконечностью, притрагиваться к тем аспектам своего бытия, которые недоступны его ограниченному разуму. Если согласиться с тем, что человек есть познающий субъект, то есть информационная сущность, то надо признать, что он неплохо вооружен. И мифологизация как технология нужна ему не для того, чтобы отгородиться от непознанного и потому враждебного внешнего мира, а как раз наоборот – чтобы попытаться вступить в контакт с этим миром, понять его, пусть и в мифологической форме, и тем самым получить возможность воздействовать на него в своих интересах.

Если верить К. Юнгу, в моем единичном сознании я ношу опыт тысяч поколений моих предков, который отпечатался (запечатлился), запаковался в архетипические образные схемы (прошел архивацию) и поместился в моем подсознании (коллективное бессознательное). Я могу активизировать (актуализировать) его наподобие того, как историк активизирует (актуализирует) прошлое, вытаскивая на белый свет из пыльных архивов документы прошлого. Подсознание – то, что создает полноту сознания. Еще есть сверхсознание. То, что недоступно рациональному языку, может быть выражено символом-образом. Образ более ёмок, чем слово, и несет в себе глубочайший смысл, который не доходит до сознания человека или улавливается им неполно. И все равно он работает, так сказать, на магическом уровне. На разных уровнях можно излагать смысл. На каждом уровне своя полнота. Все уровни дополняют друг друга.

Из бездны подсознания слышится шепот богов. Язык архетипических образов-символов – это и есть язык богов или, если хотите, язык наших мудрых предков. Можно ли игнорировать приглашение к разговору на этом языке? Вопрос риторический. Овладев этим языком, вы получаете грозное оружие в борьбе за власть в мире, где девять десятых давно уже отказались от возможности использовать свой мыслительный аппарат по назначению, заменив его ме-

ханическим потреблением, в том числе информации. Миф великолепно произрастает на почве, где царит бездумье, переходящее в безумие. Миф призван скрыть от тех, кто его разделяет, этот факт общественного безумия, глубокого равнодушия к собственной духовной жизни ради жизни животного-материальной.

Энергетика мифа – это темная энергия иррационального подхода к жизни, но она может обладать весьма мощной социально-психической силой воодушевления. Ф. А. Степун писал: «Большевики победили демократию потому, что в распоряжении демократии была всего только революционная программа, а у большевиков – миф о революции...» [3, с. 371]. В дальнейшей истории Советского государства рациональный дискурс марксистской теории был подменен коммунистической мифологией, построенной по религиозной кальке. В центре этой мифологии светились образы Бога-Отца Маркса и его верного Бога-Сына Ленина, а также гениального вождя Сталина, воплощающего Дух их Учения в жизнь. Вера миллионов людей в великих учителей и вождей Революции была совершенно иррационального свойства, носила культовый характер. Именно поэтому ее обрушение стало катастрофой для коммунистического движения. С того момента, когда внутри коммунистического движения зародились сомнения и скептицизм, именно с того момента начался подрыв мифологической картины мира, представленной в коммунистической (марксистско-ленинской) идеологии.

Великолепной демонстрацией мифологического восприятия мира является образ благородного идадьго Дон Кихота Ламанчского. Начитавшись рыцарских романов и вследствие этого недопустимо глубоко погрузившись в воображаемый мир странствующих рыцарей-героев, Дон Кихот ополчился на сорок мельниц, узрев в них злобных великанов, с которыми он решил «разобраться». И хотя Санчо Панса пытался его образумить, он только пришпорил своего коня. И далее автор великого романа пишет: «Он был совершенно уверен, что это ве-

ликаны, а потому, не обращая внимания на крики оруженосца и не видя, что перед ним, *хотя находился совсем близко от мельниц*, громко восклицал:

– Стойте, трусливые и подлые твари! Ведь на вас нападает только один рыцарь» [4, с. 71]. (Курсив мой. – Г. Г.).

Подобных «подвигов» он совершил немало, за что заслужил репутацию неадекватного человека. И что же? Сам Дон Кихот дал правдоподобное (для него самого) и логическое, с точки зрения мифа, в котором он пребывал, объяснение своему очевидному для окружающих безумию. Обращаясь к Санчо Панса, он сказал:

«– Как могло случиться, что, столько странствуя вместе со мной, ты еще не удостоверился, что все вещи странствующих рыцарей представляются ненастоящими, нелепыми, ни с чем не сообразными и что все они как бы выворочены наизнанку? Однако на самом деле это не так, на самом деле нас всюду сопровождает рой волшебников, – вот они-то и видоизменяют и подменивают их и возвращают в таком состоянии, в каком почтут за нужное, в зависимости от того, намерены они облагодетельствовать нас или же сокрушить. Вот почему то, что тебе представляется тазом для бритья, мне представляется шлемом Мамбрина, а другому – чем-нибудь еще» [4, с. 233]. Сервантес показал ту конфигурацию исторического сознания, когда здравый смысл и миф оказались в кричащем противоречии. Буржуазия с помощью оружия здравого смысла, лукавства и смеха нанесла непоправимый урон священному религиозно-мифическому сознанию. Вечными памятниками этой победы над средневековым остались великие произведения Эразма Роттердамского, Себастьяна Бранта, Франсуа Рабле, Шарля Костера, Джованни Боккаччо, Вольтера, Шарля Монтескье, Пьера Бомарше и того же Мигеля Сервантеса.

Во все времена и при любых формах правления и режимах власть имущие стремились творить мифы, поскольку это неотъемлемый инструмент управления сознанием людей. Эти мифы составляют ядро всех великих идеологий, их мобилизующую силу. «Горько думать, что мифы, а не здравый смысл, властво-

вали над тобой в течение многих десятилетий», – написал А. Н. Яковлев в своей книге «Горькая чаша» (1994), имея в виду советские идеологические мифы [5, с. 299]. Тут он лукавил: как главный идеолог КПСС на протяжении ряда лет, сам был причастен к их пропаганде. И фактически являлся автором последнего советского мифа – мифа о Перестройке – как главный ее «прораб».

Кто контролирует информационно-медийное пространство, тот формирует потоки информации и реально обладает властью над умами и сердцами миллионов людей. Это было особенно верно в отношении такого идеократического государства, каким был Советский Союз, нацеленный на осуществление коммунистической утопии. Но это не менее верно и в отношении современного глобального мира и господствующей формы правления – демократии. В ряде статей сборника автор показывает сшибку двух планов демократии в современной Украине – реальности и мифа. В результате миф под напором конкретики фактов отстывает. Власть теряет не только инструмент управления (что не столь уж важно), но и средство собственной легитимности (что важнее). Отрыв от реальности, пребывание в мифе – опасная, а для государственного деятеля просто смертельная вещь. Можешь представить себе, читатель, Дон Кихота, волшебным образом оказавшегося на высшем посту в государстве? Особо напрягаться не надо. Просто нужно вспомнить президентство В. А. Ющенко. Он показал себя украинским Дон Кихотом, жившим своими грезами, почти исключавшими трезвую, адекватную реакцию на реальные вызовы. Ему мерещились волшебные мельницы-великаны, которые на этот раз приняли форму чудовищных газораспределительных станций и газопроводов с коварным российским газом. Он любил говорить «моя нація» и обращался к ней, как Дон Кихот к Дульсинея Тобосской. Его стремление навязать свое видение истории Украины выглядело как желание подменить реальную историю ее мифическим двойником, так сказать, перезагрузить сознание своих сограждан, настроив его на волну собственного мифомышления. Впрочем, об этом ниже.

* * *

Ряд статей этого сборника посвящен исторической политике или, по-другому, политике памяти, сознательно проводимой властями как у нас, так и на Западе. Можно ли подстригать многосложную историческую реальность под современную политическую тенденцию? Вопрос состоит в том, до какой степени неуважение к исторической правде может быть терпимо, ненаказуемо. Думается, эта игра с историей опасна, нравственно несостоятельна, входит в противоречие с научным разумом, политически вредна, закладывает мины на много лет вперед. В частности, предпринятая в период правления В. А. Ющенко радикальная попытка «расквитаться» с советским прошлым во имя новой идентификации независимой Украины с треском провалилась. И все же определенная политика памяти должна проводиться на государственном уровне. Речь идет о тщательном отборе памятников, памятных дат, государственных праздников и чествуемых исторических лиц, которые не вызывали бы раздражение или хотя бы ироническую усмешку у значительной части наших сограждан, как это нередко происходит сегодня.

Все без исключения школьные учебники по истории Украины, написанные украинскими историками за двадцать лет независимости, решительно не годятся. Некоторые из них просто возмутительны. Канадский украинец Орест Субтельный оказался выше всех на голову, потому что не имел задачи кому-либо угодить. Нужны хорошие школьные учебники, написанные на языке взаимопонимания, без претензий к соседям. Научность, приверженность исторической правде, с одной стороны, и политкорректность, толерантность, понимание сложности истории – с другой, можно соединить так, чтобы, например, общие страницы истории Украины с Россией и Польшей не выглядели односторонними, обвинительными и оскорбительными. Не надо выглядеть идиотами в глазах наших коллег-историков из соседних государств, представляя свою историю в виде исторических анекдотов и побасенок. Стоит помнить слова Г. Гегеля: «Кто разумно смотрит на мир, на *того* и мир смотрит разумно» [6, с. 12].

Мифы должны потесниться, давая больше места на страницах учебников фактам и взвешенным интерпретациям. Не «разогревать» историю, не переносить прошлые обиды и противоречия в современность, принося в жертву историческую перспективу, – вот задача первостепенной важности. На ненависти воспитывать патриотов нельзя. Я говорю, возможно, банальные вещи, но до сих пор они по причине политической тенденциозности не усваиваются. Хотя справедливости ради следует упомянуть, что совместные проекты по написанию учебников имеются и работа в этом направлении ведется.

Еще раз повторю: нужны школьные учебники по истории Украины, в которых будет реализована новая философия истории Украины. Из того, что приходилось читать на эту тему в последнее время, больше всего мне импонирует концепция истории Украины, которую предложил К. Бондаренко. Он выдвинул ряд положений, с которыми я солидарен. Укажу только на два из них в силу их принципиальности.

Первое. В истории Украины должна быть показана история украинского национализма, но проникнутой национализмом сама история Украины быть не должна. Категорически нужно отказаться от этнического принципа написания нарратива. «История Украины должна стать синтезом историй всех народов, населяющих Украину и оставивших на территории нашего государства мощный культурный след» [7]. К. Бондаренко предлагает почитать как украинских исторических деятелей великого князя Литовского Витовта, князей Михаила Вишневецкого и Яна Собесского, удостоившихся чести возглавлять Речь Посполитую, светлейшего князя Потемкина и Хрущева. Культурными героями Украины следует считать не только Гоголя, поэму которого «Мертвые души» нужно знать назубок, но и М. Волошина, В. Короленко, А. Ахматову, Шолом-Алейхему, В. Жаботинского. «И не надо утверждать, – заявляет К. Бондаренко, – что настоящая украинская история создавалась в степи кошевыми атаманами и гетманами – это был маргинес истории. Настоящая история Украины создавалась в городах, воеводствах, княжествах» [7].

Второе. «Для истории Украины не должно быть “неудобных” моментов, которые некоторые историки пытаются вычеркнуть из истории или приписать действию внешних сил. И масоны, и коммунисты, и прочие якобы чуждые Украине явления на самом деле были порождением украинского социума и – следовательно – частью украинской истории» [7]. Украинская история должна быть историей нации, а не народности, – нации как общности людей, проживающих на общей территории и объединённых совместным будущим. С таким выводом нельзя не согласиться.

* * *

Это – второй за последние три года сборник, который автор предлагает читателю. Первый под названием «Интеллигенция и политика» вышел в печати в 2009 году. Если под «крышей» первого сборника были помещены статьи, написанные за 20 лет – с 1988 по 2008 год, то второй – составили публикации в основном (за исключением первых двух статей) за три с небольшим года – с 2007 по март 2011.

Поскольку «интеллигенция» сама по себе и для себя есть миф, постольку исследовательская логика и преемственность очевидны. Как очевидно и авторское желание представить свое многолетнее научное и публицистическое творчество в более цельном виде, закольцевав его в тематические рубрики. Это позволяет выстроить и обзреть всю совокупность идей и концепций, сквозь призму которых автор пытался давать собственную интерпретацию событиям, в которые мы, дети эпохи распада, оказались вовлечены бурным водоворотом истории конца XX – первого десятилетия XXI века.

Автор тяготеет к жанру научной публицистики. Это значит, что он реагирует на горячую актуальность, не скрывая своего критического отношения к тем событиям и тенденциям в общественно-политической жизни Украины, которые протекают на наших глазах. Думается, научная объективность заключается не в том, чтобы выглядеть нейтральным, сторонним наблюдателем (это было бы нечестно), а в том, чтобы попытаться найти объяснение современной политике в да-

лекой и близкой истории, через призму фундаментальных проблем, которые формируют нашу политическую реальность как объективную данность в долговременной перспективе.

Теория сознательно-намеренного поведения человека в истории построена на наивной вере во всемогущество разума и воли, на что бы они ни были направлены: на создание государства, нации или языка. Сама эта вера и есть миф, порожденный эпохой Просвещения. Миф этот в наши дни практически преодолен. Но также неверен взгляд на историческое развитие, основанный на абсолютизации иррационального компонента сознания. Якобы История есть гегелевский Абсолютный дух, который пробивает себе путь, преодолевая невежество, косность и близорукость человеческого сознания, оставляя за собой свободу. Действия индивида и социальных групп всегда опосредствованы разумом, определенным мыслительным процессом, конкретно-историческим пониманием задач и потребностей. Следовательно, своеобразное соединение подсознательного и сознательного, образного и логического, рационального и мифомышления является ключом к объективному пониманию исторического сдвига. Судя по всему, логическое, понятийное мышление и познание через воображение есть выражение принципа двойственности, лежащего в основе бытия. Логос и мифос, рациональное и иррациональное как два плана (уровня) осмысления одного и того же бытия дополняют друг друга. Такова авторская методологическая позиция, реализованная в представленных здесь статьях по политической мифологии.

Но не только благодаря новой организации материала (статьи, написанные в разные годы и разбросанные по разным изданиям, оказавшись в непосредственной связи, стали корреспондироваться друг с другом) сборник обретает самостоятельное значение и новизну. Ряд статей из-за их объема не вписывался в формат сборников или газетных публикаций. Поэтому пришлось прибегать к их сокращению, разбивке, давать их частями. Так, например, в сокращенной редакции была напечатана в «Вечерней Одессе» статья «Кризис идеологиче-

ской мифологии коммунизма». Далее, первоначально написанная статья о политике памяти в период президентства В. А. Ющенко была разбита на две публикации – в газете гильдии собственных корреспондентов в Одессе «Окна» (№ 17, 15 сент. 2009) и в сборнике «Вісник Одеського національного університету» (2009. – Т. 14, вип. 13). Практически такая же история со статьей «Слово о Мазепе и мазепинщине», которая лишь частично «пошла в дело» в аналитической телепрограмме «Бэкграунд». В настоящем сборнике все эти статьи даны в полноформатной авторской редакции. Наконец, вступительная статья и статья о профессоре Н. М. Якупове вообще публикуются впервые.

Сборник является научным изданием. Поэтому все статьи снабжены библиографическими списками и сносками в соответствии с современными требованиями к оформлению научно-справочного аппарата. Библиография статей помещена в конце книги. В четырех приложениях автор на материале политических плакатов показал «работу» архетипов и стереотипов, мифологических образов в политической культуре разных стран.

КРИЗИС ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ КОММУНИЗМА

«...Мы все горим и жаримся в честь старых идолов».
Ф. Ницше

Кто прав: Солженицын или Сахаров?

Глубокий кризис после шести лет «перестройки» обусловил острую постановку вопроса о роли идеологии в сохранении старой системы. Вспомним, как на IV Съезде народных депутатов СССР Н. И. Рыжков заявил, что кризис общества был вызван не внутренними противоречиями в экономической сфере, а разрушением социалистической идеологии, поскольку тип нашего общества отдает приоритет идеологии над экономикой. По мнению академика С. С. Шаталина, причина причин всех наших проблем – это «тоталитарная коммунистическая идеология, заполнившая все поры нашего искалеченного и одурманенного общества». По существу академик согласился с бывшим премьером в оценке роли идеологии, хотя и дал ей отрицательный знак.

Эти взгляды на исключительную роль идеологию в нашем обществе не оригинальны. Еще в 1973 году А. И. Солженицын в письме «Вождям Советского Союза» призвал положить конец идеологической монополии марксизма, поскольку именно идеологическими причинами, по его мнению, были порождены несурезицы и бессмыслицы внутренней жизни и внешней политики нашей страны. «Отпустите же эту битую идеологию от себя! Отдайте её вашим соперникам или куда она там тянется, пусть она минует нашу страну как туча, как эпидемия, и пусть о ней заботятся и в ней разбираются другие, только не мы! И вместе с ней мы освободимся от необходимости наполнять нашу жизнь ложью. Стяните, стряхните со всех нас эту потную грязную рубашку, на которой уже столько крови, что она не дает дышать живому телу нации...», – молил советских руководителей писатель Земли Русской [1, с. 177-178].

Тогда ему возразил другой столп диссидентства академик А. Д. Сахаров. «Скорее, если говорить именно о современном состоянии общества, – писал он, – то для него характерны идеологическая индифферентность и прагматическое использование идеологии как удобного “фасада”, при этом прагматизм и гибкость в смене лозунгов сочетаются с традиционной нетерпимостью к инакомыслию “снизу”. Так же, как Сталин совершал свои преступления не непосред-

ственно из идеологических мотивов, а в борьбе за власть в процессе формирования общества нового, “казарменного”, по определению Маркса, типа, так и современное руководство страны главным критерием при любых трудных решениях имеет сохранение своей власти и основных черт строя» [2, с. 16].

Считаю, в этом споре больше прав Сахаров, хотя доля истины есть и в точке зрения его оппонента.

Идеологическая мифология

С моей точки зрения, *миф* – ключевое понятие для представления о том, как функционирует идеология. Под идеологией я понимаю систему отобранных социальных мифов, в которой представлены *интересы* той или иной социальной группы *в ценностном* плане.

Знаменитые ученые О. Конт, Г. Спенсер, Э. Тайлор и др. рассматривали миф как факт первобытного мышления народов. С ними категорически не согласился не менее глубокий мыслитель А. Ф. Лосев. Он доказывал, что не только наши далекие предки жили среди мифов, но и «мир, в котором мы живем и существуют все вещи, есть мир мифический» [3, с. 395].

С тех пор многие ученые и писатели обращались к феномену мифотворчества. Так, например, грузинский писатель-эмигрант Григол Робакидзе в романе «Убиённая душа» (1933 г.) исследовал формирование мифа о Сталине. «Миллионы думали о нем: одни с почтением, другие с доверием, третьи с проклятием. Не было человека, который не ловил бы себя на мысли, что волей-неволей думает о генеральном секретаре. Порой эта мысль искушала: что произойдет, если он будет низвергнут? Мысль тут же гасла от страха. Человек этот был Сталин. Ленин не сконцентрировал в себе такую огромную силу, как Сталин. <...> Все, и коммунисты, и беспартийные, мучительно пытались найти объяснение этого феномена. Все чувствовали его силу, но никто не любил его. Любая попытка лишить его власти заранее была обречена на неудачу. Феномен Сталина воспринимался людьми как некая демоническая сила» [4, с. 125]. Действительно, демоническая сила мифа о Сталине столь велика, что мы до сих пор

находимся в его власти. Так или иначе, дух Сталина витает над нами и по сей день: и политик, и бюрократ, и человек из народа чувствуют свою причастность к этому мифу.

В «застойный» период были написаны горы литературы, в которой разоблачались мифы буржуазной идеологии. Венгерский философ Ева Анчел образно назвала их «мифами отчаяния», «мифами потрясенного сознания» [5]. Её советский коллега Арсений Гулыга проанализировал фашистский миф – классический образец идеологического мифа XX века. В результате он пришел к выводу: «Народные массы – это доказала история фашизма – могут оказаться во власти мифа, ведущего их по ошибочному пути» [6, с. 54].

Эти и другие авторы по вполне понятным причинам не могли вскрыть механизм мифотворчества в «единственно научной идеологии». Ситуация качественно изменилась в последний период нашей истории, который как раз характеризуется пересмотром многих идеологических истин, на деле оказавшимися устаревшими мифами. Скажем, Н. Иванова пишет о «литературной и не очень литературной мифологии, целенаправленно манипулировавшей сознанием не одного поколения советских людей, наркотизировавшей массового (такова была неременная установка) читателя» [7, с. 237], Ю. Буртин – о создаваемых пропагандой «легендах», подменяющих в сознании людей реальное представление о действительности [8, с. 4]. Да что там они! Наш славный генерал-полковник Б. Громов, ознакомившись в МВД с реальным положением дел в обществе, сделал признание: «Идеология формировала благостное представление об обществе. И как это не печально, государство само же поверило в собственную пропаганду» [9, с. 3].

Ну что ж, мифы, созданные в контрпропагандистских целях, заминировали сознание самих пропагандистов. Так в чем же заключается феномен мифа? Это банальный обман или за ним кроется какая-то правда изображения реальности?

Правда и ложь идеологического мифа

В работе «Диалектика мифа» А. Ф. Лосев пояснял: «Мифичен способ изображения вещи, а не сама вещь по себе» [3, с. 445]. Например, мифично изображение революции, а не сама революция, символичны образы пролетария и буржуа, а не сами пролетарий и буржуа. Миф – это *символ*, яркий образ вещи, факта, события, лица. Мы с детства усвоили преподносимый в книжках и кинофильмах миф о Гражданской войне. Его в народном сознании ярко персонифицируют образы Чапаева и Щорса («украинский Чапаев»), Ворошилова и Будённого, Котовского и Дундича, Фрунзе и Лазо. Славные имена. А вот полководцы первой величины Тухачевский и Егоров на роль мифических персонажей не подходили – как же: дворяне и бывшие офицеры. Это вредило идеологической схеме противостояния народа и «белой кости». И уж совсем не нужна была правда о том, что штабную культуру Красной Армии полностью определяли бывшие генералы и офицеры царской армии. Так, в годы Гражданской войны из царских ещё офицеров и генералов были в РККА 17 из 20 командующих фронтами, все (!) начальники штабов фронтов, 82 из 100 командующих армиями, 77 из 93 начальников штабов армий. Большевикам удалось привлечь на свою сторону даже самого, пожалуй, авторитетного военачальника тех лет – генерала Алексея Алексеевича Брусилова. В целом за годы Гражданской войны на стороне Советов воевали 75 тыс. бывших царских генералов и офицеров. Бывшие военные специалисты составили 48% высшего комсостава и административного аппарата, 15% были из бывших унтер-офицеров [10].

Это – правда факта. Ей была противопоставлена правда мифа: народный герой, «академиев не кончавший», бьет в пух и прах белых генералов. Рядом с ним, кстати, всегда оказывается большевик-комиссар из профессиональных революционеров, который незаметно, как бы исподволь, поправляет народного мстителя, надежно «вписывает» его действия в правильную идеологическую канву.

Из мифической истории Гражданской войны (истории, предназначенной для воспитания народа) «выпал» Председатель Реввоенсовета республики Л. Д. Троцкий. Его обязанности, действия и заслуги были «распределены» между Лениным и Сталиным. Троцкому же раз и навсегда была определена роль «вредителя», «лицемерного врага партии и народа», и уж из неё он «выпасть» никак не мог.

Ставший писателем боец Красной Армии Артем Весёлый (Николай Иванович Кочуров; расстрелян в 1938 г.) передал настроение весны 1918 года: «Всю дорогу разговоры в вагоне. Об чем крики. Об чем споры. Все дела в одно кольцо сводили: бей буржуев. Бей, душа с них вон. Все наше. Голова мы. Когти мы. Беломордые? Што нам беломордые. Сила наша. Всех потопчем. Всех порвем. Простонародная революция. Плач и стенанье. Песни и слезы» [11, с. 11].

Картина бунтарской вольницы, веселого террора, праздника разнузданной силы и безнаказанности, конечно, противоречила пропагандистскому мифу, и писатель, стремившийся показать страшную правду Гражданской войны, был расстрелян – проверенный способ разрешать идеологические «затруднения». Сегодня мы знаем эту правду: в Гражданской войне кто бы ни победил, всегда терпит поражение народ.

Каждая идеология имеет свой героический, легендарный период, порождающий истинное мифотворчество. Таким периодом в истории идеологии нашего государственного социализма была революция (вместе с Гражданской войной). Мифы революции нуждались в крови не меньше, чем мифы древних – в жертвоприношениях.

С современных позиций революционная идеология примитивна, выписана всего двумя красками, прокламирует классовую нетерпимость. Но в условиях, когда в стране начался новый общественный передел, пока на межреспубликанском и межнациональном уровне классовая идеология, идеально приспособленная для выражения общественного противостояния, вновь обретает спо-

способность увлекать людей. Отец современной социологии Питирим Сорокин еще в 1922 году писал, что для успеха коммунистически-социалистической идеологии необходимы два основных условия: резкий, значительный рост дефицитного или сравнительного голодания масс и наличность имущественной дифференциации в стране. «Чем резче будут оба условия, – подчеркивал он, – тем – при равенстве прочих условий – подъем успеха коммунистически-социалистической идеологии будет быстрее и сильнее, тем легче она будет прививаться к голодным, тем больше будет ее успех» [12, с. 379].

Сравните эти условия с текущим положением в стране, учтите динамику его усугубления, и вы поймете, почему такие приверженцы классового подхода, как Нина Андреева, оказываются провидцами в нашей стране. Насколько успешно было применено новое мышление в наших контактах с западным миром, настолько трудно пробивает оно себе дорогу внутри страны. Это наводит на мысль, что в ней меньше элементов цивилизованности, чем за ее пределами. Нет всеобщего признания безусловной необходимости подчиняться Закону, есть расчет на классовую или национальную солидарность. И вот эта-то солидарность, направленная против кого-либо, и есть огромное зло. «Дальние оплачивают вашу любовь к ближнему; и если вы соберетесь впятером, шестой должен всегда умереть». Так говорил Ницше устами Заратустры [13, с. 45].

И все же нельзя не заметить, что классовая идеология слишком приблизительно, грубо описывающая сложившуюся ныне ситуацию, превращается в обоюдоострое оружие. В самом деле, уже не существующий Комитет общественного спасения Литвы использовал следующую фразеологию: «пролог третьей социалистической революции», «классовая борьба, борьба идеологий», «борьба социалистических сил с националистической буржуазией». Возникает ряд вопросов. Чью собственность защищают десантники и омовцы? Кто кого эксплуатирует? Что это за буржуазия, которая практически не имеет собственности? И что это за социалистическая революция, вожди которой предпочитают

оставаться анонимами, а ее главную движущую силу представляют подразделения Советской Армии?

Нет, такая идеология не столько вносит ясность, сколько запутывает людей. В ней ощущается большая струя демагогии и лжи – верный признак слабости политических позиций тех сил, которые ее используют. М. Лифшиц заметил: «В истории общества красный цвет революции выступает объективным фоном, на котором искусство и литература вышивают свои цветы, часто не зная, какова истинная, отдаленная природа их внутреннего горения» [14, с. 424]. Некоторые наши политики, использующие в своих «вышивках» традиционный красный фон, знают что делают. Однако, кажется, они не учитывают, что время сегодня иное, и память о революции может сочетаться с осуждением насилия, в том числе и революционного.

В чем виноват Александр Николаевич Яковлев?

Итак, идеологический миф, как правило, правдив по факту. Но идеологическая правда изначально отличается от правды жизни. Идеология, по словам финской писательницы Л. Кроон, – это «действительность слов». С их помощью действительности можно придавать в принципе любое значение. Работа идеолога напоминает труд художника: он стирает «лишние», «случайные», «ненужные» штрихи действительности и, наоборот, подчеркивает, выпячивает то, что считает типичным, существенным, выразительным для создания образа Правды. Идеолог, пропагандист обязательно должен учитывать представления о правде, бытующие в тех или иных кругах общества. Чем информированнее, образованнее, культурнее человек, тем трудней ему внушить мифическую картину действительности. Вот почему у власти всегда складывались с интеллигенцией неприязненные отношения.

7 ноября 1919 года Корней Чуковский писал в дневнике о страшной дороговизне и безденежье, поставивших его семью в отчаянное положение. Резко переключившись, закончил дневниковую запись схваченной на улице сценкой:

«Сегодня празднества по случаю двухлетия Советской власти. Фотографы снимали школьников и кричали: шапки вверх, делайте веселые лица!» [15, с. 161].

«Делайте весёлые лица» – вот принцип, который исповедуют идеологические цеха. Классическим примером, когда метод гиперболизации достиг анекдотических размеров и вызвал прямо противоположный эффект, является попытка, в угоду Л. И. Брежневу, представить локальный эпизод сражения за Малую землю как центральное событие Великой Отечественной войны.

Но не такие явные неудачи пропагандистской машины, не мифы-однодневки, призванные дать сиюминутную политическую выгоду, стали причиной кризиса идеологии государственного социализма, основу которой, повторю, составляет революционно-классовая, марксистско-ленинская мифология. Главной причиной нынешнего идеологического кризиса, по моему мнению, является гигантский разрыв между правдой революционной идеологии и правдой современной жизни, не имеющей ничего общего с революционной действительностью. Еще в 30-е годы люди с развитым интеллектом, стремясь преодолеть этот разрыв, искали скрытый от них истинный смысл происходившего. В автобиографическом романе Е. Федорова «Жареный петух» студент-философ Александр Краснов так отвечал на страшный вопрос, почему в лагерях оказалось столько хороших, честных людей, не знающих за собой никакой вины:

– Я говорил и не перестану повторять, что по своей природе человек лжив, подл, неприемлемо опасен, что ему нужна узда, нужна несвобода, браслеты, смирительная рубашка, тюрьма, лагерь. Душа человека на крыльях рвется к высшей справедливости: к равенству. Тоскует, стенает, мучается под тяжким бременем свободы, гибельной свободы и неравенства: люди по природе не равны. Есть, к примеру, дефективные, олигофрены, импотенты. Есть рыжие. Есть карлики, пигмеи. А жажда справедливости, равенства, правды в человеке всепоглощающая и ненасытна! Страшная антиномия! Томас Мор и все великие учителя человечества, Маркс, Энгельс знали это, принимали в расчет, нашли единственный выход. Справедливость, всем сестрам по серьгам, меры равенства должны быть привнесены в общество не на либерально-гуманной основе, а насильственно, опираясь на цветущую мощь государства. Простая, ясная, солнечная истина! Давно, ой, как давно пора защитить и

спасти человека от него самого, насильственно обуздать, укротить, стереть его подлое, гнусное, ядовитое «эго», разрушить индивидуальность, личность, самость, махровое «я». <...> Да, я утверждаю, что человек – это чертова кукла, и эту куклу надо нудить в лагере и ни на секунду не сводить с неё автомата» [16, с. 87].

Что ж, если бериевское ведомство занималось выведением новой породы людей – хомо советикус, – то оно, конечно, нуждалось и в качественном человеческом материале.

Разрыв между идеологией и реальностью породил *двоемыслие*, которое в 70-х годах стало доминантой массового сознания и поведения. Накопившаяся за десятилетия ложь подорвала веру людей в назойливо пропагандируемые идеалы, привела к моральной деградации руководства на всех уровнях, обвалилась на нас вместе со стенами ядерного реактора в Чернобыле, стала косить наших ребят на горных дорогах Афганистана, закружила в атомных смерчах Семипалатинска и пыльных бурях Арала...

Теперь судите: мог ли один человек, даже такой «могущественный», как А. Н. Яковлев, «развалить» идеологию? И все-таки нападки на него не напрасны. Он сыграл выдающуюся роль в утверждении нового мышления, гласности, с которой, собственно, и началась перестройка. Гласность впустила в нашу жизнь запрещенную Правду, как теплый воздух в холодильную камеру, и старые идеологические мифы «поплыли», окончательно утратив целостность и всякую видимость убедительности. Неявный кризис идеологии в лучах гласности приобрел зримые черты идеологической катастрофы.

Вот этого и не могут простить Яковлеву. Кто? Те, чьи экономические и политические интересы ущемила перестройка. И те, кто, разочаровавшись в ходе перестройки, под влиянием ее неудач стал винить во всем демократию. И те, кто потерял верный кусок хлеба, подвизаясь на идеологической ниве. Вот ведь чудо из чудес: коммунизма нет, а коммунистическая идея кормит уже не один десяток лет целый легион ее проповедников. Кто же после этого посмеет утверждать её эфемерность?

«Миф есть чудо»

Таково еще одно определение А. Ф. Лосева интересующего нас феномена [3, с. 535]. В мире чудесное отнюдь не противостоит закономерному, причинно-следственному ходу событий. Более того, с точки зрения мифологического сознания, чудо и есть подтверждение *подлинности* существования законов природы. Спросите всякого, кто хоть раз любил: не рассматривает ли он встречу с любимым человеком как чудо? И вы получите утвердительный ответ. По здравому размышлению можно прийти к выводу, что эта встреча была не случайна или вероятность случая была велика. Но что из этого? Чудо встречи остается.

В статье «Итоги партийной недели в Москве и наши задачи» (1919 г.) В. И. Ленин писал о «чудесах», которыми «полна история нашей пролетарской революции» [17, с. 235]. И это Ленин, которому была органично чужда всякая «поповщина»! А если посмотреть с другой стороны, он безгранично верил в марксизм, в социализм, в близкую и полную победу мировой революции. И эта вера чудесным образом находила подтверждение в победах Красной Армии. Сам вождь олицетворял в глазах миллионов чудо удержания власти и сохранения страны от распада. Отсюда – культовое отношение к нему со стороны народа, которое в дальнейшем было использовано сталинской пропагандой.

По справедливости советскую эпоху следует назвать Чудесной. В предельно короткий срок осуществили коренную модернизацию промышленности, что оказалось не под силу царской России. Чудо. Народ победил в страшной войне с фашистской Германией. Чудо. Восстановили в фантастически короткий срок народное хозяйство после войны. Еще одно чудо. В голодной, истощенной стране запустили человека в космос. Великое чудо! Превратили СССР в супердержаву. Еще одно великое чудо! Объяснение? Пожалуйста. Первопричина всех этих чудес кроется в общественном строе. Для науки это не аргумент, не доказательство. Скорее теорема, которую еще надо доказать. Но для идеологизированного, магического сознания этот тезис звучит более чем убедительно. Вера в чудеса налицо. Вера в Систему – сама по себе причина.

Чудеса у нас были поставлены на плановую основу. Двадцать лет – и мы из чудесного периода должны были попасть в сказочный. Наши ученые посчитали и доложили руководству, что народу это по плечу. Но дальше пошли сбои. У людей изменилась шкала ценностей. На первый план вышли проблемы, связанные с уровнем и качеством жизни. Государственно-монополистическая экономика никак не решала их чудесным образом, а ведь через чудо народ входил в религиозно-идеологический контакт с Системой. Теперь этот контакт стал утрачиваться.

Началась перестройка. Народ стал жить ожиданием чуда – скорого выздоровления и подъема экономики. Но чудо не состоялось. Лидер перестройки лишился мифической ауры, а народ повел себя как ребенок, который обнаружил обман: обещали, что придет настоящий Дед Мороз, а пришел соседский дядя.

Писатель А. Б. Борин получил в 1990 году письмо. Одна хорошая женщина писала в нем: «Не знаю, сколько Вам лет, а мне уже довольно много, 45, и вот наше поколение самое забитое, самое обворованное, самое глухонемое. А как хочется, чтобы пришло время и, как в сказке, зло было бы наказано, и таким, как я, прожившим жизнь «праведным трудом», а потому «неуважаемым», находящимся не за чертой нищеты, а под ней метров на десять из-за того, что честно исполняли заповеди «не убий», «не укради», было бы легче жить. А иначе мы, как мамонты, скоро вымрем, как вымирают мои чудные старушки-подружки, получая ублюдочную пенсию 36 руб. или 40 руб.» [18, с. 8].

Умная, образованная, эта женщина *знает и понимает*, что её вера в чудо справедливого воздаяния при жизни призрачна, и все же она признается, что вера её не покидает. Она есть последний удел униженных и оскорбленных, прибежище их религиозного по своей природе чувства. И не только религия, но и все без исключения идеологии ориентированы на чувство веры, впитывают людскую веру в чудо, как губка, поскольку все они построены на мифологической основе.

К сожалению, инфантилизм – характерная наша черта. М. К. Мамардашвили в одном из последних своих интервью настойчиво советовал: «Надо взрослеть. То есть не детскими страстями и представлениями играть, а иметь силу на мысль, на труд свободы и истории, на независимое, достойное поведение во всем, начиная с мелочей» [19].

Здесь мы подошли к самой сложной проблеме, о которую споткнулись наши реформаторы. Пожелав дать народу свободу, они не учли степень его внутренней несвободы. Если вдуматься, то причиной причин сбоев перестройки является недостаток воли народа к свободе, его умения напрягаться во имя свободы. Многие из нынешних критиков перестройки не отдают себе отчета в том, что у них нет морального права на критику: ведь они, если не вредили ей, то пассивно ждали, когда взрослые дяди принесут обещанные плоды на блюдечке с голубой каёмочкой.

А ведь наш народ никогда не знал состояния свободы. В 17-м году он вырвался на *волю* и в революционных действиях выплеснул накопленную столетиями гнета энергию. А затем не без сопротивления, но довольно покорно надел на себя ярмо сталинского тоталитаризма.

Страх свободы – это страх одиночества. Не этот ли страх остаться один на один со своими проблемами в наших условиях стал главным психологическим барьером, заставляющим, например, крестьян оставаться в нерентабельном колхозе?

Ну, а пока мы не свободны, будем уповать на мифические чудеса и отнюдь не на мифическую авторитарную власть.

Новое поколение выбирает...

Еще одна принципиальная особенность идеологической мифологии – она вся пронизана будущим временем. Когда Эдуард Бернштейн заявил: «Движение – все, конечная цель – ничто!», он подвергся ожесточенной критике со стороны прежде всего российских революционных социал-демократов. С тех пор мы живем по принципу: конечная цель – все. А. Ф. Лосев писал: «Исповедовали

часто в Европе так, что одна эпоха имеет смысл не сама по себе, но лишь как подготовка и удобрение для другой эпохи, что эта другая эпоха не имеет смысла сама по себе, но она тоже – навоз и почва для третьей эпохи и т. д. В результате получается, что никакая эпоха не имеет никакого самостоятельного смысла и что смысл данной эпохи, а равно и всех возможных эпох, отодвигается все дальше и дальше, в бесконечные времена. Ясно, что подобный вздор нужно назвать *мифологией социального нигилизма*, какими бы «научными» аргументами её ни обставляли. Сюда же нужно отнести также и учение *о всеобщем социальном уравнении*, что также несет на себе все признаки мифологически-социального нигилизма» [3, с. 406].

Настоящее в качестве разменной монеты коммунистического будущего – таков смысл абстрактного «пролетарского гуманизма». Пока народ жил в крайней бедности, его надежда на светлое будущее совпадала с идеологическим перенесением центра внимания на конечную цель. Но экономика страны развивалась, потребности людей росли. Они формировали новые интересы и ценностные ориентации, которые прямо влияли на мотивацию поведения людей. Проводимые опросы показывают, что мизерное количество людей хоть как-то связывают свою активность со стремлением к коммунизму, понимаемому как конечная цель.

Пожалуй, уже поколение нынешних 35-45-летних отвергло перспективу пролетарских великомучеников. Эти «ребята» категорически отказались «делать веселые лица». Провал хрущевской попытки скачком подтянуться к коммунизму, ставший очевидным в конце 60-х годов, в немалой степени подвиг их к этому решению. В 70-е население перешло на новый уровень и стандарты жизни. В стране появился импортный ширпотреб,купаемый на нефтедоллары. Не зря предупреждали блюстители идеологической невинности, что джинсы – не просто штаны, а штаны с идеологическим зарядом. Благодаря ослаблению противостояния между Востоком и Западом сотни тысяч советских граждан побывали за границей и своими глазами увидели, как живут там люди. Словом,

аскетичная революционная мифология не выдержала сравнения с блестящим рекламным фасадом западного мира.

Можно верить в коммунизм или во что-нибудь другое, но нельзя превращать свою веру (вопрос свободы совести) в вид идеологического насилия. В цивилизованной стране это само собой разумеется.

Новые времена – новые мифы

Идейная убежденность, доходящая до степени фанатичной преданности идеалам, всегда рассматривалась как знак высшей политической добродетели. Но когда человек полностью подчинен одной идее, он как бы оказывается вблизи мощного источника света, который слепит его. И он уже не способен ничего замечать вокруг. Более того, он не хочет видеть, что всякая плодотворная идея несет в себе как зерно истины, так и зерно заблуждения. Он не хочет, чтобы его выковыривали из раковины его мифа, лишали надежной, как ему кажется, мировоззренческой основы. «И когда возвращают слепому глаза его, он видит на земле слишком много дурного: так что он проклинает исцелившего его» [13, с. 100]. Поэтому мои слова обращены к тем и только к тем, кто, заботясь о своей духовности, находится в поиске, не утратил способности доверять жизни, сомневаться, спрашивать.

Мифологизация идей не есть чей-то умысел. Люди нуждаются в идеалах, а они доступны нам только в виде мифов. В мире постоянно идет процесс умирания старых мифов, рождения новых и новейших. Случай с Павликом Морозовым был превращен в миф о пионере-герое. В результате известной метаморфозы он превратился в свою противоположность – в миф о малолетнем стукачотцеубийце. Между тем очевидно, что мальчик стал жертвой жестокости взрослого мира. Ставшие достоянием гласности многочисленные факты о «стройках коммунизма», возводившихся руками заключенных, дали основу мифу о «зэковском социализме». И здесь правда об одной грани действительности спо-

собна ввести в заблуждение в отношении целого – нашей истории, где был и государственный геноцид, но был и массовый энтузиазм.

К числу новейших относится миф о рынке как гарантии нашего экономического процветания. По этому поводу Ф. М. Бурлацкий пишет: «Никто не спорит с идеей рынка, но рынок стал таким же идеологическим заклинанием, каким когда-то были коммунизм и развитой социализм. Каковы пути к нему, каковы проблемы переходного периода, как научить людей хорошо работать, как отучить их волынить и воровать, где найти хороших менеджеров, что делать с государственной собственностью – тысячи вопросов и один ответ – откройте рынок!» [20, с. 2].

Уточним, что ныне в идеологическом обороте имеет хождение не один, а два мифа о рынке. Второй – это жупел капитализма, которым пугают простых людей. Такая ситуация, судя по всему, устраивает государство, которое под сурдинку рыночной мифологии проводит фискальные мероприятия.

Центральное место в современных партийных документах занимает идея «гуманного, демократического социализма». В том виде, как она сегодня существует, мне она напоминает кентавра, существо мифическое. У кентавра, как известно, нижняя часть лошадиная, а верхняя – человеческая. Аналогично у «гуманного, демократического социализма»: нижняя часть – это построенный «реальный социализм», а человеческая «надстройка» – это выраженная уверенность в том, что этот социализм можно сделать гуманным и демократическим. Политическое содержание столь диковинной идеологической конструкции – переходное состояние нашего общества, а также воля руководства идти по пути реформ. Научная проработка данной идеи всячески тормозится, поскольку уже стало ясно, что не только «верхняя», но и «нижняя», экономическая, часть у социализма должна быть тоже человеческая.

Вообще, создается впечатление, что многие партийные документы пишутся, по крайней мере, на двух идеологических языках. Возможно, на данном этапе политически это оправданно.

На исходе века в мире происходят эпохальные сдвиги, направленность которых очевидна: диалектическое «снятие» главной антиномии XX века – противоречия между капитализмом и социализмом. Конечно, это непростой и нескорый процесс, но его завершение положит конец классовым идеологиям, во всяком случае, в том виде, как они сложились в начале века. Уже сейчас вызывает недоумение утверждение, что рынок «улучшает» социализм в сторону капитализма. И это говорится в стране, называемой социалистической, и в тот момент, когда её народ материально, физически и духовно опустошен, ведет полуголодное, неуверенное существование!

А что же наши извечные классовые враги? Наверное, торжествуют победу? Может быть. Люди есть всякие. И тут, и там. Например, известнейший европейский политолог Ральф Дарендорф считает: «Нет никакого смысла в переходе от социализма к капитализму. Дорога к свободе есть переход от закрытого общества к обществу открытому. А открытое общество – не система, а только механизм для изучения альтернатив. Экономические структуры и политики в нем не предопределены, здесь разрешается делать пробы и исправлять ошибки. Поэтому предостерегаю вас: не стремитесь менять системы» [21, с. 71].

Своим советом ни в коем случае не менять систему Р. Дарендорф подкладывает мину под то занятие, которым увлекается известное партийное течение, а именно: запускает большие идеологические «шары» с надписью «социалистический рынок». В них нет реального экономического содержания. Рынок – он и в СССР рынок. Зато они целиком заполнены мифическим газом и потому удивительно легковесны. Тотальная идеологизация всех сторон общественной жизни – системная черта государственного социализма – особенно огромный вред наносит экономике. Сплошь и рядом «чистота принципов» не позволяет внедрять в практику наиболее эффективные формы хозяйствования.

Идеологии, в основу которых положены классовые приоритеты, были и останутся идеологиями гражданской войны. Точно так же идеологии, построенные на примате одной национальности, содержат в себе элемент че-

ловеконенавистничества. Гуманизм, утверждающий исключительную ценность личности, «снимает» коренные пороки классовых и национальных идеологий, открывает перед обществом возможность достижения новых степеней свободы. Поэтому он должен стать основным критерием в новой ценностной картине мира.

Вместе с тем надо откровенно признать, что новое мышление, ставящее личность в центр, противостоит старой идеологии, замешанной на коллективистической основе. «Единица – ноль, единица – вздор!» – вот её девиз. В старой идеологии на все лады воспевается смерть личности во имя идеи. В новой провозглашается, что идея не имеет права на признание, если она покушается на жизнь личности. Свободный выбор между этими идеологическими альтернативами во многом определит судьбу нашего народа.

Последняя иллюзия

Все, что здесь написано в развитие обозначенной темы, рождает у читателя вопрос: считает ли автор марксистско-ленинскую идеологию научной или она есть миф? Подтекст этого вопроса ясен: наш народ жил тяжело, но у него была вера в то, что его ждет лучезарное будущее. Тому порукой есть наука. Не покушаюсь ли я на символ веры? Не отнимаю ли последнюю иллюзию?

Грех, конечно, есть. Но думаю, что в сравнении с «обменом денег», устроенном правительством, мое желание отнять последнюю иллюзию выглядит скромно. К тому же и в этом своем намерении я опираюсь на научную традицию. В западноевропейской научной традиции, представленной такими именами, как К. Маркс, М. Вебер, М. Шелер, К. Мангейм и др., господствует взгляд, что идеология не может быть наукой. Как известно, Э. Бернштейн в начале XX столетия расколол международную социал-демократию своим утверждением, что марксизм как идеология рабочего класса наукой не является. В ленинской научной традиции теория и идеология отождествлены, то есть марксизм рассматривается одновременно и как наука, и как идеология. Так, болгарский про-

фессор Васил Иванов пишет: «Наука, вскрывая объективный характер интересов рабочего класса и выражая их, превращается в идеологию, а идеология в науку» [22, с. 45].

В «социалистической» науке покоряет простота, с которой совершаются взаимные превращения науки и идеологии. Остается непонятным, почему «буржуазная» наука не способна вскрыть объективный характер интересов правящего класса, а если она становится на позиции этих интересов, то серьезные ученые отказывают ей в статусе науки.

Что касается Маркса и Энгельса, то в своем подходе к идеологии они – не марксисты. Нас, правда, уверяют, что Маркс только к буржуазной идеологии относился как к превратному, иллюзорному сознанию. И это похоже на Маркса? Нисколько. Маркс пребывал в великолепной иллюзии, что именно ему впервые удалось создать научную теорию без примеси идеологических предрассудков. Маркс сознательно стремился изгнать всякую субъективность из своих экономических, социологических и политологических построений. Особенно ему претило морализаторство в науке. Его собственный научный дискурс был построен на критике буржуазной идеологической мифологии, в которой он с беспощадной иронией вскрывал реальное экономическое содержание и политические интересы. Критиковать же идеологию вообще также бессмысленно и бесполезно, как критиковать религию за то, что она не дает научной картины мира. Впрочем, об этом чуть позже.

Ф. Энгельс в статье «Эрнст Мориц Арндт», нападая на буржуазный взгляд, замечает: «Речь идет о том, чем нас хотят прельстить» [23, с. 126]. Что значит классик! Сотни многословных определений отстают дальше от сути понятия «идеология», чем одно слово «прельстить». Задача идеолога, выразителя класса, слоя, нации состоит в том, чтобы именно *прельстить* общество ценностями, которые исповедует данный класс, слой, нация. Идеология – своего рода социальная реклама. Когда реклама убеждает нас, что если мы будем чистить зубы пастой такой-то фирмы, то наша жизнь резко изменится к лучшему, она

использует механизм идеологического (и психологического) давления на индивидуальное сознание. И дело не в том, действительно ли обладает рекламируемый товар указанными свойствами, а в том, готовы ли мы подчиниться миру, в котором царит реклама. Если эта готовность налицо, то мы так или иначе окажемся в плену идеологических мифопостроений.

Разовьем дальше взятый для наглядности пример с зубной пастой. Предположим, у меня есть выбор между импортным и отечественным образцами. И я, конечно, выбираю родную советскую пасту. С точки зрения потребительских свойств я поступаю, мягко говоря, неразумно. Но как социальный патриот, идейно вооруженный до зубов, я знаю, что импортная зубная паста есть элемент западного образа жизни. Пусть у них паста лучше, зато у нас водка лучшая в мире. Пусть у них 50 квадратных метров на человека, четыре спальни и два туалета, зато у нас балет лучший в мире. Пусть у них видеотехника и авто дешевые, зато мы делаем классные ракеты. Мы от своих ценностей – ни на шаг! Это и есть идеология.

Мне могут возразить: ироничный вы наш, не путайте божий дар с яичницей – идейные ценности с материальными. А я и не путаю. Я только утверждаю, что в обществе, в котором царит товарный голод, нехватка ширпотреба, вещи будут наделяться мифическим статусом ценностей. Посещение зарубежного супермаркета наносит непоправимый удар по идеологическому сознанию советского человека. Ведь это мы поставили в качестве главной цели создание общества изобилия, а оно уже *там* построено. Значит, мы заблудились, неправильно развиваемся. И нам *оттуда* подсказывают: это очевидно; без рынка нет товарного изобилия, а рынок основан на частной собственности и невмешательстве государства в экономическую жизнь. Все, главный поворот в сознании сделан. Дальнейшее созревание – дело времени и конкретных обстоятельств. Так на наших глазах гибнут социалистические приоритеты, рассыпается мир наших дедов и отцов, втаптывается в грязь наша мораль.

Однако вернемся к тезису о научности как главном достоинстве марксистско-ленинской идеологии. В его основе лежит миф о всемогуществе науки. Истина, если она не принимает научный облик, для нас не существует. Указывая на это заблуждение, А. Ф. Лосев писал: «...если брать реальную науку, т. е. науку, реально творимую живыми людьми в определенную историческую эпоху, то такая наука решительно всегда не только сопровождается мифологией, но и реально *питается* ею, почерпая из нее исходные *интуиции*» [3, с. 403]. Наука, утверждал философ, в принципе не способна разрушить миф. «Когда “наука” разрушает “миф”, то это значит только то, что одна мифология борется с другой мифологией» [3, с. 409]. Таким образом, миф занимает свою, недоступную для науки нишу. Он оперирует не логическими аргументами, а яркими, эмоциональными, художественными образами. Более того, следует признать, что область мифовосприятия залегает глубже, фундаментальнее, чем научные представления, и оказывает долговременное воздействие на сознание людей через ментальные механизмы. Предрассудок оказывается сильнее рассудка, если ему тысячи лет!

Идеология как синтез мифа и науки

Если наука и миф не сводимы друг с другом, то на поле идеологии они вполне сводимы в синтетическое единство. Что можно сегодня сказать о теории развитого социализма, компрометирующей нашу общественную науку? Зато идеологический миф о развитом социализме богат, по-своему содержателен, несет в себе правду о периоде «застоя», духе времени, людях, его персонифицирующих и, между прочим, о том, почему научным изысканиям о реальном обществе, в котором мы жили, путь был наглухо перекрыт.

А. Ф. Лосев отмечал, что «миф надо трактовать *мифически же*» [3, с. 411]. В самом деле, попытка исключительно рационально объяснить происходившие во второй половине 30-х годов в СССР события приводит к выводу о безумии, охватившем власть и общество. В мире стремительно росла угроза мировой

войны, а власть самозабвенно истребляла лучшие военные кадры. А эти толпы, исступленно вопившие «Смерть бешеным псам!» по адресу тех людей, имена которых еще недавно ставились в один ряд с Лениным. Какими же надо быть идиотами, чтобы всерьез принимать букет обвинений, самым мягким из которых была работа на несколько вражеских разведок одновременно?

Это если рассуждать с точки зрения здравого смысла, без учета мифической атмосферы, созданной путем искусственного нагнетания политических страстей. В сознании, находившемся во власти мифа, Н. И. Бухарин, этот «любимец партии», по словам Ленина, превращался в мифического врага, то есть наделялся мифическими возможностями и способностями абсолютного злодея, задумавшего убить самого Ильича. В этом случае чем абсурднее было обвинение, тем жизненнее становился миф.

Единство науки и идеологии выражается в том, что вторая заимствует у первой ее категориальный аппарат и некоторые простые схемы, чтобы затем творить из них политические символы, то есть мифологические конструкции. Язык идеологии действует и на разум и на эмоции таким образом, чтобы выработались убеждения. В этот момент проявляется диалектическая противоположность науки и мифа, закрепленная на психофизическом уровне. Академик В. Б. Раушенбах поясняет: «...вера лежит в правом полушарии головного мозга, в сфере нелогической, эмоциональной, так что атеистическая пропаганда, основанная на рациональных доказательствах, бессмысленна как таковая» [24, с. 35]. Зато смысл приобретают гонения на религию и церковь, начатые еще при Ленине. Большевики отвоевывали себе правое полушарие, «полушарие веры», чтобы поставить его на службу собственной атеистической религии.

* * *

Итак, основные выводы:

1. Идеология не сводима ни к науке, ни к мифологии, но она имеет как научный, так и мифологический аспект. Последний был рассмотрен в данной статье.

2. Достоинство идеологии определяется не научностью (она всегда проблематична), а прогрессивностью, воплощенным в ней стремлением к гуманизму, свободе и справедливости.

3. Кризис советской (коммунистической) идеологической мифологии по своим последствиям может быть даже более страшным, чем экономический кризис, поскольку лишает советское общество способности ценить то, что было достигнуто и стало как бы само собой разумеющимся (речь идет прежде всего о социальных гарантиях для всех и каждого) и, во вторых, разоружает его перед западной пропагандой мифов неумеренного потребительства и свободы как вседозволенности.

ИЗ ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ УКРАИНСКОЙ И РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Период самоутверждения Украины в качестве независимого государства проходит с немалыми издержками. Особенно опасна порожденная всплеском национализма тенденция выискивания противоречий, лихорадочного обособления, противопоставления русского и украинского народов. Вред наносится не только межгосударственным отношениям, но и духовному здоровью собственного народа. В ход пущен тезис о «языке чужого государства», хотя рус-

ский является родным, материнским для более чем половины населения Украины. Третируется как «пятая колонна» интеллигенция, не уступившая бешеному давлению националистов.

Бодрствующему уму, вооруженному историческими знаниями, ясно, что это ненормальное положение временно. Оно сродни ситуации после развода, когда бывшие супруги стараются держать в памяти только обиды друг на друга, исключительно дурное, что было в их совместной жизни. Однако с течением времени в памяти всплывают картины совместного счастья, и горечь утраты все чаще посещает их. Степень историко-культурной общности, духовного сродства украинского и русского народов такова, что государственная граница их не «разведет». Тем не менее сегодня необходимы особые усилия, чтобы защитить совместное культурное пространство от недружелюбия, отстаивать право миллионов людей на свой язык и культуру, спасти, в конце концов, демократию в Украине. Нам решительно не хватает диалога между украинской и русской интеллигенцией внутри страны. Убежден: такой диалог разрядил бы обстановку, внес элементы взаимопонимания и взаимодействия. Традиция взаимоотношений, не простых, но честных и прямых, демократической интеллигенции России и Украины есть, но потребуются немало усилий, чтобы очистить ее от наростов предубеждений и недобросовестного толкования.

Украинские националисты и примыкающие к ним филологи зачислили во «враги» украинского народа под номером три В. Г. Белинского. Первые два места прочно занимают Петр Первый и Екатерина Вторая. Ругать царей, которым «по штату» полагается быть деспотами, – все равно что гневаться на землетрясение, а вот обвинить великого русского революционного демократа в антиукраинизме – это уже пикантно и, главное, работает на тезис о том, что по отношению к Украине российский демократ ничем не отличается от черносотенца.

Обвинения строятся на основании, во-первых, рецензии В. Г. Белинского на поэму Т. Г. Шевченко «Гайдамаки» (1842 г.), во-вторых, частного письма

критика к Б. П. Анненкову (1847 г.), в которых даны резко отрицательные оценки поэзии Шевченко, и, в-третьих, рецензии на «Историю Малороссии» Н. Маркевича (1843 г.), в которой Белинский сделал вывод о том, что «Малороссия никогда не была государством, следовательно, и истории, в строгом значении этого слова, не имела» [1, с. 514].

Белинский бывал резок и груб не только по отношению к Шевченко, Белинский бывал неправ не только по отношению к Шевченко. Но он никогда не лгал, никогда не вставал на позицию ненависти ко всему украинскому. Например, в той же рецензии на «Историю Малороссии» он пишет, что «в быту малороссиян гораздо больше поэзии и человечности, чем в быту великорусского простонародия» [1, с. 512]. Белинский отрицал за украинским казачеством способность к строительству государственного уклада, но это до сих пор является предметом спора специалистов. Белинский был страстным гегельянцем и, разделяя воззрения своего кумира, считал, что народы, не создавшие свою собственную государственность, не способны к самостоятельному историческому творчеству. Отсюда вытекает его оценка украинской истории. Националисты, безотносительно к Белинскому, полностью разделяют эту точку зрения, но обнаружить ее у Белинского мешает им эмоциональная реакция на обидные слова. К слову, обидные слова в адрес того же Т. Шевченко или всего украинского народа не раз произносили выдающиеся украинские патриоты. Что-то не цитируют и не ругают Мыколу Хвылевого (1893 – 1933), который устами своего героя из романа «Вальдшнепы» сказал о поэте: «Разве не он, этот крепостной, научил нас ругать пана, как говорится, за глаза и пить с ним горилку и холуйствовать перед ним, если тот фамильярно потреплет нас по плечу и скажет: “А ты, Матюша, все-таки талант”. Именно этот иконописный “батька Тарас” и задержал культурное развитие нашей нации и не дал ей вовремя оформиться в государственную единицу» [2, с. 164]. Точка зрения весьма спорная, ибо содержит колоссальное преувеличение влияния поэта на реальную историю народа.

Особое место в отношениях украинской и русской интеллигенции принадлежит выдающемуся украинскому патриоту, демократу, либеральному социалисту и гуманисту М. П. Драгоманову (1841 – 1895). Он неоднократно жестко критиковал русскую революционную интеллигенцию за её трактовку славянофильской идеи на русофильский манер, за её недооценку национального движения в решении социального вопроса. Но это нисколько не мешало ему признавать бесспорное значение русского литературного языка и русской литературы для всех славянских племен. Вместе с тем он категорически был против одного «общенационального» государственного языка, который, по его мнению, был призван «задвинуть» народные языки. Подобный подход к насаждению государственного языка он назвал «радикальной катковщиной». Он с радостью отмечал прогресс украинской литературы, выражая надежду, что украинский народ будет иметь своих Тургеневых и Некрасовых. Залогом этого он считал гений Гоголя.

Характерна реакция М. П. Драгоманова на циркуляр 1863 года министра внутренних дел России П. А. Валуева о запрете издания литературы на украинском языке. Это была, главным образом, досада на тупость и интриганство киевских бюрократов, которые и были инициаторами этого циркуляра. В брошюре «По вопросу о малорусской литературе» (Вена, 1876 г.) он с огорчением пишет о том, что этот бессмысленный циркуляр нанес удар по наметившейся тенденции сближения украинской интеллигенции с Москвой: Костомаров осуждает Мазепу, «Правда» печатает «москвофильские» статьи П. Кулиша. Может быть, наиболее концентрированно отношение М. П. Драгоманова к культурному сотрудничеству интеллигенции русского и украинского народов выражено в следующей цитате: «Сколько бы бестактностей ни было возможно насчитать с обеих сторон, а все-таки связь между порядочными «хохлами» и «кацапами» держится не нелепыми циркулярами и даже не преданиями о Петрах и Екатеринах, – а именами и трудами Пушкина, Лермонтова, Герцена, Белинского, Добролюбова и т. п., с одной стороны, и Гоголя, Костомарова, с дру-

гой, без которых трудно себе представить человеческое воспитание и кацапов, и хохлов, хотя, конечно, последним нечего отказываться ни от Шевченка в прошлом, ни от работы для себя самих в будущем, потому что это значило бы отказаться от своего народа» [3, с. 5].

Выдающийся юрист, разработчик концепции правового государства Б. А. Кистяковский сказал о себе: «Я украинец, не перестающий считать себя русским». Многие выдающиеся деятели Украины могли бы повторить то же самое. На наш взгляд, можно говорить о феномене русско-украинской культуры и даже шире – о плодотворном культурном синтезе как достоянии всех народов, проживающих в Украине. Успех украинской государственности будет обеспечен полностью и бесповоротно, когда мы услышим слова: «Я русский, не перестающий считать себя украинцем».

РАЦИОНАЛИЗМ И МИФОТВОРЧЕСТВО В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ В УКРАИНЕ

Как теоретик политической науки, я смотрю на перманентный политический кризис в современной Украине не с точки зрения содержания разогретых борьб за власть актуальных политических вопросов, а исходя из фундаментальных проблем, которые формируют нашу политическую реальность как объективную данность в долговременной перспективе. Некоторые соображения на этот счет высказываются в этой статье.

Цивилизационная неправда

Думаю, все начинается с культуры, в политике – с политической культуры. Речь идет о ментальных вещах и состояниях, которые практически не поддаются изменениям. А ведь именно они формируют наши предпочтения в политике на *дорациональном уровне*. Не политическая реальность определяет ценностную картину мира, а, наоборот, социокультурные основания в нашем сознании открывают горизонт мировоззрения.

Коротко проведем сравнение социокультурных почв.

Мир политического на Западе лишен Неба. Там политика делается главным образом головой, а политическая мораль основана, используя терминологию М. Вебера, на *этике ответственности*, требующей от политика прогнозирования последствий своих действий. В политике, как и на рынке, действует правило, согласно которому цена «товара» должна соответствовать его качеству. «Не навреди!» – гиппократовская врачебная заповедь вполне уместна и для западных политиков.

Для политического деятеля на Востоке первостепенной является религиозно-этическая мотивация, то есть *этика убеждения* доминирует над *этикой ответственности*. На Востоке избрание национальных политических лидеров является не делом народа, а миссией Неба. Люди отдают свои голоса тому, кто *уже* обладает духовной властью над ними. Там образ личности важнее словесных обещаний и программ. В политике, как и во всей культуре, царит представление о должном, идее иерархии как основы раз и навсегда установленного Богом порядка.

Запад либерален, осуществляет проект Модерна; Восток консервативен, живет под властью Традиции. Если Восток являет собой власть Идеи, религиозно выраженной, то Запад проявил в истории Идею Власти, отделенной от Неба (секуляризованной). Восток превыше всего ценит силу духа, Запад очарован духом силы.

Восток и Запад представляют собой некие взаимодополняющиеся и одновременно взаимоотталкивающиеся противоположности. Между ними лежит огромное евразийское пространство, Русский мир, сиречь наше Отечество, поделенное ныне на государства СНГ. По идее мы должны проявлять срединные значения этих крайностей. Вроде нас Сам Бог ближе других подвел к идее синтеза Востока и Запада. Но вся суть нашего трагического положения заключается в том, что Евразия – не спокойное, самодовлеющее пространство, а пространство завихрения, образующегося в результате одновременного перекрестного действия на нас Востока и Запада. Если история цивилизовала это пространство, то неплотно. Я бы сказал, что на нем имеются лишь островки цивилизации. В результате мы то страстно отдаемся власти Идеи (например, коммунистической), то безмерно влечемся к рационально обустроенному европейскому быту, который и представляется нам «европейской идеей». Мы по-европейски выстраиваем «систему» – демократические институты и учреждения, но по-настоящему готовы поверить лишь Человеку, харизматической личности. Мы мечемся, хотя это можно назвать и по-другому: мы живем. Мы не определены, хотя это можно назвать и по-другому: мы нуждаемся в определениях.

При президенте В. А. Ющенко Украина взяла курс на форсированное вхождение в европейские структуры. Почему-то это называется «евроинтеграцией», хотя здесь уместнее употребить термин А. А. Зиновьева «западнизация». Нам поставили задачу стать частью цивилизационного пространства, которое является соседним, близким нам, но не органическим для нас, не своим. Как и следовало ожидать, ющенковский «блицкриг» провалился. Во-первых, «солидарность с борющимися народами» не входит в число политических добродетелей Западной Европы. А во-вторых, и это главное, страна не готова: нам нечего предложить Европе, кроме своей территории. Например, к настоящему времени в сфере науки, техники и образования мы утратили значительную часть того, что привлекало к нам Европу, в чем Европа видела свое второе «я».

Решая стратегическую задачу евроинтеграции, мы *формально* переняли, где могли, европейские стандарты – от законодательства до розетки, а нас по-прежнему «не хотят». Потому что это – притворство, имитация, деревянный танк. Перенять технологию можно, а культурные смыслы и символы – нельзя; товары потребить можно, а культурные смыслы – нельзя. Это, как говорил М. К. Мамардашвили, «протоплазма человеческих явлений».

Надо усвоить одну простую вещь: никакая национальная культура не может автоматически гарантировать человеку «европейскость», поскольку европейцами не рождаются, а становятся. Причем это индивидуальный труд по преодолению собственной инертности, это *личностное усилие*, рождающее свободу, это прорыв за рамки наличной культуры, дающий ей толчок к дальнейшему развитию [1]. А пока мы не выйдем из режима имитации, наша страна будет лишь *по видимости* «демократией», «европой», «рыночной экономикой» и т. д. Сумеет ли мы выйти из этого режима, когда налицо явные признаки деградации целых отраслей науки и производства и, прежде всего, самого «человеческого фактора», – это сегодня большой вопрос.

Социальная неправда

Специфика нашего *месторазвития* (евразийский термин) и историческая традиция обусловили то положение, что социальная справедливость, правдоискательство, идеократия нам архетипически ближе, чем свобода, право, собственность – основные западные ценности. Именно кричащая социальная несправедливость, образовавшаяся вследствие «дерибана» государственной (общенародной) собственности, является главной неправдой нашей жизни, глубоко ранившей нравственное сознание населения и на долгие десятилетия определившей нездоровье Украинского государства. Нас призывают сплотиться, почувствовать себя единой нацией. Как это возможно для потребителей альфатерной продукции и парвеню, ставших в одночасье обитателями дворцов? Ситуация 1917 года не большевиками придумана.

Интеллигентская неправда

Спецификой нашей политической культуры мы также обязаны интеллигентской ментальности. Ее существенной чертой является нетерпимость, политическое озлобление на почве тоталитарного сознания.

Наша передовая «демократическая» интеллигенция боролась с советским тоталитаризмом как с внешним врагом. Разрушение советской политической системы она приняла за крах тоталитаризма. Как жестоко она ошиблась, и прежде всего на свой счет! Ибо смерть Кащея не в нем самом, а в потайном месте укрыта. В наших душах. Тяжесть задачи политической интеллигенцией так и не была осознана: победа над тоталитаризмом – это победа над собой, над своим вождизмом, политической амбициозностью и одновременно близорукостью. Как говорится, рад бы в рай, да грехи не пускают! Рад быть демократом, да тоталитарная культура не дает! Результат налицо: у нас демократия без демократов. Однако с такой ментальностью не то что невозможно установление политического мира в элитарном слое политиков на базе общегосударственных принципов, но, что особенно опасно, и гражданского мира в обществе. От политиков интеллигентского типа (идейнобольных), в первую очередь, исходит угроза народного разъединения.

Указанная крайность наложилась на другую крайность. В последние годы мы были свидетелями странных политических союзов, когда социалисты, националисты, олигархические представители комбинировались друг с другом в беспринципные союзы. Не от хорошей жизни они это делали: объединиться или все проиграть – небогатая альтернатива. Такая политическая неразборчивость не прощается «простыми» избирателями, которые привыкли думать, что совесть – это понятие абсолютное, а не ситуативное. Хладнокровный политический торг они воспринимают как демонстрацию способности этих партий предавать своих избирателей. Политическое предательство – бытовое явление наших дней, лишний раз свидетельствующее о том, что личный состав нашей

политической элиты *не годится* по моральному критерию для решения задач государственного вождения.

Условия успешного функционирования демократического механизма

Нас приучили думать, что в современном мире демократии нет альтернативы. Якобы она является универсальным рычагом решения всех проблем. Мы проходим школу демократии, осваиваем ее, и в этом плане политические кризисы неизбежны и даже полезны для нашего юного политического организма: переживем – крепче будем. Но если посмотреть на демократию без романтического флёра, придуманного европейцами для себя в период, когда они сами осваивали идею народного суверенитета (XVIII – XIX вв.), то она предстанет не организмом, а механизмом, процедурой принятия легитимных решений власти.

Чтобы успешно функционировать, демократический механизм сам нуждается в определенных условиях. Здесь я сошлюсь на знаменитого экономиста и политического философа, нобелевского лауреата Йозефа Шумпетера (1883 – 1950), который указал на эти условия. Их четыре. «Первое условие, – писал он, – человеческий материал – люди, которые составляют партийный аппарат, избираются в парламент, возвышаются до министерских постов, – должен быть достаточно высокого качества» [2, с. 379]. Необходимо, чтобы в политической элите количество людей с высокими нравственными и профессиональными свойствами было довольно большим. Смотрите выше – это не наша ситуация.

Еще одно условие эффективного функционирования демократии – правительство должно иметь возможность контролировать «хорошо подготовленную бюрократию, имеющую высокий статус и исторические традиции, обладающую сильно развитым чувством долга и чувством чести мундира» [2, с. 382]. И это не наш случай. Профессионализм и нравственность отступают на второй план там, где действуют партийно-коалиционные соглашения о разделе «хлеб-

ных мест». Мы уже имеем негативный опыт политических чисток аппаратов управления по принципу – «они стояли вместе со мной на майдане».

Третье условие – это демократический самоконтроль, который выражается в самоограничении всех участников политического процесса. Между прочим, Й. Шумпетер здесь имел в виду, что действующая власть совершает огромную ошибку и преступление перед демократией, когда в своих действиях она не считается с оппозицией и положением в стране [2, с. 384]. А это прямое попадание в нашу ситуацию.

Четвертое условие состоит в том, что борьба за политическое лидерство в выборном процессе требует большой терпимости к разнице во мнениях. Вас «поливают грязью», а вы терпеливо ждете своей очереди. Это дается многолетней выучкой, национальной привычкой, пониманием политики как игры по правилам. И опять я должен констатировать, что это условие нашим политическим классом не выполняется. Более того, с периода президентской кампании 2004 года политические силы известных цветов только и делают, что раз за разом раскалывают страну. Да разве только страну? Семьи распадаются по политическим мотивам.

Напрашивается однозначный вывод, что условия для успешного функционирования демократии в Украине в настоящее время отсутствуют. И, значит, в ближайшей перспективе мы обречены на уродливое развитие демократии, как это было до сих пор. Текущий политический процесс только дискредитирует в глазах народа демократический метод как таковой. И не надо говорить, что «иного не дано». У нас *иное* всегда перед глазами.

Идеологический миф – главное оружие агитации и пропаганды

Сами ли политики одержимы верой, или они занимаются откровенной демагогией, сознательно творя *мифы для других* о том, что будто бы путем перестройки политической системы можно получить эффективную власть, – судить не берусь, да это и не важно. В профессию политиков входит выдавать желаемое

мое за действительное, творить недолговечные мифы в надежде, что после выборной горячки население быстро выбросит из памяти их мифотворчество. Любопытно, что их надежды небеспочвенны. Я бы даже сказал, что они рационально обоснованы тем обстоятельством, что в массовом сознании позиции рациональности оказываются замещенными мифологической картинкой мира, имеющей эмоционально-чувственную природу. Прочитую еще раз Й. Шумпетера. Он пишет: «...даже если бы не было политических групп, пытающихся оказать на него влияние, то рядовой гражданин в вопросах политических скорее всего поддавался бы нерациональным или иррациональным предрассудкам и импульсам» [2, с. 347]. Таким образом, это – общая тенденция, но у нас она чрезвычайно усиливается условиями длящейся второе десятилетие социально-экономической и политической нестабильности. В этих условиях страхи населения перед неопределенностью возрастают многократно.

Что дает миф? Во-первых, миф гасит эти страхи обещаниями скорого и чудесного преобразования действительности («украинский прорыв»). Во-вторых, миф снижает эмоциональное напряжение через обещание стабильности и порядка или обещание состояния праздника, карнавального забвения. В-третьих, миф дает возможность индивиду стать частью коллективного бессознательного, раствориться в массе таких же, как он, *единочувственников*.

Как бы ни был информирован и политизирован среднестатистический избиратель, это ровно ничего не значит. Человек, находящийся «внутри мифа», воспринимает информацию избирательно, поэтому голосовать он будет не умом, а сердцем, что, собственно, и продемонстрировала последняя избирательная кампания. Показательно, что это самое сердце на майке является символом одного из основных политических игроков, чья команда политмифологов одержала победу над... общественным сознанием.

Президентский миф в Украине не работает

Я отнюдь не утверждаю, что нам нужно во всех случаях стремиться разоблачать мифы, замещать их рациональным мировосприятием. Это невозможно. Попробуйте жить без мифа и вы увидите: из мифа выпасть можно только впадая в другой. Во-первых, миф – не ложь, а во-вторых, миф не противостоит рациональности, а дополняет ее. В политической культуре любой нации историей выработаны мифы, играющие большую интегрирующую силу («американская мечта», «русская идея», «европейский дом» и т. д.). Совершенно платоновски я утверждаю, что украинцам нужны «полезные», объединяющие мифы. Сегодня таковые не сложились или не сконструированы.

Для иллюстрации положения возьмем *президентский миф*. Его задача – обеспечивать единство нации и государства поверх разделенности на регионы, партии, языки, религии и т. д. Как работает президентский миф в Америке? На выборах я могу голосовать против кандидатуры президента. Но после его победы даже с ничтожным преимуществом он – «мой президент». Как работает президентский миф у нас? А так: не может быть «моим» президент, чьи убеждения противоположны моим. То есть я не готов внутренне разделить ответственность за его политику. Зато я склонен подозревать его в предательстве национальных интересов. Вместо того чтобы обеспечивать гражданское согласие, нынешний Президент Украины своей однозначно прозападной политикой «раскачивает» страну. Если же принять во внимание, что к власти он пришел революционным путем при поддержке Запада, так что его легитимность сомнительна не только в моральном, но и в правовом отношении, то станет ясно, что он ходит по лезвию бритвы. В этих условиях его политика *объективно* не может быть демократичной, как бы он себя не позиционировал демократом.

Если бы на выборах 2004 года победил кандидат юго-востока Украины, то, разумеется, ситуация была бы почти такая же. Другая половина Украины отказала бы ему в легитимности *по сверхпартийным убеждениям*. В этой связи следует сказать, что до В. А. Ющенко президенты независимой Украины *вынуждены* были проводить бонапартистскую политику – внешнюю и внутреннюю,

которая политизированной частью населения воспринималась как беспринципное шарахание из стороны в сторону. Они лавировали, обходили «острые» вопросы, сдерживали стремление регионов к самостоятельности, в общем действовали по пословице: в доме повешенного о веревке не говорят. Выборы 2004 года покончили с таким положением вещей. И уже нет того «цемента», которым можно замазать так явно обозначенный *раскол народного сознания* Украины. Фигура президента персонифицирует этот раскол. Иногда создается впечатление, что он намеренно делает шаги, его усугубляющие. Вот почему расширение прав и полномочий регионов представляется в настоящее время желательным с точки зрения достижения общенационального компромисса на новом уровне.

МИФОРЕАЛЬНОСТЬ ПРОТИВ РЕАЛИЗМА В ПОЛИТИКЕ

Бывают времена, когда в общественном сознании мифология преобладает над рационализмом, а политический реализм уступает первое место мифореальности. Я говорю о современности. Стоит только взглянуть в современный политический процесс, чтобы убедиться в том, как сильно замифологизирована наша жизнь вообще и политическая в особенности. Сегодня очевидно одно: мысль о решающем превосходстве рациональности над мифологическим мировосприятием древних со времени революции «осевого времени» сильно преувеличена.

Если в древности миф господствовал в сознании, то сегодня сознание господствует в мифе, но, тем не менее, это не отменяет того генерального факта, что мы можем выпасть из мифа разве что впадая в другой. «Существует ли на свете хоть что-нибудь, на что бы мы смотрели реально? – вопрошает современный канадский ученый Джон Ролстон Сол. – Мы взираем на все, не осознавая разницы между мифом и действительностью» [1, с. 21]. Между прочим, Д. Р. Сол посвятил свою книгу «Ублюдки Вольтера. Диктатура Разума на Западе» (1992) разоблачению грандиозного просвещенческого мифа западной цивилизации о том, что она якобы живет по законам Разума. Он показывает, как политики и полководцы, будучи гениями рациональности, ввергали свои и чужие страны в кризисы, загоняли в исторические тупики, организовывали поражения своих армий на полях сражений. И все это из-за принципиального игнорирования иррациональных и дорациональных аспектов социальной жизни.

В данной статье в центре внимания находится анализ текущей политики Украины под углом использования технологий мифотворчества.

* * *

Один из лучших советских философов-марксистов М. А. Лифшиц писал в свое время: «Сознание, как автоматическая реакция живого организма, как вздох угнетенной твари, не совпадает с сознательностью – ясной картиной окружающего мира и своего собственного положения в нем. На этом основана разница между *сознанием* вообще (которым может обладать и животное, ребенок, дикарь) и *самосознанием*» [2, с. V]. Современное массовое сознание характеризуется патологическим отсутствием критической мысли, то есть самосознания. Как будто люди пребывают в гипнотическом сне, некритически воспринимая картинки и ситуации, которые им навешивают политгипнотизёры. Техника мифотворчества – это техника магического внушения. Господа А. Кашпировский и А. Чумак, возможно, нечаянно продемонстрировали колоссальные возможности телевнушения на отечественном пространстве. Голливуд же давно

занимается этим в мировом масштабе, ставя себе целью ни много ни мало американизировать весь мир посредством своих киноиллюзий. Интернет, мобильная связь создали невиданные ранее глобальные возможности для целенаправленного внедрения в сознание мифоконструкций.

Исследователи отмечают, что в посткоммунистических государствах на пересечении развития демократического процесса и информационных технологий пышным цветом расцветает политическое мифотворчество. Политика представляет собой площадку, где миф позволяет нам не столько приобщиться к политике, к миру сильных и властных, сколько приобщить их к себе. По крайней мере, миф успешно создает такую иллюзия для обывателя, толпы, массового сознания. Поэтому политики не могли не воспользоваться этим психологическим механизмом. Телевидение позволило им войти почти в каждый дом и создать там эффект своего постоянного присутствия. «Люди, глядя на экран, <...> втягиваются в политические споры. Ежедневно перед ними разыгрывается многожанровый спектакль, в котором сопрягаются факты и вымысел, документ и его образ, созданный средствами телевизионного зрелища. Предъявленный зрителю на телеэкране мир становится одновременно и отражением реальности, и его мифологическим двойником» [3]. Виртуальная реальность – безусловно, самая распространенная и эффективная форма мифореальности в настоящее время. Если ТВ по какой-либо причине проигнорирует то или иное событие, то оно *для нас* и не происходило, а если из потока информации ТВ выделит его и покажет крупным планом, выпукло, массивно, то это событие немедленно приобретет в массовом сознании мифические размеры. Таким образом, в мифе реальность подается в искаженном виде, он представляет собой микст из правды и лжи.

За годы «демократии» образовался политический рынок, на котором подвизаются и зарабатывают неплохие деньги современные мифотворцы – политтехнологи, спичрайтеры, имиджмейкеры, проплаченные эксперты и аналитики, психологи, ТВ-режиссеры, фотохудожники, графики, дизайнеры, модельеры,

парикмахеры, маркетологи, специалисты по рекламе, журналисты и прочие «креативщики». Их активность резко возрастает в периоды общенациональных выборных кампаний. Особо следует выделить профессию историка-мифолога. Люди этой специальности занимаются переписыванием истории в угоду политической конъюнктуре. На советском языке это называлось «фальсификацией истории». На языке западных специалистов это занятие именуется благозвучнее – «политикой памяти».

* * *

Современный миф – не просто теневая, иррациональная сторона реальности, сегодня он используется как эффективное оружие для решения рациональных политических задач. Удачно сконструированный миф – это мощное политическое оружие, способное как воспитывать борцов за идею, так и разлагать ряды противников, обессиливать целые нации «изнутри», лишая их воли к борьбе. И здесь наиболее демократические и технологически развитые нации показывают пример навязывания своей мифологии другим, решившим взять себе за образец их политическую систему.

Взять хотя бы западный миф о демократии как высшей политической ценности, привлекательность которой заключается в том, что она якобы дает людям свободу. Демократия по своему принципу – это власть большинства. Между тем большинство править не может. Правит от имени большинства меньшинство, элита. Уже здесь сокрыта правда факта, а на поверхность выходит миф о демократии как «власти народа». На самом деле работает формула «власть и народ», поскольку власть находится над народом. Но это еще не все. Запад культивирует либеральную демократию, а либерализм не тождественная демократии идеология. Наоборот, ограничивает ее, поскольку на первый план выдвигает права и свободы индивида. Значит, на самом деле «демократия» является на том же Западе лишь одним из аспектов власти, а нам преподносят ее как сущность самой власти, универсальный, единственно правильный принцип организации политической жизни.

Американцы пока еще способны отличать собственный миф о демократии от политической реальности, что доказывают действия их властей по ограничению прав человека под предлогом борьбы с терроризмом. При этом их демократия как реальная система управления страной нисколько не страдает. Страдает либеральный миф о демократии. Что же касается нашей реальности, то новые хозяева жизни по достоинству оценили политический режим под вывеской «демократия», который позволил им беспрепятственно нажать баснословные состояния в предельно короткое время. Наша «демократия» подозрительно смахивает на олигархию. Такую «власть народа» они готовы поддержать в духе политического реализма без всяких оговорок. К этому следует добавить, что постсоветская буржуазия, как пишет И. М. Попова, «хорошо усвоила, что наличие различных *формальных* признаков “демократичности” – отнюдь не препятствие для проведения “недемократической” по сути политики» [4, с. 18]. А вот «народ» в своей массе миф от реальности не отличает и, подобно быку на корриде, атакует красную тряпку «демократии», а надо бы тореадора.

«Нас», безусловно, «разводят», причем политики всех направлений. В этой «демократической» игре они практически все заодно. Это сравнимо с ситуацией на стадионе, где толпа, поделенная играющими командами на болельщиков, полностью отдается своим страстям. Мы можем освистать «наших» за неудачную игру, но это не значит, что мы когда-либо перейдем на сторону «ненаших». А после игры болельщики разряжаются в потасовках и драках между собой, тогда как игроки давно уже почивают в своих постелях. Если хотя бы однажды «болельщики» не пришли на «стадион», то есть к урнам для голосования, то власть испытала бы глубокий шок. Но «мы» идем на поводу своих страстей, которые «они» искусно разжигают, втягивая нас в свою игру, правила которой лишь частично доведены до нас.

Впрочем, по словам поэта, «обмануть меня не сложно, я сам обманываться рад». Мифическое восприятие мира было у древних естественной формой сознания. Повышенное мифологическое состояние в наши дни и в нашем обществе

объясняется иррациональностью жизни, ее кризисным развитием, разнообразными угрозами и вызовами, которые отдельный индивид самостоятельно одолеть не в силах. И все это протекает на фоне глобальных изменений всего мира, в котором «маленький человек» чувствует себя потерянно, крайне неуверенно. Еще более неопределенным и мрачным представляется будущее. Вот он и ищет отчаянно себе «героя», который чудесным образом разрешит его проблемы. А тот уже спешит ему навстречу и обещает, обещает, обещает... При этом «простому гражданину» не надо закладывать дьяволу свою душу, как Фаусту, ему нужно всего лишь отдать голос на выборах за своего «героя», так сказать, наделять его полномочиями для свершения «подвига».

* * *

Создается впечатление, что у нынешних политологов существует разделение труда. Одни из них комментируют политический процесс, как и учил В. И. Ленин, обнаруживая у его субъектов вполне рациональные интересы и цели, не видя в нем ничего мифологического. Другие трудятся на почве политического мифотворчества. Есть подозрение, что некоторые, особенно «талантливые», работают в обоих направлениях одновременно.

Политтехнологи доказали на практике, что самый короткий и эффективный способ прихода к власти – это пиаровская раскрутка политиков, создание из них мифических персонажей, отвечающих коллективному желанию, тяге массового избирателя к тому или иному типу лидера. В пиар-кампаниях активно используется «героический архетип». В рамках этого архетипа действуют стереотипы, или роли, «героев». Например, роли *хозяина, генерала, рыцаря, молодого дарования, аксакала, экономиста, ученого, юриста, бунтаря-одиночки, шоумена и т. д.* Так, Л. Д. Кучма удачно сыграл на имидже «хозяина», победив на выборах 1994 года действующего тогда президента Л. М. Кравчука, несмотря на то, что в руках последнего был админресурс. В стране к 1994 году возникла драматическая ситуация экономического хаоса, вызвавшая потребность в хозяине, прагматике, человеке дела. Ему противостоял тип политика-идеолога,

националиста, особенно опасный для Украины тип демагога, сваливавшего все беды Украины на Россию/СССР. Во многом Л. Кравчук тогда вписывался в этот портрет.

«Генерал» – человек чести и дисциплины, неподкупен, патриотичен, жесткий по части наведения порядка, силовик. Эту роль успешно играли, каждый в свое время, А. Руцкой, А. Лебедь. Обращает внимание тот факт, что в Госдуме России всех созывов было непропорционально много генералов. Это свидетельствует о том, что российское общество нуждается в таком образе больше, чем в образе «экономиста» или «юриста-законника».

«Рыцарь» – это человек, идущий в политику или, наоборот, добровольно уходящий в отставку в критический момент, дабы вызвать своим ярким поступком общественную реакцию. «Рыцарь» выступает как нравственная личность, не идущая на компромиссы со своими принципами. Помнится, в «перестроечные времена» в рыцари играл Э. Шеварднадзе. Рыцарь – это нетипичная ипостась для украинского политического менталитета. Благородный Дон Кихот – не наш национальный характер. И все-таки черты этого мифа угадываются в политическом почерке В. Литвина.

Еще одна роль – *молодого дарования*, представителя нового поколения, не обремененного грехами и стереотипами прошлого. Он имеет право на ошибку. Этот миф пока успешно раскручивает для своей карьеры «киндер-сюрприз» украинского политикума А. Яценюк. В России в период Б. Ельцина эту роль исполняли «младореформаторы» Е. Гайдар и А. Чубайс, а также Б. Немцов.

Противоположную роль *аксакала*, политика-тяжеловеса, мудреца, житейский и политический опыт которого имеет первостепенное значение в кризисных ситуациях, успешно играли в России Е. М. Примаков и В. С. Черномырдин. У нас в этой роли пребывают бывшие президенты Л. Кравчук, Л. Кучма и украинский «Степаньч» (И. С. Плющ).

Есть персональные мифы, созданные специально под данные тех или иных вождей. Так, Ю. В. Тимошенко – «спасительница-воительница», украинская

Жанна д'Арк. Ей ничего не надо, потому что у нее все есть – «заработала». Значит, считает массовый избиратель, на данном этапе она не заинтересована в коррупции, ее личные интересы в целом совпадают с интересами государства. Но у этой политдамы № 1 Украины есть и черный миф, созданный ее конкурентами. «Газовая принцесса» – это образ крупномасштабного воровства. Когда она стала «премьеркой» в первый раз, то в результате ее ручного управления экономикой в стране разразился целый ряд кризисов – мясной, бензиновый и др. Юлия Владимировна в директивном порядке потребовала, чтобы говядина продавалась на рынках по 15 грн за кг. И оно действительно кое-где, в частности в Одессе, стало продаваться по этой цене. Мясо это получило в народе ироничное прозвище «кости Юлии Тимошенко». «Кости Юлии Тимошенко» – это яркий, эмоциональный образ экономической безграмотности, что вообще-то находит свое подтверждение в ее сегодняшних акциях вроде символической выплаты тысячи гривен из советских сбережений. Кстати, Ю. Тимошенко с мясом как-то хронически не везет. В ее второй приход в правительство опять был скачок цен на мясо и начал раскручиваться инфляционный виток, который подорвал наметившуюся было в период премьерства В. Януковича стабильность. Также бросается в глаза чрезмерное стремление к власти. Кажется, именно на этот тяжелый наркотик она и «подсела». Женщина, стремящаяся к власти во что бы то ни стало, – такой образ, несомненно, вызывает негативную реакцию у значительной части населения. Впрочем, и другие ведущие деятели также несут на себе груз черного мифа. Например, В. Янукович – «проФФесор и бандит», В. Ющенко – «бандеровец, пчеловод и тушитель лесного пожара». Однако по части выразительности, накала эмоций, разжигания политических страстей Ю. В. Тимошенко значительно превосходит всех своих оппонентов из украинского истеблишмента. Она – ярко выраженный политик макиавеллистского типа, стремящийся манипулировать массами через общественное бессознательное, то есть играя на страхах и упованиях «простых граждан». Она – безусловно, талантливая актриса, способная сыграть любую роль, подходящую

к текущему моменту. Очень характерна ее манера выступать в телепередачах. Если, скажем, Юлия Владимировна дает интервью, она практически не обращает внимания на содержание вопроса, а смотрит в телекамеру немигающим, стальным взглядом и поставленным, размеренным тоном учительницы младших классов методично внушает «народу» то, что заранее решила сказать. Причем ее выход на публику продуман до мелочей. И одежда, и мимика, и жестикация, и в особенности семантика словоупотребления – все должно оказывать магическое воздействие на аудиторию. Это, безусловно, «работа» питона с кроликом или колдуна со своим племенем.

* * *

Вряд ли мы погрешим против истины, если станем утверждать, что современное политическое управление в демократических странах в значительной мере сводится к манипулированию общественным сознанием путем целенаправленного внедрения нужных для власти мифологем. Так, в настоящее время мы наблюдаем, как на деньги украинских граждан им крупномасштабно реформатируют сознание, внедряя в него миф о НАТО как гаранте европейской и национальной безопасности. Делается это под видом разоблачения советского мифа о натовцах. Мол, это была чистая пропаганда времен «холодной войны». И вот теперь под видом отказа от неправды социализма нам хотят навязать неправду о капитализме. Поляк Веслав Брудзиньский заметил: «Воображаемый мир приносит вполне реальные выгоды, если заставить жить в нем других». В данном высказывании вызывает возражение слово «заставить». В условиях демократии надо не заставить, а «незаметно» навязать. Именно так «работает» политический миф: он внедряется в сознание из подсознания. Миф, судя по всему, и связывает эти два этажа человеческой духовности.

В нашем случае сложность для манипуляторов состоит в том, что их пронатовский миф сталкивается с рациональным пониманием ситуации. Все граждане Украины, даже очень далекие от политики, осознают простой выбор: кто за НАТО, тот против России. Ибо вхождение Украины в НАТО создает серьез-

нейшую стратегическую угрозу для безопасности России. И в Севастополе будет портить экологию не Черноморский флот, а натовские боевые корабли. Кстати, платить за это натовцы не будут, поскольку «безопасность» Украины сама по себе стоит больших денег.

На это понимание накладывается фактор имен-брендов. Какая политика отмечена брендом «Ющенко»? Политика, продиктованная боязнью России, ее растущего потенциала и возможными претензиями к Украине. Вот и спешат обставить отношения с Россией контрпретензиями, националистическими провокациями и всякого рода недружественными заявлениями. Спешат укрыться в Европейском Союзе. Но дело в том, что Европа никогда не была и вряд ли когда-нибудь будет единым целым, несмотря на усилия так называемой европейской бюрократии по созданию наднациональных европейских институтов и законов. Это ясно показали провал попыток принятия «европейской конституции» и действия отдельных государств вразрез общеевропейским интересам. «Единая Европа» – это прежде всего баланс в отношениях между Германией, Францией и Англией. Никаких особых отношений с этими странами, определяющими позицию Европы, у Украины нет. Если же для нее Европа очерчивается отношениями с Польшей и странами Прибалтики, то речь идет всего лишь о преддверии Европы. Стучитесь – и вам откроется! Вот только сколько лет придется ждать?

Такое резкое нарушение естественного для Украины в ее нынешних границах баланса между Россией и Европой может привести к крупному провалу всей внешнеполитической стратегии нынешнего политического руководства, которое фактически пожертвовало особыми отношениями с Россией ради мифической интеграции в европейские структуры. Раньше мы были «младшим братом», теперь стали неверным политическим партнером с перспективой стать вероятным противником и экономическим конкурентом, с которым надо осмотрительно вести торг и строить отношения строго по вкладу в общее дело.

Господину Ющенко не хотелось сердечности с Россией, он хотел прозрачности, он ее получит вместе с газом по 400 долларов. Жаль только, что простые граждане Украины не могут отделиться от г-на Ющенко и должны будут за него расхлебывать его политическую кашу. Да, чтобы быть Диоклетианом, надо быть императором, хотя бы в душе. А у нас душа пчеловеда. Сегодня в Киеве доминирует провинция, крестьянская глубинка, полуграмотность, дилетантство, поверхностность, некомпетентность во всем.

Все уже «знают», кто такой «Ющенко» и что такое «Тимошенко», поэтому никого нельзя обмануть. То есть я хочу сказать, что эти политики, тянущие Украину в НАТО и настраивающие население против России, воспринимаются в общественном сознании не как реальные люди, а как мифологические персонажи «Ющенко» и «Тимошенко». «Ющенко» – это не человек, это символ политики. И уже не различить, кто реальнее – «Ющенко» как миф, отделившаяся от личности политическая Тень, или сам человек Виктор Андреевич Ющенко. Кто из них реально занимает должность Президента Украины? Впрочем, мы это скоро узнаем, как только «хромая утка» потеряет свой пост. Так же было и с Л. М. Кравчуком. Уйдя в отставку с должности президента, он заговорил совершенно другим языком. Оказывается, это – нормальный, умный, критически мыслящий политик. А ведь была еще одна реинкарнация Кравчука – «Кравчук» периода его пребывания в должности идеолога Компартии Украины.

Гипноз огромной власти – страшная вещь, уродующая изнутри. Такова судьба политических деятелей. Когда они занимают во власти высокие ранги, в их душах человеческое вытесняется политическим, которое управляет их поступками с позиции пресловутой целесообразности. Противостоять этому зомбированию могут лишь люди высокой культуры. Среди наших политиков это редкость необычайная.

Политики известной ориентации крайне назойливо используют словосочетание «незалежна Україна». Возможно, в этой семантике есть рациональный смысл. Определение «независимая» призвано скрыть тот факт, что Украина как

государство далеко еще не состоялась, это лишь становящееся государство, не имеющее живых традиций исторической государственности. Если Россия учится быть эгоисткой, то Украина просто учится быть. И неприятная альтернатива так и не стать государством, а остаться на положении квазигосударства, продолжает перед ней маячить. Реальность такова: Украина так и не смогла распорядиться тем богатым наследством, которое ей досталось от Советского Союза, бездарно разбазарила имевшиеся в ее распоряжении индустриальные мощности, технологические возможности, людской потенциал. В этих условиях властные круги Украины фактически созрели для того, чтобы разменять суверенитет страны на подключение к европейским возможностям модернизации экономики и коллективной системы безопасности (НАТО). Они готовы предоставить территорию и население страны под периферию в полное распоряжение западного капитализма со всеми негативами усиленной эксплуатации всего того, что имеет какую-то ценность. А разговоры о реализации стратегического курса на европейскую интеграцию призваны прикрыть их собственные некомпетентность, корыстолюбие, продажность и крайнюю невыгодность для народа соглашений с Европой. В народе Украины растет понимание, что им управляют компрადоры. Это в определенной мере сужает возможности для манипуляции общественным сознанием.

* * *

Э. Кассирер отмечал: «Понять миф – означает понять не только его слабости и уязвимые места, но и осознать его силу» [5, с. 65]. С этой точки зрения любопытно оценить творчество мифореальности в Советском государстве. Как считает поляк А. Валицкий, «тоталитарный потенциал коммунистической идеи раскрылся полностью уже при Ленине» [6, с. 83]. Мифы особенно крепки, устойчивы, действенны, когда они имеют религиозную, сакральную основу. Сакральный компонент политической мифологии Советского Союза был разрушен Н. С. Хрущевым разоблачением культа личности И. В. Сталина. Предложенная им взамен мифологическая концепция скорого построения комму-

низма лишь на короткое время вновь воодушевила людей. Брежневский отказ от «ускоренного строительства коммунизма» был фактической, хотя и не декларируемой установкой на деидеологизацию общества. Кроме того, вера в Идею, Партию и ее лидеров была сильно подорвана лицемерным поведением партноменклатуры. Как в средние века католическая церковь призывала людей жить скромно, с Богом в душе, а ее церковные пастыри во главе с Папой и кардиналами погрязли в роскоши и разврате, так и КПСС утратила авторитет в глазах народа в результате «перерождения» партаппарата.

Вдохнуть новую жизнь в советскую мифологию попытался энергичный и относительно молодой генсек М. С. Горбачев, предложивший в духе своего «нового мышления» осуществить идеологическую конвергенцию, породнить рынок с социализмом. Однако социал-демократическая химера наподобие «шведского социализма» по идеологическому заказу Горбачева родиться на свет так и не смогла. На деле внесение в советскую идеологию изначально чуждых ей элементов мифологической системы Запада привело к потере ее целостности. Дискредитация общезначимых образов советской мифологической системы, их высмеивание и оплёвывание при одновременной абсолютизации компонентов западной мифологической системы привели к расстройству сознания миллионов. Это хорошо объясняет удивительный феномен: распад Советского государства осуществлялся при полном равнодушии замороженного демократическим мифом населения. Вся система власти в СССР, заточенная на генерального секретаря КПСС, была парализована, ибо не верилось, что лидер страны выступает ее разрушителем. Это все равно, как если бы Римский Папа заявил своей пастве, что миф об Иисусе Христе является ложным.

Таким образом, мы имеем перед глазами исторический урок, показывающий громадное значение живой мифологии в политическом управлении. Из этого урока вытекает двоякое отношение к политическим мифам. Можно их «разоблачать» с позиций политического реализма, выявлять их рациональное содержание. Разум не должен поддаваться мифологической стихии. Иначе это будет

возвратом к архаике социальной жизни. А можно подойти к ним как к политико-психологической реальности, с которой надо не бороться, а считаться.

В первом случае надо иметь в виду, что правда мифа сильнее рациональных доводов, поскольку миф рассчитан на обыденное сознание, на тот его уровень, который активизирует примитивное, не критическое мышление путем создания синтетических эмоционально-психологических образов. Миф неуязвим до той поры, пока сама жизнь как объективная реальность наглядно не покажет его бессодержательность. Как пример, можно привести неудачные попытки западных СМИ и российской западнической интеллигенции демонизировать В. В. Путина как создателя авторитарного режима. Из этого ровным счетом ничего не вышло. Несмотря на противоречивость путинского курса, в массовом сознании россиян он остался «спасителем России», поскольку вывел ее из ельцинского демократического бардака на стабильную траекторию развития. Серия анекдотов, придуманная, я уж не знаю, недругами или симпатиками Путина, на тему о его авторитарном стиле руководства, только укрепила его образ Хозяина в глазах общества.

Второй подход позволяет нам рассуждать с чисто практической точки зрения: раз уж миф всегда с нами, то надо использовать мифологическую стихию как данность, различая при этом полезные и вредные политические мифы. Полезные мифы играют интегративную роль, сплачивают политическую нацию, способствуют ее политическим, экономическим, культурным успехам. Вредные, наоборот, вносят вражду и раскол в социум ради тактических выгод тех или иных субъектов политики. В этом смысле следует считать важной задачей работу по выявлению общезначимых архетипов украинского общества и на этой основе формировать целостную политико-мифологическую систему, обосновывающую цели и механизмы развития всей социокультурной системы.

«ПОЛИТИКА ПАМЯТИ» РЕЖИМА В. ЮЩЕНКО

Толчком к написанию этой статьи было впечатление от того, как бледно, невыразительно был отмечен в Украине 300-летний юбилей Полтавской битвы – главного события Северной войны, решившего ее исход в пользу России. После победы под Полтавой она сразу же вошла в Европу на правах великой державы, а Швеция, соответственно, потеряла этот статус.

Волею ее участников это событие случилось на части территории современной Украины, тогдашней Гетманщины. Как заведено в нашей традиции, украинцы приняли участие на обеих сторонах. И та сторона, которая проиграла *тогда*, предложила нашему обществу *сейчас* считать эту важную историческую дату очередным «днем скорби». Еще у этой стороны явился повод вспомнить гетмана Мазепу и воздать ему хвалу как «герою борьбы за национальную независимость».

Проводимая в нынешней Украине «политика памяти» имеет тенденцию съедать историю, как моль дорогую шубу. Полтавское сражение пало его жертвой. Да что там Полтава, если победу в Великой Отечественной войне велено считать «чужой»? Что-то плохое происходит с Историей в нашей стране, и оценить это плохое – цель данной статьи.

1. Решительный поворот

В. А. Ющенко войдет в современную историю Украины как президент, решительно совершивший поворот от той «политики памяти», которую проводили, достаточно вяло, его предшественники Л. М. Кравчук и Л. Д. Кучма. Суть

этого поворота заключается в переходе с национально-государственной позиции на этнонациональную. «Моя нация», – любит говорить он, имея в виду только украинцев по национальности за вычетом «хохлов» и «малороссов», под которыми подразумеваются украинцы, лишённые националистического сознания, то есть, с его точки зрения, неполноценные украинцы.

Ни Верховная Рада, ни правительство не проявляли сколько-нибудь значительную активность в идеологической области. Напротив, В. А. Ющенко лично взял на себя обязанность идеологического оформления политической линии своего президентства. Посредством указов и речей, посвящённых памятным датам, событиям и историческим персоналиям, он занялся национальным мифотворчеством с целью закрепить в сознании новых поколений украинцев полезные для этнического украинского государства ценности.

Зачем пан Ющенко начал играть на историческом поле? Ответ очевиден: это способ интерпретации собственной политики, её моральная подоплека; это – оправдательный, идеологический аспект его политической практики. Помните, Г. Флобер о героине самого известного своего романа сказал: «Мадам Бовари – это я». Точно так же В. А. Ющенко «разогревает» историю, фактически сигнализируя обществу: Петлюра – это я; Бандера – это я; Шухевич – это я; Мазепа – это я. Если в его интерпретации они – герои нации, то он – продолжатель их героического дела в наши дни (см. приложение № 2).

2. Понятие «политики памяти» и её суть

В понятие «политика памяти» входит препарирование исторических событий и фактов под углом актуальной политической целесообразности. Синонимом «политики памяти» является понятие «историческая политика»*. В основе «политики памяти» лежит манипулирование фактами, их смысловая переинтерпретация в нужном духе и в нужном русле. Эта работа *обязательно* сопровождается

* Понятие «историческая политика» (Geschichtspolitik) стало активно употребляться в ФРГ в начале 1980-х годов, когда к власти пришло правительство Г. Коля. Её проведение было жестко раскритиковано самими немецкими историками.

ся разрушением исторической памяти путем вытеснения из нее логически и психологически не согласующихся с общей картиной современного идеологического сознания исторических фактов и даже целых пластов истории. А мифологическая картина прошлого, закрепленная во вновь созданной таким образом коллективной памяти, становится частью *современной действительности* и служит ее утверждению.

«Политика памяти» – это: а) создание критериев для отбора тех исторических событий, которые следует сохранить в памяти, и тех, которые следует из нее «стереть»; б) разработка программы по внедрению этих критериев в массовое сознание с целью превращения их в неосознаваемые стереотипы; в) мемориальная пропаганда однозначных исторических символов, которые, во-первых, должны в массовом сознании соединяться с актуальной реальностью и служить критерием ее оценки и, во-вторых, заслонить собой реальную историю во всей ее сложности и противоречивости.

Сюда входит также создание и использование институтов и инструментов для проведения этой политики и, наконец, подбор кадров, которые эту политику осуществляют. Политики, чиновники, специалисты по идеологической мифологии, журналисты, литераторы, «телевизионных дел мастера», научные работники гуманитарных направлений. В число последних входят, конечно, и историки.

Суть «политики памяти» выражена в тезисе: важно не то, что было на самом деле, а важно *то, что мы думаем* о том, «что было на самом деле». Манипулируя историей, конструируя «другую память», можно управлять современной политикой. Это что-то очень знакомое. Конечно! Об этом писал Дж. Оруэлл в знаменитом романе «1984» применительно к системе управления в тоталитарном государстве. Кто владеет прошлым, тот владеет настоящим – так формулировался один из основных принципов управления в таком государстве. Как по-

казывает текущая история, к этой по сути макиавеллистской технологии склонны прибегать и либеральные, и полулиберальные режимы.

Кому это нужно? Говорят, это нужно для самоопределения государству, власти, народу, политическим субъектам (партиям и общественным организациям) и, наконец, гражданам, которые без исторической ориентации теряют драгоценную способность быть патриотами.

3. Главное направление исторической политики режима Ющенко

Российский историк А. Миллер, занимающийся проблемой исторической политики, которую он считает «весьма опасным феноменом», поясняет: «...в политике памяти и в стратегиях построения идентичности ключевую роль играет образ врага (внешнего и внутреннего), когда собственная нация представляется в роли неизменной жертвы, когда осуществляется “экспорт вины”. Историческая политика на международном уровне выливается главным образом в требования, предъявляемые соседям, например предлагается юридически закрепить признание тех или иных событий прошлого актами геноцида» [1].

Это один к одному то, чем занят режим Ющенко. (Под «режимом Ющенко» я понимаю те структуры власти, которые подчинены лично президенту или созданы его указами и работают под его контролем.) Возьмем для примера наиболее яркую акцию по чествованию памяти миллионов, умерших от голода 1932-33 годов, ставшего прямым следствием сталинской сплошной коллективизации. В этой широкомасштабной и весьма затратной кампании слишком явно просматривалась националистическая претензия быть исключительной жертвой сталинского тоталитаризма. Защита национальных интересов вышла странной и неубедительной. Неубедительной как для самой «нации», так и для заграницы. Но Бог с ней – с заграницей. «Страшная правда о голодоморе» – это такой пересол по части конъюнктурного использования истории в политических целях, что в результате случился «незапланированный эффект» – рейтинг организаторов и вдохновителей этой акции *в глазах собственного народа* значительно опустился. Неискушенный в исторической политике «народ» именно *почув-*

*с*твовал, что имеет место пересол. Дело в том, что размах символических скорбных мероприятий был таков, что напоминал ситуацию: в семье есть скромная сумма денег, и вся она потрачена на кладбищенский памятник и цветы на могилу умершей от голода прабабушки, тогда как средств на питание и лекарства больному туберкулезом ребенку не осталось. Технология технологией, но ведь ее уметь применить надо с умом и чувством меры, нехватка чего и выдает режим Ющенко с головой.

В идеале национальное самосознание выковывается на однозначно трактуемых исторических событиях, которые воспринимаются народом в качестве вех своего становления и возмужания. Однако единомыслия в оценке исторических событий или персоналий практически никогда добиться не удастся. История слишком неоднозначна и противоречива. История Украины в этом отношении особенно выделяется, поскольку отдельные ее территории веками принадлежали истории других политических образований, нынешних соседей, что сказалось буквально на всем: на культуре, языке, мировосприятии, социальных реакциях, обычаях повседневной жизни и т. п. Эта ситуация диктует конструкторам памяти задачу концептуально представить историю Украины как борьбу за воссоединение и воссоздание государственного единства *всегда* существовавшей нации, разделенной по вине злобных и завистливых врагов. Таким образом, новая парадигма истории Украины носит название «борьбы за национальное освобождение». Прямо скажем, это – националистическая парадигма. Надо ли говорить, что конструирование такой истории напоминает операцию по созданию Франкенштейна, искусственного человека?

На главную роль «врага нации» естественно выдвигается Россия/СССР, поскольку Украина целиком оттуда вышла. Ни для кого не секрет, что главное направление деятельности режима Ющенко внутри страны – это борьба с русской культурой и языком как основой враждебного влияния России на украинский народ, который так и не смог преодолеть в себе «комплекс колониальной зависимости», то есть по-прежнему считает русский язык родным, хорошо от-

носится к Пушкину и Толстому, Гоголю и Тургеневу, считает советскую историю своей и не сводит ее исключительно к тоталитаризму, голодоморам и репрессиям.

Попытка представить историю Украины как последовательное развертывание какой-либо одной линии, скажем, борьбы за национальную независимость, может быть квалифицирована как *мифологизация* этой самой истории. На самом деле украинская история двигалась одновременно по нескольким дорогам. И какая из них была магистральной и в какой период времени, а какие второстепенными, тупиковыми и проселочными – вопрос, конечно, сложный и дискуссионный. Во всяком случае, окончательный ответ на него мы не получим никогда.

4. Инструменты «политики памяти»

В романе Оруэлла «политику памяти» проводило «министерство правды». Всего лишь одно министерство. В нашем случае эту политику поручено проводить министерству образования и науки, ряду институтов НАН Украины. Но главными инструментами «политики памяти», специально созданными под решение этих задач, являются Национальный комитет по телевидению и радиовещанию (НКТР) и Украинский институт национальной памяти (УИНП). За выдавливание русского языка из украинского теле-радиопростора ответственным назначен НКТР. За историческую политику отвечает УИНП. Поговорим о последнем.

Украинский институт национальной памяти был создан по личной инициативе президента 31 мая 2006 года. С момента создания он вошел в правительство на правах государственного комитета. Целью его деятельности было объявлено проведение мероприятий по увековечению памяти участников национально-освободительной борьбы, жертв голодоморов и политических репрессий. В задачи Института входит «определение направлений и методов восстановления исторической правды и справедливости в исследовании истории

Украины и координирование исследований в государстве, которые проводятся по этому вопросу» [2]. Институту как правительственному органу даны полномочия директивно определять, что относится к «исторической правде», а что – нет, и отсеивать все «неправильные» толкования и концепты.

УИИП является украинским аналогом польского Института национальной памяти, созданного в 1998 году. Последний в Польше быстро превратился в трибунал, который имеет право безапелляционно осуждать и бесчестить как отдельных людей, так и целые сообщества. Польский историк Дариуш Стола говорит о нем: «ИИП – не исследовательское учреждение, а министерство памяти, мои коллеги историки, которые там работают, являются государственными чиновниками, а их шеф – политиком» [3].

В своем интервью зам. главы УИИП А. Иванкив поведал, что сотрудники УИИП взялись за написание нового, как он выразился, «канонического» учебника по истории Украины. Канонический учебник – это что-то вроде сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)». Государственная монополия на информацию. Государственная монополия на историю. Это уже пахнет тоталитаризмом. Только это «наш» тоталитаризм, и потому он приветствуется.

В общем УИИП занимается аморальной деятельностью, и вся его «продукция» априори не может рассматриваться всерьез в научных кругах. Я сказал – «аморальной» и хочу уточнить: с точки зрения общественной морали и духа демократических ценностей. Но эта деятельность вполне согласуется с политической моралью государства (слоя политических управленцев), которое не уверено в себе, не надеется на граждан (еще бы: оно живет за их счет) и которое стремится к самосохранению *любой ценой*.

«Мы – внепартийная структура», – сообщил Иванкив. Полноте, это лукавство. По большому счету в стране есть только три неформальных партии – либерально-демократическая, партия социальной справедливости и националистическая. Иванкив входит в партию националистическую, и УИИП есть проект этой партии. Если в Верховной Раде победит либерально-демократическая

партия, то УИНП прикажет долго жить вместе с «каноническим учебником», а если нет, то в этом учебнике бандеровцы будут побеждать на фронтах Второй мировой войны и в конце концов водрузят над рейхстагом жовто-блакитное знамя победы, а также будет «неопровержимо доказано», что УПА спасала евреев и поляков от погромов советских партизан.

5. За что боролся гетман Мазепа?

Критерий отбора исторических персонажей на роль «героев нации» один – борьба за государственную независимость Украины. При этом средства и мотивы не имеют никакого значения. Так же, как не имеет значения, была ли эта борьба в исторической реальности или представляется (измышляется) таковой конструкторами исторической памяти.

По этой однополярной логике враги советской власти автоматически превращаются в борцов за независимость Украины. В этой связи стоит отметить, что председатель СНК УССР с 1923 года Влас Чубарь, с именем которого неразрывно связан страшный голод начала 30-х годов (именно он подписал печально знаменитое Постановление СНК УССР «О борьбе с саботажем в хлебозаготовках» от 6 декабря 1932 г.), одновременно являлся ярким украинизатором. И таких фактов, приоткрывающих реальную картину сложной и подчас весьма неоднозначной исторической реальности, немало. Мифологизация эту правду истории стирает. Кстати, по этой же логике почитаемый как отец нации Тарас Шевченко был обязан попасть в опалу советской власти. А она его любила и почитала. Называла его именем улицы и проспекты. И памятников ему поставили в украинских и в неукраинских городах СССР предостаточно. Как тут быть? А никак. Просто не замечать факта.

Никто не сомневается, что Бандера и Шухевич мечтали о «своей державе». Ими двигала утопия этнически чистого украинского государства. Во имя этой утопии они пошли на прямое сотрудничество с Гитлером. И во имя этой же утопии ОУН-УПА совершила преступление геноцида – кровавые этнические

чистки поляков, евреев и тех украинцев, которые посмели «испортить кровь» межэтническими браками. Борьба ОУН-УПА за украинскую державу вылилась в массовые убийства, невероятно дикие по своей жестокости, ни в чем не повинных селян. Причем убивали такие же селяне – прямые соседи или из соседнего села, мобилизованные кровью в отряды УПА. Как быть со всем этим? Списать на военное время?

У бандеровцев было присловье: щоб була вільна Україна, треба крові по коліно. Можете себе представить, в какой кошмар насилия мы бы были ввергнуты, если бы сегодня кому-то вздумалось вернуться к их утопии?

И наконец о нашем «герое» из эпохи казацкой Украины. Главный методологический порок современной украинской историографии – это разрыв с принципом историзма, недопустимое осовременивание гетмана И. С. Мазепы, присваивание ему того круга идей и мыслей, которыми мы живем сегодня и которые в принципе не могли возникнуть в конце XVII – начале XVIII века. Идея национальной независимости при отсутствии нации, идея равенства в условиях феодализации украинского общества, идея свободы как прав человека – все эти идеи из арсенала других времен. Идея прав человека и сегодня еще «преждевременна» на украинском пространстве: в голове украинского политика она существует как модный лозунг и демагогическая фраза, в голове чиновника напрочь отсутствует, в голове «простого гражданина» присутствует в виде китайского иероглифа, а в голове научного работника – как абстрактная теория. Что уж тут говорить об эпохе, когда людей четвертовали и на кол сажали.

Во времена Мазепы казацкая старшина только-только во вкус входила неволить и под ярмо ставить казацкую бедноту и крестьянство. Пикантность ситуации заключается в том, что совсем еще недавно эта самая старшина из числа реестровых казаков сама испытывала на себе всяческие притеснения и произвол со стороны польской шляхты и магнатов. В «своем» государстве, в Гетманщине, она стремительно стала превращаться в панский слой, захватывая в свою собственность земли с сидящими на них крестьянами и простыми казака-

ми. Мазепа выражал интересы этого слоя. Он стоял за казацкую олигархию, власть генеральной старшины и полковников на местах. Он сформировал правительство из лично преданных ему кумовьев, племянников и так называемых бунчуковых товарищей. Он был далек от идей демократического устройства Украины и народолюбия, как, простите, я – от мысли стать прима-балериной Большого театра. Кстати, так называемая «Конституция» Ф. Орлика, которую у нас принято приводить в качестве образца передовой украинской политико-правовой мысли, была не чем иным, как «прелестным письмом», то есть предвыборным документом, построенным на обещаниях перемен в системе управления страной, которую создал и культивировал Мазепа. Орлик учел недовольство казаков режимом самовластья Мазепы.

Окружив себя «кумовьями», получившими свой «бизнес» из его рук, он развел панцину и сам, по утверждению Дм. Дорошенко, имел около полумиллиона (!!!) крепостных. Это к вопросу о том, что он якобы хотел освободить народ, за что тот, неблагодарный, платил ему ненавистью. Судьба простого украинского народа абсолютно не трогала этого крепостника. Известны его письма Петру I, в которых он давал царю советы, как надо управлять малороссийским народом. Советы умные и циничные.

Этих аргументов достаточно, чтобы сделать однозначный вывод: понятие свободы Мазепа никак не соотносил с народом. Для него свобода – это неограниченная возможность распоряжаться «своим» народом во благо себе и своего окружения.

Не забудем существовавшую рядом с Гетманщиной Запорожскую Сечь. Казацкая «демократия» – это совсем не то, что нам рисуют патристические историки: в ней нет ни грана от государственной идеи. Присущий ей дух свободы – анархический, то есть антигосударственный по своей природе. Поэтому совсем не случайно запорожская вольница входит в оппозицию по отношению даже к Гетманщине – этому неполноценному, крайне рыхлому образованию, выросшему из народной войны и практически лишенному понятия государственной

дисциплины. Идеалом запорожских казаков было сохранить вольности предков, не подчиняться никому, но при этом иметь высокое покровительство православного царя, получать щедрое жалование и разбоем промышлять на море и суше, «ходить за зипуном». Вполне анархический идеал, с представлением о государстве ничего не имеющий.

Идея самостоятельного государства может стать достоянием одной головы, нескольких десятков, сотен и даже тысяч голов – она все равно будет оставаться чисто умозрительной идеей. И только когда она поселяется в сердце целого народа, последний становится нацией, а государство становится национальной идеей. Ничего подобного и близко не было во времена гетманства Мазепы, да и после. Может быть, эта идея получила отражение в искусстве, литературе? Ничего подобного. Большая украинская литература XIX – начала XX века была сосредоточена на социальной проблематике. Политический национализм был уделом единиц, работы которых не имели популярности, а сами они третировались в среде передовой украинской интеллигенции.

Символической для украинской политики является не столько фигура Мазепы, сколько оппозиция Богдана Хмельницкого и Мазепы, поскольку она выражает раскол общественного мнения в самой Украине. Этот раскол случился не сегодня и не вчера. Он является культурологическим, судьбиным для всей Украины. И украинские историки в том числе разделились по *политическим мотивам* на два лагеря. Одни видят в Мазепе символ сопротивления, другие – предательства.

Гениальный Гоголь в своей повести «Тарас Бульба» вывел символическую схему: отец и два сына. Отец – это символ Отечества. Один сын, Остап, верен ему до конца, другой, Андрий, соблазненный нездешней красотой, изменяет ему, предает его веру и проливает кровь своих соотечественников. Оба погибают, но один погиб мученической, героической смертью, а другой проклят и казнен собственным отцом-отечеством как изменник. Так в символе отражена двойственность судьбы Украины – движение между преданностью и преда-

тельством, между традицией русского православия и традицией отхода от православия в католичество.

«Ну что, сынку, помогли тебе твои ляхи?» – обращается ныне Отечество к В. А. Ющенко. Не помогли. У них и задачи такой не было. С 2004 года, то есть со времени прихода к президентской власти, его авторитет в украинском обществе только падал, за границей – тоже. Он всех разочаровал, в том числе и «ляхов». Было бы очень *символично*, если бы напоследок он учредил орден Мазепы. Нам было бы легче понимать людей, которые были бы согласны принимать эту награду¹.

Современный Мазепа имеет поддержку в народе, оцениваемую социологами аж в 2 %. Народ по-прежнему не на стороне мазеп. Но времена меняются. И если Мазепа мог десятилетиями маскироваться, выдавая себя за другого, то в современных условиях хватает и одного президентского срока, чтобы убедиться в том, какая птица уселась на государственный насест и с чьей руки кормится.

6. Почему в современной Украине табуируется недавнее советское прошлое

Если говорить начистоту, то своей государственностью (политической культурой, техникой административного управления, кадровым ресурсом, правовой базой) независимая Украина обязана бывшему Советскому Союзу. Он – ее отец. Иначе и быть не могло. Подчеркиваю: если бы не было России/СССР, не было бы и независимой Украины в нынешних границах. Именно это обстоятельство, неприятное во всех отношениях для ныне властвующей элиты, делающей из России исторического врага украинского народа, побуждает ее отказаться от советского наследия, перечеркнуть весь позитив и культивировать

¹ Когда писались эти строки, автор не знал, что такая награда имеется. В 1940 году во время фашистской оккупации Польши для украинских частей Галицийской армии был учреждён «Мазепинский крест», который 26 марта 2009 года как президентская награда был возрождён в Украине. Хотелось бы знать список награжденных этой иудиной наградой.

миф о колониальном прошлом Украины в составе Советской империи. Укажем на конкретные причины табуирования советской эпохи в истории Украины.

Во-первых, для нас 1991 год является тем, чем был для советской эпохи год 1913 – точкой отсчета. Но если в советское время эта точка фиксировала прогресс, масштаб свершений, то для нас это показатель нашего регресса по многим существенно важным показателям экономики, социальной политики, науки и культуры. Еще долгое время мы не сможем дотянуться (если вообще сможем) до высоты 1991 года не только подбородком, но и макушкой.

Во-вторых, изучите биографии наших рулевых, и вы почувствуете запах пахучих выделений, которые исходят от наших профессиональных украинцев. Так пахнет карьера в советских органах власти. И вы поймете, что никакие они не суровые и непреклонные борцы за незалежність, а просто номенклатурные «товарищи». Тайна для значительной части наших сограждан заключается в том, что в «национальной революции 1991 года» победу под националистическими лозунгами одержала все та же партийно-советская бюрократия. Летят самолеты – привет Макарычу! Плывут пароходы – привет Данилычу! Идут пионеры – привет Викторовичу! И многим депутатам всех уровней – большой привет!

В-третьих, реальная история советской эпохи мешает громоздить исторические мифы, которые в своей совокупности вливаются в один большой миф об освободительной борьбе украинского народа за свою независимость. Так случилось в нашей истории, что мы на протяжении столетий находились в составе большого и мощного Целого. И никто нас не завоевывал, а вошли по своей воле, при сложных обстоятельствах, в государство, которое исторически, религиозно и этнически связано с нами одной корневой системой. Какая к черту колония! В колонии не развивают колоссальные индустриальные мощности и научно-технический потенциал. Колонии не дарят такие лакомые земли, как обильно политый кровью в многочисленных русско-турецких войнах Крым. Уходя в небытие, Советский Союз оставил независимой Украине территорию в

пять раз большую, чем та, что была под Богданом Хмельницким. Сталин – это политические репрессии, голодомор. Но если бы не Сталин, то сегодня некоторым нашим согражданам было бы не до выяснения, почему на востоке и юге Украины живут «неправильные» украинцы, потому что им бы пришлось объясняться на тему, почему на востоке Польши живут «неправильные» поляки.

В 1990 году сами националисты заявляли, что Украина среди всех советских республик самая развитая, имеющая больше других шансы влиться в Европу богатой и счастливой. Видно, украинское счастье под стать еврейскому. Но я сейчас не об этом, а о том, что народ Украины всех национальностей сделал один из основных вкладов в достижения советской цивилизации. Вопрос стоит ребром: кто имеет права лишить нас этого вклада?

Один пример из области космонавтики. Слетал на «Шатле» Л. К. Каденюк и был с большой помпой предъявлен нашему обществу как «первый украинский космонавт». Может, Каденюк и неплохой человек, но то, что он не первый украинский космонавт, а последний – это факт. Он принял участие в американской космической программе, в чем никакой заслуги Украины нет. Зато украинские космонавты, ученые и инженеры принимали непосредственно участие в разработке и осуществлении советской космической программы. Спрашивается: разве американская космическая программа нам ближе, чем советская? А великий Королев, стоявший у истоков советской космонавтики, разве не был назван в числе «великих украинцев»?

И наконец последнее. Главное. В советское время *этика справедливости* поддерживалась в обществе более или менее равным социальным положением. Сейчас мы живем в обществе, где вопиющее социальное неравенство породило глубокое гражданское отчуждение. Первый президент Украины Л. Кравчук, будучи в Одессе, поведал, что независимая Украина не могла «потянуть» созданное в Советском Союзе мощное Черноморское пароходство. Не смогла она «потянуть» и металлургические, химические, сахарные и прочие заводы. Зато это смогли потянуть в прямом смысле слова и с большим удовольствием вче-

рашние номенклатурные «казачки», а то и просто криминал. В результате так называемой рыночной реформы у нас развелись нищета, бездомность, безработица, социальные болезни вроде туберкулеза – невиданные в советское время явления. Образование и медицина стали фактически платными. В детский садик ребенка не устроишь. Богатые открыто кичатся своим богатством. Люди унижены, оскорблены и возмущены: демократические «слуги народа» нагло обманули народ. И тут весьма кстати пришли националисты со своей «песней»: «Мы же украинцы! Нам нечего делить! У нас одна родина! Во всем виноваты москали и жидаы!» А делить-то как раз есть что.

В общем, жизнь в Украине ныне такая, что советское время стало крайне невыгодным фоном для господ власть имущих. Отсюда установка для конструкторов памяти: о советской эпохе либо плохо, либо ничего.

На самом деле советская эпоха в украинской истории является самой грандиозной ее частью. Поэтому не отрицать ее надо как нечто внешнее, насильно навязанное, как «оккупацию украинского народа» (надо же до такого абсурда додуматься!), а принять такой, какой она была и в своих достижениях, и в своих трагедиях.

Советская власть, пока не повзрослела, тоже яростно боролась с памятью о старой, царской России, дискредитируя и извращая ее. Сегодня очевидно: ничего у нее не получилось, только сама себе же вред нанесла, поскольку такое отношение к истории бесплодно с точки зрения самопознания, а именно для этого, в первую очередь, и нужен *честный* исторический нарратив. Урок очевиден: мифологизация истории в угоду политики, какой бы она ни была – классовой или националистической, наносит вред прежде всего самой истории как процессу духовного самопознания.

После развала Советского Союза бюрократическая душа новоиспеченного Украинского государства стала испытывать значительное влияние духа, идущего от народной ментальности. А. П. Довженко в своем дневнике с горечью констатировал, что украинцы лишены государственной психики и понятие личной

свободы существует у них как что-то анархическое, а отсюда и атаманство и индивидуализм. Кстати, украинский индивидуализм («моя хата с краю») не следует путать с европейским (принцип, в соответствии с которым свободная и производительная личность объявляется краеугольным камнем общественного прогресса). Как тут не вспомнить Гражданскую войну в Украине, невразумительное поведение лидеров УНР и Директории во главе с интеллигентами Грушевским и Винниченко и полуинтеллигентом, «головным атаманом» Петлюрой. И если эти ментальные черты сегодня доминируют в поведении властных политико-экономических кланов, то многое становится понятным.

7. Нужен диалог

Для нормального развития нашей государственности, формирования новой национальной идентичности нам нужен нормальный культурный диалог с Россией, с Европой, со всем миром. Это – неперемное условие самопознания. Нужно вести такой диалог спокойно и с достоинством, а пока мы только то и делали, что составляли список наших исторических обид и претензий к «старшему брату» и переиначивали историю в угоду национальному самолюбию.

Национализация общей с Россией истории – процесс до известной степени объективный и поэтому неизбежный. Однако, утверждая свое право на этот процесс, мы не должны заикливаться на себе до такой степени, чтобы не видеть и не понимать других планов исторической реальности. Так, в материалах украинских авторов, посвященных 300-летию Полтавской битвы, я не увидел даже попытки оценить, что значило это сражение для России, в какой момент Мазепа переметнулся к шведам, какие последствия для России имело бы ее поражение под Полтавой. Статьи писались с единственной целью выгородить Мазепу и приписать ему идею борьбы за национальную независимость. Между прочим, Грушевский и Дорошенко не возражают Соловьеву и Костомарову по существу изложенных фактов, они только объясняют поступок Мазепы не личной заинтересованностью, не подлой склонностью предавать в трудную мину-

ту, а давлением на него старшины и грузом прочих обстоятельств, якобы не оставивших ему выбора. Но одно дело – оправдывать, другое – превращать в идейного героя наших дней, в «символ сопротивления». Здесь начинаются сплошные натяжки.

Правда о прошлом, рассказанная к тому же беспристрастно, – вот что должно стать установкой, критерием и оценкой в работе историков по созданию национального исторического нарратива. В противном случае мы будем иметь псевдоисторию, рассказанную мифологами. Из этого рассказа никаких выводов, никаких уроков, которые сопрягались бы с нашей реальностью и помогали бы правильно ее толковать, вывести нельзя. Советская власть, пока не повзрослела, яростно боролась с памятью о старой, царской России, дискредитируя и извращая ее. Сегодня очевидно: ничего у нее не получилось, только сама себе же вред нанесла, поскольку такое отношение к истории бесплодно с точки зрения самопознания, а именно для этого, в первую очередь, нужен честный исторический нарратив. Урок очевиден: мифологизация истории в угоду политике, какой бы она ни была – классовой или националистической, наносит вред прежде всего самой истории как процессу духовного самопознания.

Специфика мифологического мышления заключается в несамокритичности. Перетолковали историю на свой лад, для авторитетности сослались исключительно на тех авторов, чьи взгляды соответствуют установке мифотворца, нежелательные факты объявили сомнительными, трактовки – предвзятыми, и «новое, патриотическое видение истории» готово. Так думать комфортно, но только до той поры, пока не войдешь в диалог с другой историографией. Тогда мифологический туман рассеивается и нищета апологетической историографии проступает в своей незавидной очевидности.

Наше неофитское настроение написать историю только о себе и только для себя не осталось незамеченным. Известный российский философ и культуролог Г. Померанц, участвуя во внутреннем споре, между прочим, сказал: «Собственно говоря, все наши основоположники учений могут быть выведены из

одного из разделов немецкой философии – славянофилы из Шеллинга, либералы из Гегеля, Чернышевский из Фейербаха. У всех у них были европейские корни. И вот без этих корней создать этакую чистую русскость – извините, не получится. Оставим это украинцам. У них есть такой предмет: украиноведство. Не будем в России заниматься украиноведством. Это кошмар» [4].

Нация, которая основывает свое самоутверждение на мифе, стилизованном под историческое исследование, вряд ли добьется уважения или хотя бы сочувственного понимания соседей. Тем более что можно с успехом утверждать свой национальный суверенитет и без сказочной мифологии. Есть большое подозрение, что если бы за 18 лет независимости успехи были налицо, то отпала бы необходимость в гнилой мифологии «политики памяти», проводимой режимом Ющенко. Зачем нам Мазепа, если мы не бежим вместе со шведами, а побеждаем вместе с Петром? Как поется в украинской народной песне:

*Козаченьки
З москалями
Потішились
Над врагами,
Добре бившись за Полтаву
Всій Росії в вічну славу!*

Нация, о которой так печется г-н Ющенко, это – надэтническое образование. Чтобы этносу стать нацией, нужны особые условия и специальные усилия. Нужен диалог культур. Нужна аккумуляция всех культурных сил и возможностей, имеющихся в многонациональной и мультикультурной стране. Вместо этого националисты во власти намеренно перекрывают возможности развития тех слоев культуры, которые они считают чуждыми украинской национальности. А ведь конкуренция наций в глобальном мире обостряется. Не предъявим миру свои ценности – окончательно потеряем себя. Или мы будем полагаться на геополитический расклад, который притянет нас к победителям, как уже бывало в прошлом, без особого нашего участия и воли.

* * *

На встрече с прессой Президент Украины В. А. Ющенко заявил: «Национальная история, к сожалению, слишком мифологизирована, и немалое количество мифов запечатлено не столько в сознании, сколько в подсознании многих поколений украинцев... Правдивая история Украины, безусловно, должна быть написана. Без нее мы еще долго будем блуждать даже в оценках событий сегодняшнего дня».

Кажется, автор цитаты даже не подозревает, насколько он прав.

СЛОВО О МАЗЕПЕ И МАЗЕПИНЦИНЕ

Какая странная страна,
.....
Там почести воздали тем,
Кто фюреру носил котомки,
Там память выветрили всем
Мазепы лживого потомки.

Несин, интернетовский поэт (2006 г.)

Наши люди никогда не были равнодушны к истории Отечества. В этом лишний раз пришлось убедиться, когда учителя, родители, ветераны стали протестовать против возмутительных учебников истории, написанных по политическому заказу и по образцу «Истории русов» – сборнику исторических анекдотов. Это сыграло свою роль, когда пришло время идти к избирательным урнам.

С другой стороны, в последние годы мы живем в режиме беспамятства, что является одним из проявлений политической лихорадки, которая нас трясет. Еще вчера оранжевый президент Украины самолично рекламировал нам «героев нации» – Мазепу, Петлюру и Бандеру. Еще вчера нам навязывали мысль, что Великая Отечественная война была русско-германской, а Украина имела к ней лишь косвенное отношение – как жертва. Все забыто. Сегодня по стране прокатилась волна возмущения в связи с некорректным высказыванием В. В. Путина, якобы принижающим роль Украины в общей Победе. И кто возмущался больше всех? Господа из бандеровской партии «Свобода». Поразительны кульбиты актеров политического цирка! Но и это уже забыто. Так жить – без твердого нравственного и исторического чувства – просто опасно.

Основной текст этой статьи был написан в августе 2010 года. Я уже высказался об исторической роли гетмана И. С. Мазепы – в двух статьях в 2009 году в связи с 300-летним юбилеем Полтавской битвы [1]. В этих публикациях я объяснял, что современный Мазепа – В. А. Ющенко не понимает (как не понимали до него другие властные мазепинцы) того, что он воюет не с Россией, а с собственным народом, что его представление об Украине является вредной утопией, не совместимой с ее реальной государственностью. Я писал, когда В. Ющенко еще был при власти, что «мазепинец» – это диагноз полного краха. И он подтвердился в короткое время на глазах всего мира сокрушительным, позорным поражением В. Ющенко на выборах. Третий президент Украины требовал от госаппарата торжественно отметить «славную дату Конотопского сражения», как бы упуская из вида то очевидное обстоятельство, что именно эта пиррова победа гетмана И. Выговского в союзе с татарами и поляками над московской армией в 1659 году стала началом его конца. Внутри страны началось восстание против него. Выговский быстро утратил контроль над ситуацией и был вынужден бежать в Польшу. Политика памяти не может быть такой бездумной, когда аналогии прямо-таки напрашиваются.

Казалось бы, сюжет исчерпан, но тема «верного Мазепы» не отпускает. И дело здесь не в самом персонаже, а в той *политике памяти*, которую еще недавно проводил оранжевый режим и которая довлеет над нашим народом и по сей день. Мазепинство – это явление, возникшее вследствие родовой травмы Украинского государства. И, значит, причина его заложена в самом генезисе украинской государственности. А если это так, то рассматриваемое явление будет эволюционировать в видоизмененной форме и при других политических обстоятельствах. И потом то идейно-политическое направление, которое персонифицировал бывший президент, с его уходом просто так не рассасывается, а ищет новые возможности для реализации. Целые институты и исторические факультеты с их личным составом продолжают работать в том же русле и по-прежнему под видом истории производят мифы, создают символы, которые призваны изменить нашу национальную идентичность, и работают на дальнейшее внутреннее разъединение Украины.

1. Миф о «верном Мазепе»

Кто придумывает и культивирует мифы о Мазепе? Вопрос не так прост. Каждый раз тень Мазепы встаёт из могилы и возводится на героический пьедестал теми, кто чувствует родственность своей политической судьбы этому несчастному персонажу украинской истории.

Вообще говоря, феномен Мазепы заключается не в том, что он предал, – и до него малороссийские гетманы шатались между Москвой, Варшавой и Стамбулом. С. М. Соловьев писал: «Мазепа <...> в Москве считался драгоценным исключением, человеком, преданным царю и царству среди непостоянных, шатающихся черкас» [2, с. 212]. Феномен Мазепы заключается в том, что он исчерпал тему *преданности* и дал моральное и политическое основание для проведения имперским центром политики унификации в Украине.

«Верный Мазепа» – это миф времен царя Петра. Автором этого мифа был сам Мазепа. Историки-мазепинцы не без удовольствия подчеркивают, что царь

Пётр в ознаменование заслуг перед Российским государством наградил Ивана Мазепу в феврале 1700 года вторым по счёту орденом Андрея Первозванного – высшим орденом России. Но при этом скромно умалчивают, что девиз первого российского ордена гласил: «За веру и верность». Главной заслугой Мазепы перед русским царем была его верность. И сам Мазепа в письмах царю слишком навязчиво подчеркивал свою преданность. «Верный Мазепа!» Сейчас это звучит как короткий анекдот.

Полное доверие царя было главным политическим капиталом Мазепы. Он и сам хорошо понимал, что с его репутацией «ляхолубца», католика и, мягко говоря, не рыцаря в бою ему не удержать гетманской булавы в казацком крае без поддержки царя. Петр игнорировал все доносы на гетмана, которые регулярно шли из Малороссии, отправляя их на «рассмотрение» самого гетмана. За счет царского админресурса Мазепа решал вопросы укрепления своего контроля над Левобережной Украиной и строил планы отнять у поляков Правобережье. Опираясь на царское доверие, он смог в течение двух десятилетий постепенно окружить себя только верными ему полковниками и генеральной старшиной. Ведь, согласно Коломацким статьям, он не мог назначить ни одного полковника без санкции Москвы. Поэтому в течение двух десятков лет он не упускал случая, чтобы предъявить доказательства своей верности клятве, данной московскому царю на Библии. После Мазепы Петр понял, и любой на месте Петра понял бы, что дело не в верности того или иного гетмана, что решение вопроса об Украине лежит вообще не в человеческом факторе, а в самой системе управления Гетманщиной. Преемники Петра довели дело до логического конца.

Обычно верность в политике гарантируется более весомыми факторами, чем человеческий характер. Они рационально просчитываются. У Петра сложилась привычка думать, что Мазепа надежно привязан к нему, поскольку Петр понимал неустойчивое положение Мазепы в Малороссии и знал, что нужен гетману больше, чем гетман ему. В общем, это был правильный расчет. Но просчет заключался в том, что Мазепа так уже не думал. В силу авантюристичности свое-

го характера, накопившегося недовольства и неопределенности в противоборстве Петра и Карла XII Мазепа решил поставить на последнего, как в рулетке. Это оказалась русская рулетка.

Легендарный кошевой атаман Запорожской Сечи Иван Сирко захватил Мазепу на пути к крымскому хану. При Мазепе тогда было 17 украинцев в качестве подарка перекопскому бею от гетмана Правобережья Петра Дорошенко. Сирко держал в руках жизнь Мазепы, но поддался сладкоречивым уговорам и не казнил его. Зато Мазепа, не колеблясь, погубил другого народного героя – вождя антипольского восстания фастовского полковника Семена Палия, доверившегося ему как полномочному представителю русского царя. Про таких, как Сирко и Палий, народ песни слагает. Про таких, как Мазепа, песен не поют. Политик-интриган и лицемер, он – не народный персонаж и тем более не народный герой. Как говорится, в сочувствии к народу замечен не был. Надо отдать ему должное: гетман хорошо изучил и знал украинский народ, как знает искусный наездник свою лошадь. «...С нашим людом, – писал он Петру Первому, – необходимо вести себя мягко и гуманно, ибо этот непокорный, но и добрый народ разъяряется, когда его силой вынуждают к повиновению». По моему, этот совет хорош и для современных правителей Украины.

2. Прирожденный макиавеллист

Мазепа был очень скрытен, не любил оставлять после себя бумаг и, как говорят, перед смертью сжег компромат на себя. Однако психологический портрет личности Мазепы обрисовывается достаточно очевидно. Все его мысли были приземлены, отмечены печатью расчета, холодной страсти к власти и очень развитого инстинкта к самосохранению. Он был прирожденным макиавеллистом, то есть человеком по преимуществу политическим. Он продержал гетманскую булаву 21 год – больше, чем какой-либо другой украинский гетман. Это само по себе говорит о его выдающихся политических способностях. Он был «человеком ночи». Именно в ночное время он задумывал и до деталей про-

считывал свои комбинации и интриги. Никто, даже из самых приближенных, точно не знал его планов. Это, с одной стороны, гарантировало его от тактического провала, а с другой – явилось его стратегической слабостью. Он не мог рассчитывать на широкую поддержку даже в правящем слое казацкой старшины, не то чтобы в народе, который видел в нем крепостника и верного царского пса.

Мазепа обладал выдающимся инстинктом опасности. Как только не поносил он польскую графиню Дольскую, склонявшую его к измене. По словам Ф. Орлика, называл ее «дурной бабой», которая хочет его, гроссмейстера по интригам, обхитрить, подставить под гнев царя. И если уж он решил все-таки рискнуть, то только потому, что оказался в ситуации, которая до конца не просчитывается. Он колебался и медлил до последнего момента, чем ввел в раздражение обоих противоборствующих властителей – и Петра и Карла.

Мазепа был не просто политический макиавеллист, он был по структуре личности макиавеллист. Это значит, что его психологическим стержнем была установка на манипулирование людьми, использование их как средство в своих замыслах и действиях. В этом он достиг большого искусства. Всю жизнь он выкручивался, строил властную карьеру в расчете на двойную, тройную игру, в которой предательство становилось неизбежным. Он и с венценосными особами вступил в двойную игру. Они ему годились в сыновья, Карл XII – даже во внуки. Можно удивляться, как долго Мазепе удавалось лавировать между своими и чужими, как долго он держал паузу, играя преданность русскому царю. Только сколько веревочке не виться, а конец будет. В 1708 году возникла ситуация, в которой он принял самое плохое за всю свою жизнь решение. В результате миф о «верном Мазепе» был подорван самим же Мазепой, а на его развалинах возник другой миф – о «Мазепе-втором Иуде», демоне предательства. Автором этого мифа стал явно задетый за живое царь Пётр. Не только клин клином вышибают, но и миф мифом.

3. Миф о «Мазепе-втором Иуде»

Измену и вероломство Мазепы историки-мазепинцы оправдывают борьбой за «войсковые вольности» и «целость Отчизны». Никакая цель не может оправдать негодные средства. Более того, именно по средствам можно судить об истинной цели. Нельзя не согласиться с мнением выдающегося историка, который и по сей день является самым крупным «специалистом по Мазепе», Н. И. Костомарова (1817 – 1885). Свое фундаментальное исследование личности И. Мазепы он завершил следующим выводом: *«Гетман Мазепа как историческая личность не был представителем никакой национальной идеи. Это был эгоист в полном смысле этого слова. Поляк по воспитанию и приемам жизни, он перешел в Малороссию и там сделал себе карьеру, подделываясь, как мы видели, к московским властям и отнюдь не останавливаясь ни перед какими безнравственными путями. Самое верное определение этой личности будет сказать, что это была воплощенная ложь. Он лгал перед всеми, всех обманывал – и поляков, и малороссиян, и царя, и Карла, всем готов был делать зло, как только представлялась ему возможность получить себе выгоду или вывернуться из опасности. Он воспользовался существовавшим у малороссиян желанием сохранить автономию своей страны и свою национальность и обманывал старшин, будто у него план – приобрести для Украины самостоятельность»* [3, с. 210].

На самом деле «вольности казацкие» были сведены к нулю не внешним давлением стиснутой с трех сторон Гетманщины, а единокровной казацкой старшиной, которая была заинтересована в сохранении «польских вольностей» (крепостного права) и получении вдобавок привилегий российского дворянства, то есть в укреплении феодальной системы. Поэтому как только стало ясно, на чьей стороне победа, она без риска для себя кинулась к Петру вымаливать прощение, оставив своего гетмана в одиночестве. Вот что писал Дм. Дорошенко о том времени, когда Мазепа официально был низложен и проклят: «Это привело к настоящей оргии доносов: все, что было наихудшего в украин-

ском обществе, выплыло теперь на поверхность и старалось использовать момент, чтобы обогатиться и сделать служебную карьеру» [4, с. 152].

Трудно поверить, но и он сам, как ни в чем не бывало, попытался «отмотать» ситуацию назад и стал предлагать свои услуги царю взамен гарантий, что сохранит свое гетманство. Спрашивается: зачем? Зачем старику, стоящему одной ногой в могиле, власть? Выторговывал бы сохранение жизни и избавление от клейма Иуды. Но нет, профессиональный интриган и дряхлый мерзавец, он цеплялся за любую возможность сохранить свое положение и власть. Он затевает новую интригу: предлагает Петру выдать с головой короля Карла. В общем, последние дни его жизни, как они запечатлены свидетелями, только подчеркивают, что не то что дух героизма и патриотизма, но и простая порядочность и мужество не нашли пристанище в душе Мазепы.

Совсем по-другому, чем старшина, без шкурного расчета, повел себя простой украинский народ. Он не поддался на манифесты шведского короля и обращения Мазепы. Не из страха перед репрессиями, а по своему разумению жители Левобережной Украины целыми городами слали челобитные царю Петру, в которых давали клятвенные обещания не пристать «к вору и изменнику, бывшему гетману Мазепе». Возможно, сыграло свою роль то обстоятельство, что шведы были протестантами, то есть в глазах православных – «нехристями» и «бусурманами». Но все же главным было то, что малороссийский народ знал «своего» гетмана как облупленного и не переменил к нему своей антипатии. Царь был даже удивлен такой реакцией народа. Это удивление имело свою цену. После Полтавы царь с новой силой навалился на реформирование страны. Потребовались гигантские деньги. Все население Великороссии было обложено новыми налогами и разными поборами. Далее еще раз процитирую Н. И. Костомарова: «Во всем государстве запрещено было, невзирая ни на какое звание, готовить вино, а непременно брать из царских кабаков. То была новая тягость для народа, только малороссияне были избавлены от нее; не только в самой гетманщине, но и в великорусских краях, где они поселились, дозволялось им сво-

бодное винокурение. Пётр ласкал малороссийский народ и освобождал его от поборов, таким гнетом падавших на великороссиян. 11 марта 1710 года царь манифестом строго запретил великорусским людям оскорблять малорусов, прекать их изменою Мазепы, угрожая в противном случае жестоким наказанием и даже смертною казнию за важные обиды; но это были только ласки до времени – и за Малороссию Пётр готовился приняться» [5].

Всесторонне проанализировав сложившуюся в 1709 году ситуацию, Н. И. Костомаров пришел к выводу, что «истинным виновником спасения Русской державы был малороссийский народ». «Народ инстинктивно видел, – писал историк, – что его тянут в гибель, и не пошел туда. Народ остался верен царю даже не из какой-либо привязанности, не из благоговейного чувства к монарху, а просто оттого, что из двух зол надобно было выбирать меньшее» [3, с. 211].

Насколько положение Мазепы оказалось провальным можно судить хотя бы по тому, что присоединившийся к нему запорожец Кость Гордиенко провозглашал всеобщую казачину и призывал народ с обеих сторон Днепра собираться и бить старшин. Вот такой попутчик был рядом с Мазепой. Его люди вполне могли зарезать Мазепу, не охраняй его шведский караул. Они сделали бы это обязательно, если бы знали о письме Мазепы к князю Меншикову, в котором гетман настоятельно советует уничтожить Запорожскую Сечь под предлогом необходимости обезопасить южные границы и обеспечить нерушимость мирных договоров с Турцией и Крымским ханом, но сделать это руками русских солдат, так как ему самому это неудобно.

А еще верней, чего страшился более всего Мазепа, казаки могли выкрасть и продать его русским. Царская цена за гетмана им наверняка была известна. Чтобы кое-кому из романтиков не показалось мое предположение слишком циничным и оскорбительным, предлагаю ознакомиться со статьей петербургской исследовательницы В. Ф. Куликовой о бегстве шведской армии после разгрома под Полтавой, написанной исключительно на материалах дневников и воспо-

минаний участников тех событий из шведского лагеря. В них есть неоднократные упоминания о казаках, сопровождавших Мазепу. О том, как вели себя казаки в период отступления шведской армии после разгрома, мы можем узнать, в частности, из дневника шведского лейтенанта Ф. Х. фон Вейе. «Что касается казаков гетмана Мазепы, – писал он, – то я не думаю, чтобы из них за время боя погибли больше, чем трое, так как пока мы сражались, они оставались сзади, а когда пришлось бежать, то они были далеко впереди. Но они сделали нам одну услугу, а именно: показали нам путь к обозу» [цит. по: 6, с. 103].

Мысль о том, что запорожцы трусили, нелепа. Просто им не за кого и не за что было воевать и погибать. Поэтому они благоразумно предпочитали держаться подальше от поля боя и поближе к обозу. Еще раз обращусь к цитированию В. Ф. Куликовой: «Недоверие и открытая вражда между шведами и казаками сохранялась большую часть пути. Опасения были обоснованы. После переправы остатков армии короля через Днепр (30 июня) казаки продали туркам до 400 каролинцев (то есть шведских военнослужащих. – Г. Г.), а затем, 11 июля, на стоянке под Очаковом собирались выдать русским И. Мазепу. Усмирение казаков и спасение Мазепы граф Понятовский приписывает себе. Д. Крман отмечает, что при любом удобном случае казаки обкрадывали шведских солдат, отбирали у них вещи, а оставших от колонны иногда убивали» [6, с. 105].

Прошло три сотни лет, и мы можем судить, кого предал Мазепа. Предал лично царя Петра Великого? Безусловно. Он ему присягал на Библии и при случае называл себя «российским гетманом». Предал Россию? Когда страна абсолютная монархия, то монарх и его держава – это одно и то же. «Подставил» Карла Шведского. Вместо обещанных 20 тысяч сабель привёл в королевский лагерь не более двух тысяч казаков. И продовольствия с фуражом, на которое так рассчитывал король, не обеспечил. Тем самым обрек шведскую армию на голод в страшную зимнюю стужу. Шведские историки считают Мазепу злым гением короля Карла.

Конечно, Мазепа не «тянет» на второго Иуду. Но в еще меньшей мере исторической реальности соответствует его образ «героя нации», защитника народных вольностей. Так или иначе исторический Мазепа превращен в символ, значит, миф, а миф существует вне времени, вне истории. Он служит уроком, как по мне, так нравственным: не будь мазепинцем, если тебе отпущено судьбой руководить людьми. Мазепу погубило не желание дать народу свободу, а эгоизм. Он был патологическим эгоистом и властолюбцем. В таком замутненном состоянии духа правитель в принципе не способен к мудрым решениям.

4. Мазепинщина как она есть

Нынешняя суэта вокруг образа Мазепы людей, которые делают из него героя и символ украинской независимости, воспринимается не иначе как их попытка побороть собственный комплекс предательства. У каждого он свой. В реальной подкладке третьего мифа о Мазепе – «национальном герое Украины» – оправдание предательства и ничего больше. Современный писатель, кстати, одессит, А. Г. Мучник пишет: «Несомненно, предательство стало сутью украинской политики и отличительным стилем поведения ее основных творцов. Можно даже утверждать, что предательство стало своеобразным пропуском на политический Олимп Украины. Посему не способный сдать экзамен на эту весьма востребованную ныне форму поведения не вправе претендовать на место под солнцем украинской политики» [7, с. 272].

Самое гнусное существо на свете – предатель превратился в героя. Это превращение мы за последние годы могли наблюдать много раз. Например, можно вспомнить генерала КГБ Калугина. Его превратили в героя перестроечного времени и тем самым оскорбили и дискредитировали всю службу советской внешней разведки. Помнится, как позорно сдал Горбачев западным немцам Э. Хоннекера. Да разве только одного его? А кто помнит сегодня маршала Ахромеева, который покончил жизнь самоубийством, потому что ясно понял, что предадут государство те, кто им руководит? «Перестройка» потому и не состоя-

лась, погибла вместе с великим государством, что не выдержала груза предательства и отступничества.

Предательство – сложный феномен. Бывают исторические обстоятельства, когда отказ от собственных моральных обязательств становится неизбежным. Что было делать офицерам, присягавшим на верность царю и Отечеству, когда сам царь отрекся от престола и Отечество потеряло видимую форму государства? Кто пошел к белым, кто к красным, кто решил найти себе новую родину. Некоторые не пережили ситуации невольного предательства и добровольно ушли из жизни. Мы говорим о чести и достоинстве, без которых общество разлагается, как прогнившая материя.

Те, кто ныне изображает Мазепу борцом-романтиком за вольность украинскую, – сами-то они – романтики? Предал, лизнул, получил орден и в «кусты» – «время было такое!» Еще раз предал, лизнул, прихватил земельку с леском и прудиком и в «кусты» – «время сейчас такое!» Не время такое, а ты такой – подлец-орденоносец родной земли уродец! Повторюсь: миф о Мазепе в современной Украине нужен многим для самооправдания. Это их личная проблема, которая, однако, стала острейшей проблемой всего украинского общества, имеющей название – «качество элиты». Правду гласит восточная мудрость: из укусного кувшина потечет только уксус.

Пока миф о «патриоте» и «народном печальнике» гетмане Мазепе будет в чести, предательство будет висеть чугунной гирей на шее украинской государственности.

5. Апология И. Мазепы в современной украинской историографии

Апологетика – не лучший способ демифологизации исторической личности И. Мазепы. Согласен: на второго Иуду он не «тянет», но еще менее походит на героя, борца за национальное освобождение. А именно этот образ лепят современные историки, получившие заказ на создание героической истории Украины. В качестве конкретного примера разберем одну статью этого жанра. Я

нашел ее в Интернете. Автор статьи – Юрий Фигурный. Статья называется на языке оригинала «Гетьман Іван Мазепа – один з визначних символів українського етнонаціонального державотворчого процесу (До 375-річчя від дня народження та 320-ліття отримання гетьманської булави)». В этой статье автор заявил о себе как историк-символист. Она построена на обильном и нередко неуместном цитировании «видатних науковців». Так, автор приводит цитату Р. Шуста о Мазепе: «Він передбачав побудову в Україні станової держави західноєвропейського зразка із збереженням традиційного козацького устрою» [8]. По-моему, легче скрестить корову с носорогом, чем выполнить поставленную цель.

Верх неуместности в апологетической статье о Мазепе цитировать Н. И. Костомарова. Мнение Николая Ивановича о гетмане-изменнике было приведено нами выше. И он его никогда не менял. Более того, именно Костомаров в своей книге «Руина. Мазепа. Мазепинцы» (1884 г.) ввел термин «мазепинцы», которым назывались все сторонники гетмана Мазепы в борьбе против русского царя Петра I. Термин имеет устойчивое значение и используется историками до настоящего времени. В этой статье автор расширяет значение этого термина, перенося его и на современных политиков, и на самих историков, склонных по конъюнктурным соображениям превращать Мазепу в героя борьбы за независимость Украины.

«Героїчний образ», «спроба визначного українського державника вибороти свободу і незалежність для України на початку XVIII ст.», «Мазепа обрав шлях Воїна» – эти и им подобные пафосные выражения в статье Ю. Фигурного не имеют никакого отношения к оригиналу. Он и в молодости был воин никакой. Как писали современники, «белые, тонкие и полные грации руки гетмана плохо были знакомы с боевым оружием». Ну, а под Полтавой ему был семидесятник, а может быть и больше. При нем постоянно находились несколько женщин, которые следили за тем, чтобы от него ненароком что-нибудь не отвалилось.

Естественно, этот «воин» не принимал участия в полтавском сражении, зато после него объятый ужасом бежал, не дожидаясь решения шведского короля.

Напоследок еще одна цитата, уже из самого Ю. Фигурного: «...ймовірно, саме досить-таки похилий вік став на перешкодї реалізації І. Мазепою його державотворчих задумів і однією з причин його смертельної поразки у двобойї з царем Петром І» [8]. Да не было никакого «двобоя»! Рассерженный Пётр раздавил Мазепу, и все. Шведский историк А. Енсен абсолютно прав: то был «двобой» двух великих мужей – Петра I и Карла XII, а Мазепа был довеском туда или сюда [9, с. 115].

Нынешние мазепинцы точно так же рассуждают о «двобое» Украины с Россией, хотя на самом деле они стремятся сделать Украину картой Запада в «двобое» последнего с той же Россией. В этой связи история с НАТО очень показательна. Безопасность для себя ценой угрозы для соседа. Украинский народ не столько понял, сколько почувствовал всю фальшь политики втягивания Украины в НАТО, ее историческую и нравственную несостоятельность. Поссорить два братских славянских народа, которые в эти трудные времена чувствуют свою разделенность как беду, нашим мазепинцам пока не удастся и вряд ли удастся. Это – констатация факта, которую должны учесть реальные политики.

И потом надо напомнить историку-мазепинцу, что до полтавской развязки 1709 года было более двадцати лет, в течение которых Мазепа усердно зарабатывал и поддерживал репутацию «верного царского пса». Если исходить из того, что он в 1709 году совершил «патриотический поступок», то как следует характеризовать эти двадцать лет, то есть практически весь период нахождения его во власти? Как подготовку к «подвигу»? Кого это может убедить? Полагаю, что ситуацию правильно оценивал С. М. Соловьев, когда писал, что Мазепа «умер бы верным слугою царским, если б судьба не привела к русским границам Карла XII» [2, с. 211].

Вообще говоря, история Мазепы, если бы она имела другую историческую прописку, не вызвала бы у нас особого интереса в силу ее заурядности для Ев-

ропы эпохи позднего феодализма. Представим себе, что некий князь Ганс фон Мазепинг изменил своему сюзерену королю Питеру Неугомонному в пользу его врага короля Карла Непобедимого в расчете на непобедимость последнего. Но все случилось не так, как рассчитывал Мазепинг, и он «пролетел», как фанера над Парижем. На собственной шкуре он познал правоту изречения: «Человек, кусающий руку, которая его кормит, обычно заканчивает тем, что лижет сапог, который его пинает». Скажите, что в этой картине из времен средневековья не типично и не банально?

Мазепа действительно был богатейшим не только в Малороссии, но, может быть, и во всей Европе человеком. Свое сверхбогатство он «заработал» путем эксплуатации крепостных крестьян (малороссийских и великорусских; кстати, около 20 тыс. крепостных душ вместе с землями ему были пожалованы царем «за верную службу» непосредственно в России) и экспроприацией собственности своих политических противников. Не было города и даже села в Гетманщине, откуда бы не текли деньги в личную казну гетмана. И все это бесконтрольно, в обход государственной казны. Имея неограниченные возможности для обогащения, Мазепа вызвал неприкрытую зависть ближайших царедворцев Петра. Известно, что светлейший князь А. Д. Меншиков изъявлял желание занять место Мазепы, не дожидаясь его смерти, что, в частности, явилось одним (подчеркиваю – одним) из поводов к измене. Процесс создания единого имперского государства сопровождался ликвидацией остатков автономии его окраинных частей. Гетманщина здесь не являлась исключением. Рано или поздно контроль над этими землями, как и в других частях гигантской державы, должен был перейти из рук гетмана в руки чиновников центрального правительства. Мазепа это понимал. При этом казацкая старшина от этих изменений в принципе ничего не теряла. Наоборот, унификация социальных отношений открывала перед ней перспективу превращения в составную часть единого господствующего класса государства – российского дворянства (что впослед-

ствии и произошло). Иное дело – гетман! Из властелина он превращался в управляющего. Здесь корень измены!

Иной раз не согласен с идеологической концепцией того или иного автора, но если он владеет научным жанром, методологией научного исследования, то это не мешает обходиться с текстом как с продуктом научной мысли. О статье Ю. Фигурного этого не скажешь. Главный методологический порок его статьи – нарушение принципа историзма, присваивание Мазепе того круга идей и мыслей, которыми мы живем сегодня и которые в принципе не могли возникнуть в конце XVII – начале XVIII века. Идея национальной независимости при отсутствии нации, идея равенства в условиях нарастающей феодализации украинского общества, идея свободы прав человека в то время, когда людей четвертуют и сажают на кол. Мазепа отстаивал совсем другой строй политических идей. Если уж утверждаете, что Мазепе был присущ государственный ум, политический реализм, то не приписывайте ему идей и планов, которые выглядят как романтические и нереальные. Важнейшая черта всех мазеп всех народов: изменяя, они делают выбор в пользу сильнейшего и тем самым ставят себя в новую зависимость. В случае победы шведский король сделал бы Мазепу князем своей империи, а украинские земли отдал бы Польше. Сам Мазепа присмотрел себе владения в Белоруссии и заранее обговаривал этот вопрос с Карлом. Так что в любом случае плакали казацкие вольности.

С одним в статье Ю. Фигурного можно согласиться без оговорок – с тем, что Мазепа стал человеком-символом. Символом чего? Символом «державотворения», считает Фигурный. Ну, наверное. Какое «державотворения», такой и символ. Но прежде Мазепа был и остается символом предательства. Мог быть орлом, а ползал змеей. И умер не столько от дряхлости, сколько от страха и потрясения. Жизненное фиаско профессионального предателя было полным. Судя по рассказам его племянника Войнаровского и ближайшего сподвижника генерального писаря Орлика, угасающее сознание Мазепы сосредоточилось только на одной мысли – нет, не об Украине, а о двух бочонках с золотыми талерами.

Очевидно, что спрос на миф о мятежном гетмане Мазепе был мотивирован поиском новой идентичности вновь образованных государств после развала СССР. Нужен был сюжет для составления истории трехсотлетней борьбы за национальное освобождение. Любопытно, что аналогичная работа над своими версиями подобных нарративов развернулась в других бывших советских республиках, естественно, с исключительным акцентом на свою нацию, народность, племя. Туркмены, узбеки, грузины, казахи и прочие «борцы за независимость» после того, как она стала для них неожиданным фактом вследствие распада Советского Союза, кинулись решать проблему идентификации своего нового положения. А в исторических запасниках всегда найдется материал для отработки любой версии по заказу. Вот тут мифотворцы и распоясались на «полную катушку». Под девизом «Вспомнить все!» нафантазировали так безбоянно, что история той же Украины, особенно древняя и средневековая, сразу превратилась в сплошной исторический анекдот. В мире людей правда нужна не всем и не всегда, но оправдание нужно всем и всегда. Вот на этой психологической почве и взращиваются мифы. На что только не пойдешь ради того, чтобы осветить ложным светом наше безрадостное настоящее и темное будущее. Но что делать, если мифы не дают правильной картины мира? Зачем смотреть на мир сквозь закопченное стекло?

6. Историки, мифотворцы и «официанты»

Призыв не политизировать историю, а оставить ее историкам, является утопическим, поскольку и среди самих историков произошло разделение и по политическому, и по нравственному основанию. Символической для украинской политики является не столько фигура Мазепы, сколько оппозиция Хмельницкого и Мазепы, поскольку она выражает раскол общественного мнения в самой Украине. Этот раскол случился не сегодня и не вчера. Он является онтологическим для всей Украины.

Есть факт и есть миф. Переход от факта к мифу есть интерпретация. Интерпретация рождает миф. Творя современную мифологию истории, нельзя быть абсолютно беспардонным в интерпретации фактов. Впрочем, если хочется, то можно, как показывает современная украинская историография. Это и пугает. Потому что возникает «страшный» вопрос: есть ли в современной Украине историческая *наука* как таковая? К чему мы пришли в результате провозглашенного курса на «правду истории»? Есть же все-таки научный этикет, не позволяющий угождать власти в откровенно неприличной позе официанта: чего изволите, то и навалием.

Историк (ученый), мифотворец (идеолог) и «официант» (карьерист) – таковы возможные роли, которые исполняют историки по образованию. Чем, собственно говоря, мы, историки, занимаемся? Мы все время ходим по цепи фактов, как пушкинский ученый кот, проверяя ее надежность и достоверность с точки зрения нашего представления о «правде истории». Если мы занимаемся этим добросовестно, самокритично, искренне стремясь понять прошлое из нашей современности, то мы – историки, если нет, если у нас есть план целенаправленно использовать историю, то мы – мифологи (идеологи), или, как сейчас принято выражаться, *специалисты по политике памяти*. Если интерпретация фактического материала нейтральна, минимальна, то мы имеем дело с трудом историка. Если она вызвана современным политическим интересом, то миф побеждает объективность и мы имеем дело с текстом идеолога. Человеку науки свойственно сомневаться, а идеологу – жертвовать поиском истины ради группового заблуждения.

Миф о «правде истории» эксплуатирует мотив неполного знания, которое якобы имеет решающее значение для понимания времени в его событийном преломлении. Между тем полное знание недостижимо сначала по причине того, что субъект находится внутри своего исторического мира, а потом – по причине того, что находится снаружи, когда эпоха уже «отстранилась». Чтобы знание было полным, надо, чтобы субъект одновременно находился бы внутри и сна-

ружи. Такое под силу либо Богу, либо человеку, владеющему технологией перемещения во времени (трансцендентный знающий). Вот с таким историком я бы поговорил!

Можно ли утверждать, что рассказанная история, нарратив – это всегда так или иначе миф о прошлом, который подразумевает другой миф – о возможности исчерпывающего знания прошлого? Прошлое обретает свою мифологическую значимость как рассказ о нем. История для нас важна *лишь* возможностью интерпретации настоящего, как повод утверждать, что «так всегда было», что «наши предки завещали нам» и в том же духе. Так, может быть, мифологическая значимость важнее самого прошлого? Что нам до жизни какого-то фараона Микерина? Мы даже толком не знаем, как по-настоящему произносилось его имя. Нас интересует наш интерес к технологическим и научным тайнам древних египтян, к витальной силе этой древнейшей из известных нам цивилизаций. «Путешествия во времени» стали очень популярны в наши дни. Эксплуатируя эту тенденцию, Голливуд ставит забавные фильмы, в которых люди используют динозавров в качестве домашних животных. Впрочем, простодушные американцы остроумно высмеивают свою собственную неспособность ставить хорошие исторические фильмы, поскольку их кинорежиссеры исходят из предположения, что люди во все времена одни и те же – похожи на американцев, только технологии и одежда разные. Поэтому фильмы на исторические темы называются «костюмными». Что ж, самоирония в этом вопросе дает шанс Голливуду пойти дальше костюмных разработок. А как быть нам, ведь у нас развито европейское чувство историзма и имеются теоретические представления об эпохальных процессах? Брать на веру то, что Мазепа в начале XVIII века стремился сделать Украину независимым европейским национальным государством, тогда как в Европе таковое сложилось лишь во второй половине XIX?

Историк и Власть. Карамзин и Александр Первый. Кто был патриотичнее? Разве так ставился вопрос? Кто был мудрее? Так ставился вопрос. И есть ответ: Историк. Карамзин. А ведь были в то время и другие крупные писатели, рабо-

тавшие на поприще истории. Но Историк, способный давать уроки Императору, оказался один. Беда нашего общества заключается в том, что у нас нет такого историка, что у нас история не учит, а служит и даже прислуживает власти имущим. С этой точки зрения проблема создания научной истории Украины в настоящее время мне представляется неразрешимой.

ОБРАЗЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И УКРАИНЫ

Использование истории для политических целей называется *«политикой памяти»*. Другие равнозначные термины – *«историческая политика»* или *«политика истории»*.

Подчеркнем, что политика памяти проходит не по графе «история», а по графе «политическая мифология», поскольку механизм работы с историей – это механизм мифотворчества. Мифология есть специфический способ восприятия, освоения объективной реальности, принципиально не сводимый ни к одному другому. В этом смысле миф не противостоит науке, а рядоположен с ней. По-видимому, мифотворчество есть деятельность активного сознания по миро-освоению, поскольку реальность нам всегда дается в субъективной форме. Этот механизм используется в политике для управления массовым сознанием.

В этом году исполняется 65 лет со дня окончания Второй мировой войны, но ее история не только не тускнеет в человеческой памяти, а, наоборот, актуализируется. Не погрешив против истины, можно сказать, что с конца XX века, особенно после развала Советского Союза, вокруг истории Второй мировой

войны развернулись настоящие «войны памяти», которые ведутся профессионалами. Назовем их «конструкторами памяти». В их задачу входит создание новых образов войны, удовлетворяющих современной геополитической и национальной идентичности.

В данной статье речь пойдет об образах Второй мировой войны, которые культивируются в политическом дискурсе в европейском регионе и Украине.

1. Европейские образы Второй мировой войны

На Западе Красное знамя Победы над Рейхстагом мешает объявить двадцатый век выигранным демократией. По их мифологии «свободный мир» должен всегда побеждать тоталитаризм. Это, мягко говоря, неправда. В античном мире демократические Афины проиграли принципиальную войну «тоталитарной», милитаризованной Спарте.

Мы хорошо знаем, как обстояло дело до того момента, когда Гитлер напал на СССР. Вся континентальная Европа была под пятой фашистов. Многие европейские народы подозрительно быстро утратили волю к сопротивлению, а некоторые ее не имели вовсе. А ведь эта воля как-то связана с практикой свободы. Как-то, но как? Ясно одно: вести тотальную войну на уничтожение, а такова была Великая Отечественная война в Советском Союзе, западные страны были просто не в состоянии.

Гитлеровский фашизм – это была болезнь не только немецкой нации, но и всей демократической Европы. И с этой болезнью Европа самостоятельно справиться не могла. Понадобилась жертвенная помощь Советского Союза и материальная Америки. Вот генеральный факт, который сегодня пытаются вытравить из исторической памяти конструкторы европейской памяти для того, чтобы выздоровевший пациент не комплексовал по поводу своей несостоятельной «практики свободы» в годы Второй мировой войны.

Для европейцев их стратегическая цель сделать Европу единой является очень даже значимой задачей для конструирования «нужной» памяти о войне. Они решают ее с полным пониманием проблемы, выстраивая факты под канву демократических ценностей и стремясь вытеснить на периферию общественного сознания вплоть до забвения тот негатив истории, который не служит инструментом объединения европейцев или входит в противоречие с базовыми европейскими ценностями.

Что делают европейцы? Они не мучаются проблемами, которые решить в принципе нельзя, не живут с ними, а «похоронили» их под спудом мифа о победе демократии над тоталитаризмом. Пример такой мифологии привел в своем докладе на Московской международной конференции «Война, другая память» (апрель 2005 г.) представитель Франции Бруно Гроппо. В частности, он сказал, что во Франции сложился миф о том, что в Сопротивлении якобы участвовала основная часть населения – как бы латентно, по крайней мере духовно. Здесь проявилась международная потребность включить Францию не в число побежденных стран, а в число победительниц и этим изменить европейский расклад сил. Для этого пришлось «забыть» массовую поддержку правительства Петена, коллаборационизм всей чиновничьей системы страны и то, что арест евреев производили местные, а не германские администрации [1].

Европейцы прощают себе все. И, судя по всему, не комплексуют по этому поводу. В этом плане особенно любопытны итальянцы. Эти в обеих мировых войнах начинали воевать на стороне агрессора, а заканчивали на другой – на стороне победителей.

Еще один образ Второй мировой войны создан и культивируется в Польше и странах Прибалтики, которые позиционируют себя как «жертвы». В этой связи немецкий историк Харальд Вельцер пишет: «Многообразнейшие разновидности и все более громкие формы “конкуренции между жертвами” служат свидетельством того, что политика памяти превратилась в одну из арен внутренней и

внешней политики, где заявление претензий по поводу незаслуженных страданий, причиненных тем или иным группам в прошлом, стало веским аргументом, используемым для обеспечения сегодняшних интересов» [2].

В качестве инструментов политики памяти в этих странах были созданы и функционируют специальные организации в статусе государственных учреждений со специальными полномочиями. В Эстонии в 1993 году парламент создал государственную комиссию по расследованию репрессивной политики оккупационных сил, перед которой была поставлена задача подготовить «Белую книгу о потерях, нанесенных народу Эстонии оккупациями в период с 1940 по 1991 гг.». В Польше решением сейма в 1998 году был учрежден Институт национальной памяти (ИНП). В том же году в Латвии при президенте была создана Комиссия историков. В Литве организация, аналогичная польскому ИНП, носит название «Центр геноцида и резистенции» и действует на правах департамента при кабинете министров страны. Ключевой задачей всех вышеперечисленных структур является сбор материалов для масштабной антироссийской пропагандистской кампании с требованием к России «возместить ущерб, нанесенный оккупацией». С этой целью именно прибалты и поляки отстаивают тезис, как якобы полностью доказанный, об одинаковой ответственности сталинизма и немецкого фашизма за развязывание Второй мировой войны. Так что о какой-то позитивной роли Советского Союза в разгроме немецкого фашизма говорить не приходится. Тезис об «агрессии и оккупации» прибалтам необходим и для того, чтобы обелить собственных коллаборационистов, представить их как «борцов сопротивления» в нацистской форме.

Учитывая все вышесказанное, признаемся, мало верится в то, что в деле выстраивания единой общеевропейской памяти войны возможен полный успех. Ведь каждая нация получила свой особенный опыт участия в войне. Одна ситуация у воевавших на стороне Германии Италии, Венгрии, Румынии, Болгарии, другая – у Австрии и Норвегии, третья – у Франции, четвертая – у Польши и Чехии, пятая – у Англии, шестая – у прибалтов и т. д.

2. Украинская ситуация: несовместимость двух образов войны

В Украине вопрос переписывания истории Второй мировой войны приобрел характер конфликта двух ее образов, которые мы условно назовем «Великая Отечественная» и «Чужая война – чужая победа».

Большая часть населения страны (прежде всего ветераны, сражавшиеся в рядах Красной Армии) по-прежнему продолжает чтить *Великую Отечественную войну советского народа*, в которой украинцы совместно с другими народами СССР сломили хребет гитлеровской военной машины, отстояли независимость Украины и спасли весь мир. Соответственно, 9 Мая отмечается как самый большой и светлый праздник.

Такая интерпретация войны решительно не устраивает украинских националистов. В их систему исторических смыслов, ценностей и устремлений сражающаяся за освобождение Украины от фашистов Красная Армия и Великая Победа не входят, поскольку в результате этой Победы Украина по-прежнему осталась под пятой сталинизма в составе СССР. Во имя новой идентичности Украины они хотели бы осуществить полнейшую десоветизацию общества, разорвать путы близости русского и украинского народов, изжить свой комплекс коллаборационизма. Так, их идеолог Мыкола Рябчук пишет: «В украинском национальном («националистическом») нарративе Вторая мировая – это война между двумя тоталитарными хищниками, относившимися ко всем другим народам и странам сугубо инструментально. Украинцы в этой войне выбрали меньшее зло, которым в итоге оказался большевистский Советский Союз, – хотя в самом начале для многих украинцев это не было столь очевидно, а по-сему и осуждать их только за противоположный выбор нет оснований. И уж во всяком случае нет оснований осуждать тех, кто, как УПА, воевал и против нацистов, и против большевиков» [3].

В этой цитате много от лукавого. На самом деле никакого «украинского выбора» не было. С самого начала все были на «своих местах». В составе Красной

Армии и в тылу героически боролись с немецким фашизмом десятки миллионов украинцев. Киев, Одесса, Севастополь стали Городами-Героями. Город-герой – это всего лишь символ массового героизма. Все жители города не могли, да и не были героями. Награждая этим званием украинские города, Верховное Главнокомандование Советского Союза признало тот факт, что их оборона более чем на 100 % выполнила стратегическую задачу срыва немецкого блицкрига.

На одной стороне миллионы, на другой – в качестве пособников немецких фашистов – десятки тысяч. Спрашивается: чей образ войны является национальным и чей – провинциальным? Известно, что по количеству абсолютных потерь во Второй мировой войне Украина находится на втором месте после России. По относительному количеству потерь (19 % от довоенного населения) Украина занимает третье место после Белоруссии и Польши. Речь идет о миллионах жизней. Спрашивается: эти жертвы принесены на алтарь Отечества или нет?

«Украинские СМИ: 9 Мая должно быть объявлено днем траура» – под таким заголовком в Интернете помещено сообщение, что украиноязычная газета «Крымская светлица» 12 мая 2008 года опубликовала на своих страницах письмо читателя С. Карачко из Черновцов под заголовком «Мировая или отечественная?» Я привожу из него одну купюру: «Во всем мире 8 Мая празднуется как победа сил объединенной демократической коалиции во Второй мировой войне. А что празднуем мы, если одной из стратегических целей сталинского режима являлся курс на уничтожение Украины?» [4].

В этом пассаже легко усматривается тезис о «жертве», то есть желание причислить Украину к числу «стран-жертв», которые ныне встали в очередь за получением компенсации от страны, спасшей мир от фашизма. Украина, конечно, не Россия, но тем более и не Прибалтика. Если она не является страной-победительницей, то на каком основании она стала одним из фундаторов ООН? «Жертвы» ООН не учреждали. Ясно как божий день, что Украина в составе

СССР самым серьезным образом пострадала от оккупации фашистской Германии, но и является триумфатором Второй мировой войны.

Но этот взгляд не устраивает, а может, просто недоступен западноукраинским националистам в силу их специфического туннеля реальности. По их мифологии, призванной оправдать их специфическую позицию, они сражались одновременно аж на два фронта – и против немцев, и против Красной Армии. Их «маленькая проблемка» заключается в том, что их войну против вооруженных сил двух гигантов никто не заметил.

Это и понятно: очень трудно себе представить, что состоявшая из малочисленных, плохо вооруженных отрядов УПА могла бросить вызов Вермахту и Красной Армии. Соотношение сил было примерно таково: один вояка УПА с винтовкой, чаще с топором, вилами или палкой, без государственного снабжения, против 250 вооруженных современной техникой солдат Вермахта и Красной Армии. К многочисленным порокам руководителей ОУН-УПА полнейший идиотизм не принадлежит.

О праве на свою историю

«Мы имеем право на свою историю» – провозгласил в свое президентство В. А. Ющенко. Это звучит как: «Мы имеем право на свою субъективность». Этот подход снимает проблему фальсификации истории, переводя ее в плоскость национальных трактовок исторических событий и оценок исторических личностей. У нас, мол, своя история и свои герои, и это не обсуждается с «чужими». Однако это не обсуждается и со своими, если они не согласны с националистической трактовкой истории. В этом случае своих объявляют «чужими», «предателями», «малороссами», «украинофобами» и т. п.

Президент Украины Виктор Ющенко после полного провала в первом туре выборов нового президента, когда терять ему было нечего, подписал 20 января 2010 года указ о присвоении Степану Бандере звания Герой Украины по случаю Дня соборности Украины. Трудно себе представить удар по соборности

нынешней Украины более сильный, чем тот, который нанес ему уходящий, уже не имевший морального права подписывать такого рода указы Президент. Скандал получился полнейший. Депутаты Луганского, Запорожского областного и городского советов, Крымского парламента, Севастопольского городского совета, Николаевского и Одесского областных советов приняли резолюции, в которых требуют отменить указы Президента Виктора Ющенко о присвоении Шухевичу и Бандере звания Герой Украины, а также указа «О чествовании участников борьбы за независимость Украины». Депутаты считают, что данные указы являются «позорными» по отношению к памяти миллионов жертв фашизма, фактической реабилитацией и героизацией тех, кто сотрудничал и воевал на стороне фашистской Германии. Указы Ющенко названы «неонацистскими». Были подготовлены обращения в суды различной инстанции, а также к Президенту Януковичу. Последовала и зарубежная реакция. Недоумение выразила Россия, возмущение – Польша, сожаление и надежду на отмену ющенкоовского указа по Бандере – Европейский парламент.

Директор Института национальной памяти Украины И. Р. Юхновский имеет прямое отношение к провальной политике памяти президента В. А. Ющенко. Указ о награждении С. Бандеры званием Герой Украины он прокомментировал так: «Степан Бандера и его ребята стали символом борьбы с Советской властью». И далее: «Это группа решительных молодых людей, которые не чуждались убийств и террора...» [5]. Сказать так о тех, у кого на счету десятки тысяч зверски убитых, садистски замученных людей, – все равно что сказать о Гитлере, что по своей натуре он был радикальным политиком. Но в целом Юхновский честно признал, что Бандера нужен националистическому политикуму как символ борьбы с Советской властью, а не как символ борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. Фактически Юхновский признал, что бандеровцы не были участниками Второй мировой войны, а были ее попутчиками. При этом «попутались» они с Гитлером, за что и ответили по полной.

Утилитарный подход к истории (история – служанка политики) сопряжен с откровенно наплевательским отношением к морали современников. Все же есть четкие моральные критерии, которые позволяют отличить героя от негероя. Спрашивается, как должен реагировать любой нормальный человек на следующий «текст»: «Народе! Знай! Москва, Польша, Маляри, Жидва – це Твої вороги. Нищ їх! Ляхів, жидів, комуністів знищуй без милосердя!..»? [5] Наверное, он решит, что «текст» принадлежит злобному фанатику и маньяку. И будет прав. Между прочим, слова эти взяты из обращения новоявленного «героя Украины» Степана Бандеры, которое распространялось во Львове 30 июня 1941 года.

Есть деловое предложение националистам: опубликуйте «полное собрание сочинений» С. Бандеры, и пусть люди сами решают, что это за герой. Могу заранее сказать – не опубликуют. Слишком много злобы, людоедства, ненависти к другим народам содержат «тексты» вождя ОУН/б. Если до сих пор не сказано всей правды, *доступной нам*, о бандеровцах, то только потому, что эта правда ужасает, дискредитирует идею, за которую проливали свою и чужую кровь эти фанатики украинской идеи. Большевистский фанатизм как чужой, иностранный осудили, а свой собственный национал-большевистский фанатизм не просто оправдали, но возвели в степень героизма.

Подсчитано, что от рук украинских националистов в 1939 – 1945 годах погибло только на Волыни и только поляков 60 – 70 тыс., что составляло около 20 % тогдашнего польского населения этого региона. Таким образом, вояки УПА конкретно занимались решением «польского» вопроса. А еще они занимались решением «еврейского» вопроса. Их действия квалифицируются как народоубийство, то есть преступление геноцида. Если бы не было 9 МАЯ, то жертвы борьбы уповцев за независимое Украинское государство исчислялись бы не сотнями тысяч, а миллионами. Если бы им удался их план, это было бы еще то государство! Кафка и Оруэлл отдыхают! Но не судилось. И слава Богу!

Пока следует констатировать провал исторической политики Ющенко по всей линии и на этой почве – его собственной политической карьеры. О невозможности моральной реабилитации и героизации вождей ОУН-УПА было уже сказано. Бог судья Виктору Андреевичу. Так он видит историю, таков его туннель реальности. Но есть и сугубо политический критерий – критерий целесообразности и эффективности. Чего добился он своей политикой истории? Он добился четкого раскола Украины по линии Восток-Запад. И вот за это ему придется отвечать перед людьми всю оставшуюся жизнь.

Украинские националисты являлись непосредственной опорой немцев в Западной Украине. От этого фундаментального вывода никуда не деться. Ведь по договоренности между Польской Народной Республикой и Советским Союзом произошел обмен украинского и польского населения. Польша получила поляков с «украинских земель». Город Львов стал «украинским». Еврейский вопрос был решен еще в 41-м году.

Советская политкорректность. Советский Союз сделал все, чтобы забыть о трагической странице истории. Проводилась политика «замирения» территории. Ускоренными темпами происходило восстановление Западного региона Украины.

Вопрос из области исторической психологии

«В лесу, где нет льва, и шакал – раджа» – гласит бенгальская пословица. Что происходит с сознанием тех, у кого в истории шакалы занимают место львов? Это вопрос из области исторической психологии.

Области Западной Украины были оторваны от остальной Украины и жили в составе других политических и национальных организмов с середины XIV века и аж практически до середины XX – шесть столетий, тридцать поколений! Все силы были потрачены на сохранение национальной идентичности. За эти века унижений и подавления национальных проявлений накопилась такая энергия фрустрации, которая должна была вылиться в жесткую оборонительную реак-

цию, агрессивный национализм, в создание иллюзорных образов самооправдания, мифов (миф об «украинском Пьемонте» и т. п.) и прочие компенсаторные вещи.

Повторю: не история сама по себе, а именно историческая и социальная психология объясняет специфику западноукраинского региона, у которого чем меньше оснований, тем больше необоснованных претензий к доминированию на всей Украине, тем больше крикливости, напора, истерии у националистических политиков этого региона. Это выглядит тем более странно, что при общении с «простыми» людьми приятно поражает их мягкость и доброжелательность; в них нет и следа той агрессии и нетерпимости, которую демонстрируют Тягнибок со товарищи. Почему они все-таки голосуют за тягнибоков?

Природа высшей нервной деятельности обладает целым набором психологических механизмов, которые предохраняют от морально-психологического разрушения как индивидуальное, так и коллективное сознание. Так, автор книги «Психология эволюции» Р. А. Уилсон пишет, что в человеческом мозгу есть функции «Думающий» и «Доказывающий», при этом Думающий может думать о чем угодно, и что бы ни думал Думающий, Доказывающий это докажет [6]. Вот этот психологический механизм рациональной мифологизации задействован ныне в попытке убедить наших граждан, а заодно и весь мир в том, что воюющие Украинской Повстанческой армии в годы войны сражались за независимую Украину на два фронта – против немцев и Красной Армии.

История, изложенная проигравшими, не менее лжива, чем история, написанная победителями. Нынешняя история Украины написана с позиции проигравших, возомнивших себя победителями. Поэтому она лжива вдвойне.

Что делать?

Вопрос в том, что после того, что было уже обнажено, артикулировано и поставлено в принципиальную плоскость политиками, неумно занявшимися историей, конфликт двух образов Второй мировой войны («Великая Отечествен-

ная» и «Чужая победа») приобрел характер холодной гражданской войны, победа в которой одной из сторон сопряжена с огромной вероятностью распада современного Украинского государства. Политика памяти должна быть в корне изменена.

Выходом из сложившегося положения является компромисс, своеобразный мораторий на переписывание истории, ее деидеологизация, признание двух правд на почве разных исторических реальностей. Американский дипломат, политический деятель и афорист Эдлай Стивенсон (1900 – 1965) заявил: «Я предложил бы моим друзьям республиканцам следующее: они перестанут рассказывать ложь о нас, а мы, демократы, перестанем рассказывать правду о них». Неплохой совет и для нашего случая. Так, собственно, поступали советские власти, чтобы не травмировать дружбу народов «правдой истории». Проблему нельзя решить, ее нужно лечить «терапевтическими средствами». Освободиться от исторического прошлого нельзя, но выздороветь от него можно. Хотя бы нужно попытаться.

Далее. Мораторий на злоупотребление историей не означает, что историю нужно прекратить изучать и писать. Нужны честные диалоги между историками Украины, России, Польши и Израиля. Они трудны, но возможны при условии, что это будут диалоги между уважающими себя и партнеров профессионалами, не дискредитировавшими себя «патриотическим» фальсификаторством. Убедить предубежденных невозможно, но постепенно снять предубеждения можно. Этим и нужно заниматься во имя будущего Украины.

ОБРАЗЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ В УКРАИНЕ

В Одессе – Май, парад, красные знамена Победы, музыка, мелодии знакомых с детства песен о войне, люди с цветами, высыпавшие на улицы и устремившиеся к памятникам, посвященным Подвигу Народа. Давно такого не было!

По контрасту с расцветающей и благоухающей природой нашу жизнь омрачает гражданская рознь. К радости и гордости за своих предков примешивается целый букет непраздничных настроений и отягощающих мыслей. В самом деле, никто не думал и не гадал, что нам придется отстаивать право на Победу в Великой Отечественной войне. Но это факт. Сражение за Победу спустя 65 лет после этой самой Победы развернулось нешуточное, и исход его далеко еще не ясен. Противники в этой «войне памяти» – граждане одной и той же страны, разделенные разной историей, мифологией, культурой. Под сенью одного государства Украина жестко схлестнулись два разных образа Второй мировой войны, которые мы условно назовем «Великая Отечественная» и «Чужая война — чужая победа». А ведь за этими образами стоят две разные идеологии, два разных взгляда на будущее Украины, более того – судьба самого государства в его современных границах. Ни в коей мере не претендуя на роль верховного судьи, попробуем, однако, разобраться в сложившейся ситуации.

Европейский взгляд на коллаборационизм и Украина

Большая часть населения страны (вместе с ветеранами, сражавшимися в рядах Красной Армии) по-прежнему продолжает чтить *Великую Отечественную войну советского народа*, в которой украинцы совместно с другими народами СССР сломили хребет гитлеровской военной машины, отстаивали независимость Украины и спасли весь мир. Соответственно, 9 Мая отмечается как самый большой и светлый праздник. Когда режим Ющенко открыто отступился от наших ветеранов в пользу «борцов за независимость Украины» из ОУН-УПА,

Праздник 9 Мая стал поистине народным, а отношение к Великой Отечественной войне и Победе в ней народов СССР стало пунктом политического и нравственного самоопределения. Это – «последний окоп», который мы, кажется, удержали.

Другую интерпретацию войны дают западноукраинские националисты. Коллаборационизм, пособничество нацистской Германии своих дедов и отцов они хотят представить как борьбу за независимую Украину на два фронта – и против Гитлера, и против Сталина.

Для того, чтобы доказать, что Организация украинских националистов (ОУН) была пособником немецких фашистов в годы Второй мировой войны, особых усилий не требуется. Для этого надо просто цитировать многочисленные документы Донцова, Шептицкого, Бандеры, Стецько и других вождей националистического движения, в которых они многократно расписывались Гитлеру и другим высшим руководителям рейха в своей преданности, подчеркивали, что свою концепцию создания «суверенной и соборной» Украины связывают исключительно с военным успехом фашистской Германии. Мало того, они активно пропагандировали и вкореняли в сознание галицких украинцев идеологию фашизма, заявляя, что «идеологическая общность будет способствовать политической общности». Вопрос не в том, сотрудничали или нет. Тут все ясно. Вопрос в том, вынуждены были сотрудничать или пошли на сотрудничество с немецкими нацистами охотно по причине идеологической общности?

Известный исследователь украинского интегрального национализма Иван Лысяк-Рудницкий писал: «Ближайших родственников украинского национализма следует искать не столько в немецком национализме или итальянском фашизме – продуктах индустриальных и урбанизированных сообществ, сколько среди партий этого типа у аграрных, отсталых в экономическом отношении народов Восточной Европы: хорватских усташей, румынской Железной гвар-

дии, словацких глинковцев, польского ОНР (Oböz Narodowo-Radykalny) и т. п.» [4].

В 1941 – 1945 годах Хорватия и Словакия получили из рук Гитлера, так сказать, независимость. То есть они получили то, в чем было отказано родственным по духу и устремлениям бандеровцам. На практике же это были авторитарно-полицейские режимы А. Павелича и Й. Тисо соответственно.

В 2004 году небезызвестный журналист Виталий Портников в программе «Имя собственное» на Радио Свобода интервьюировал словацкого политолога и журналиста Григория Месежникова. Портников задал ему вопрос: как оценивать деятельность Йозефа Тисо – как сугубо коллаборационистскую либо как деятельность политика, у которого просто не было выбора? Месежников отвечал, что независимым государством Словакия в годы Второй мировой войны не была, потому что она была союзником нацистской Германии и воевала на ее стороне. И добавил буквально следующее: «Я думаю, очень интересно было бы сказать о том, как воспринимается Йозеф Тисо в нынешней Словакии. Большая часть граждан Словакии считает вообще период истории Словакии в годы Второй мировой войны как минимум не заслуживающем положительного отношения, а то и просто постыдным или позорным» [5]. Портников продолжал поддавливать: может все-таки Й. Тисо, находясь в безвыходной ситуации, сделал выбор в пользу меньшего зла? И тогда Месежников сказал, что Тисо принял решение о депортации 70 тыс. словацких евреев в Польшу в концлагеря, прекрасно зная, что с ними там сделают. Он однозначно преступник. Отягощает его вину то обстоятельство, что он был священник. Не оставляя места ни для каких иных толкований, Месежников закончил: «Словацкая республика не считает себя продолжательницей независимого, так называемого независимого, Словацкого государства, которое существовало в годы Второй мировой войны. Словацкая республика наследует Чехословакию, то есть Чехословацкую республику, не считая себя, повторяю, никоим образом связанной ни идеологиче-

ски, ни политически, ни в государственном отношении с тисовской Словакией» [5].

Вы понимаете, граждане Украины, как нам повезло, что Гитлер, возмущенный наглостью бандеровцев, провозгласивших во Львове 30 июня 1941 года создание Украинской державы без его санкции, приказал арестовать всех частных к этой акции. А если бы Гитлера удалось уговорить, то мы были бы сейчас *страной*, воевавшей на стороне фашистов. Вот чем предлагал нам гордиться пан Ющенко! Вот от какого государства он хотел бы вести отчет современной Украины. Словаки отказываются связывать историю своего вновь созданного государства с фашизмом, а он хотел бы! Вот разница между цивилизованной Европой и той Европой, к которой сами себя причислили Ющенко и иже с ним.

Кстати, в октябре 1944 года на борьбу в горах против словацких партизан были брошены прошедшие специальное обучение дивизии СС «Эдельвейс» и 14-я гренадерская дивизия СС «Галичина». Последняя была сформирована заново после катастрофы под Бродами из добровольцев Галиции. И здесь, как и ранее в Белоруссии, дивизия СС «Галичина» оставила кровавые следы: за поддержку партизан они сожгли дотла много словацких деревушек. Участвовали галицкие эсэсовцы и в подавлении Словацкого вооруженного восстания, и в борьбе с югославскими партизанами. Сегодня ветераны этого преступного воинского подразделения рассказывают украинской общественности, что СС они расшифровывали как «Сечевые стрельцы». А вот словацкие партизаны, воевавшие с ними, считали, что СС – это «самая сволочь». Можете себе представить, как словаки сейчас воспринимают попытки реабилитации коллаборационистов в Украине. Да что там реабилитации – героизации! Вот ведь куда завел нас ющенкоковский «патриотизм». Полагаю, можно не знать таблицу умножения (к слову, к этому идет с нашими экспериментами с системой образования), но отличать добро от зла жизненно необходимо.

Если рассматривать националистическое движение в Западной Украине в первой половине XX века как проект создания независимого Украинского государства, то он полностью провалился. Что удалось достичь бандеровцам своей политикой сотрудничества с фашистской Германией и этническими чистками? Решили они хотя бы одну из тех задач, которые сами перед собой ставили? Ни одной. Кого они освободили? Никого. Всю Украину, вплоть до последнего квадратного метра, освободили бойцы Красной Армии. Вот почему ветераны ВОВ против приравнивания вояк УПА к их статусу. Создали они свое государство? Какое там! Зачем тогда загубили жизни сотен тысяч мирных людей? Ради чего? Ради идеи самостоятельного, этнически чистого Украинского государства, которая является инобытием фашистской идеи. Украина стала независимой не благодаря, а вопреки им. Реализовался не «проект ОУН-УПА», а «проект УССР», что великолепно символизирует тот факт, что первым Президентом независимой Украины стал один из руководителей Компартии Украины.

Как известно, депутаты Европейского парламента 25 февраля 2010 года приняли резолюцию «О ситуации в Украине», в которой осудили указ к тому времени уже провалившегося на выборах Президента В. А. Ющенко о присвоении звания Герой Украины Степану Бандере и рекомендовали новому украинскому руководству пересмотреть решение своего предшественника. Как и следовало ожидать, это вызвало нервную реакцию в западных областях Украины. В частности, по инициативе фракции всеукраинского объединения «Свобода» Львовский областной совет собрался на внеочередную сессию и принял обращение к Европарламенту. В обращении Львовского областного совета говорится, что «решение Европарламента не имеет никакой правовой и исторической основы и базируется на клевете о так называемом “сотрудничестве” ОУН с нацистской Германией, которой в свое время коммунистическая пропаганда клеймила украинское национально-освободительное движение времен Второй мировой войны. Это утверждение крайне цинично, ведь Степан Бандера с начала июля

1941 по октябрь 1944 года был узником гитлеровского концлагеря Заксенхаузен, а двое его братьев замучены в другом гитлеровском – Освенциме» [6].

Крайне наивно полагать, что европейцы не знают где, когда и за что посадили немцы Бандеру, Стецько и других оуновцев и почему потом выпустили оттуда, откуда до них никто сам не выходил, причем здоровыми и даже не похудевшими. Для сведения наших читателей, Бандера был посажен в индивидуальную камеру в бункере «Целленбау» («Камерный дом»). В этот бункер гитлеровцы свезли со всей оккупированной Европы политических деятелей, военных, известных ученых, священников, аристократов, богачей и держали их там на положении заложников или почетных пленников. В этом бункере для привилегированных немцы позволили службам Международного Красного Креста создать образцовые условия заключения под стражей. С. Бандера сидел в камере номере 73, рядом с руководителем польской Армии Крайовой генералом С. Ровецьким (он сидел в камере под номером 71). заключенным позволялось свободно передвигаться по лагерю, встречаться между собой, они получали продовольственные посылки и деньги от родственников. «Целленбау» – это было то самое место, где его обитателям давали хороший кофе (вспомним отца г-на Ющенко. По «счастливой случайности» (!) совсем рядом (за 200 метров от бункера «Целленбау») находился замок Фринденталь, в котором располагалась школа агентурно-диверсионных кадров из той же ОУН-бандеровцев. Инструктор этой школы бывший офицер спецбатальона абвера «Нахтигаль» Ю. Лопатинский был на постоянной связи с Бандерой.

Все оуновцы, в том числе и сам С. Бандера, отмалчивались о своем пребывании в Заксенхаузене. Только их конкурент атаман Бульба-Боровец приоткрыл завесу в своей книге воспоминаний «Армия без государства». Боровец угодил в бункер «Целленбау» в 1943 году. Он сидел практически рядом с Бандерой в камере номер 77. Боровец сообщает такую красноречивую деталь, что у заключенных были на депозите деньги и они имели возможность покупать «Винницкую махорку». Бумагой для самокруток служила туалетная бумага [7].

Львовские депутаты в своем обращении заявили, что являются «бесспорными сторонниками европейской традиции». Только глубокой исторической контузией можно объяснить такое заблуждение на свой счет. В этой связи хочется сказать депутатам из Львовского, Ивано-Франковского и Тернопольского советов: «Хлопцы! Вы обратились к Европе Свободы, Достоинства и Прав Человека, а вам надо обращаться к Европе Варфоломеевской и Хрустальной ночей, к той Европе, к которой обращался в свое время митрополит УАПЦ Мстислав (Степан Скрыпник). 29 марта 1942 г. будущий митрополит писал в газету “Волянь”: “Мы, украинцы, с гордо поднятой головой обращаемся к новой Европе, к той Европе, которая возникла в гениальном видении великого европейца – Адольфа Гитлера. В такую Европу мы верим, такую Европу мы проповедуем” [8, с. 229]. Вот ваша Европа, хлопцы!»

Попытка галичан совместить свой национализм с европеизмом абсолютно невозможна в силу идеологической несовместимости. Все то, что они сегодня предъявляют в пользу своей европейскости, связано с историей длительного пребывания Западной Украины в составе Польши и Австро-Венгрии на правах украинского анклава, подвергавшегося культурной и политической ассимиляции. А все то, что они сегодня выдают за «героическую борьбу за независимость», связано со страстным желанием уйти из этого культурного мира из-за опасности окончательной ассимиляции. Поэтому, господа хорошие, решайте дилемму: либо вы – украинские националисты, либо – европейцы. Если вы – европейцы, то свой национализм прятать надо как срамное место. В единой Европе у украинских националистов нет никаких перспектив. Только с маргиналами, с европейскими подонками они могут иметь дело. Об этом они должны крепко задуматься. Да и в самой Украине национализм носит местечковый характер, и мы знаем, где эти местечки находятся.

Украинская бесовщина

В статье «Отберите орден у Бандеры» историк и политолог Кость Бондаренко пишет: «Степан Бандера – это особый тип революционера. В русской революционной традиции подобных революционеров называли “нечаевцами” – по имени Сергея Нечаева. Нечаевцы – это особо циничный тип революционных деятелей, требовавших безграничного централизма и повиновения, признававших культ силы и вождизм» [9]. Это абсолютно точное определение психологического типа Бандеры. Образ Нечаева увековечен Ф. Достоевском в романе «Бесы». *Бандеровщина – это украинская бесовщина.*

Национализм Бандеры и его соратников был настоен на писаниях Дм. Донцова. Тот, в свою очередь, основную терминологию заимствовал у Шопенгауэра, Ницше, Сореля. Основными категориями донцовского интегрального (всеохватывающего) или волевого (воинственного) национализма являются: «воля к власти», «творческое насилие», «воля нации к жизни и экспансии», «управляющая воля инициативного меньшинства», «безоглядность и решительность в действии», «романтизм и аморальность». Седьмой пункт «Декалога украинского националиста» гласит: «Не завагаєшся виконати величезне злодійство, якщо цього вимагатиме добро справи» [7, с. 17]. И оуновцы не колебались. У них было присловье: «Треба крові по коліна, щоб настала вільна Україна». Террор стал их основной тактикой борьбы за свободу. Они ставили своей задачей подавить жестокостью и беспощадностью не только врагов украинства, но и украинское население, эту пассивную, слабовольную, не имеющую высоких целей и идеалов борьбы массу. Посредством террора, развращающего душу страхом и смертным грехом убийства, вино освобождения переработалось в уксус неконтролируемой ненависти к «врагам нации». Это неизбежное качественное превращение националистов в бесов и состоялось в годы Второй мировой войны.

По утверждению украинского историка из диаспоры О. Субтельного, в начале 1930-х годов, кроме сотен актов саботажа и десятков случаев «экспроприации» государственных фондов, члены ОУН организовали более 60 покушений и убийств. В этой связи К. Бондаренко пишет: «Иногда террористические акты

поражают своей нелогичностью. Покушение на маршала Пилсудского во время посещения им Львова – это понятно. Убийство комиссара львовской полиции Чеховского – тоже понятно. Но вот убийство талантливого поэта-“младомузовца”, любимого ученика Ивана Франко Сидора Твердохлиба (только за то, что тот выступал за консенсус между поляками и украинцами) – не понятно. Убийство одного из защитников украинских интересов в польском парламенте сенатора Тадеуша Голуфко – не понятно. А были еще и подготовка покушения на митрополита Андрея Шептицкого и на одного из виднейших деятелей украинского движения Ивана Крушельницкого!» [9].

Почему же «не понятно»? Все как раз понятно и логично. Нечаев «для дела революции» клеветал на Бакунина, чтобы подтолкнуть его к отъезду из Парижа в Россию. Бандеровцы убивали тех, кто мешал им радикализировать борьбу с Польшей. Надо было убить всех сторонников польско-украинского диалога, чтобы этот диалог стал невозможен. Что касается Шептицкого, то не может польский граф возглавлять украинскую церковь. По определению – не может! Это все равно что еврей возглавит гестапо. Так думал Бандера и... ошибался. В годы войны они найдут «порозуміння».

На Нюрнбергском процессе заместитель начальника 2-го отдела абвера (Абвер-2), отвечавший за работу с украинскими националистами, полковник Эрвин Штольце показал: «В октябре 1939 года я с Лахузенем привлек Бандеру к непосредственной работе в Абвере. По своей характеристике Бандера был энергичным агентом и одновременно большим демагогом, карьеристом, фанатиком и бандитом, который пренебрегал всеми принципами человеческой морали для достижения своей цели, всегда готовый совершить любые преступления» [10]. С. Бандере был присвоен агентурный псевдоним «Серый». Любопытно, что аналогичные характеристики вождю ОУН/б давали и другие высокопоставленные офицеры и генералы рейха, курировавшие бандеровцев. Они точно «просчитали» Бандеру как «отвязанного», не поддающегося контролю фанатика и посадили «на цепь» до поры до времени. В конце 1944 года такое

время настало. В книге «С кем и против кого воевали украинские националисты в годы Второй мировой войны» Виталий Масловский пишет: «...в октябре 1944 г. Бандера встречался не только с генералом СС Бергером, но и с самим рейхсфюрером СС Г. Гиммлером. Об этом уже многократно писали разнообразные авторы. “Потребность вашего вынужденного пребывания под мнимым арестом, – сказал Гиммлер Бандере на “встрече”, – вызванная обстоятельствами, временем и интересами дела, отпала. Начинается новый этап нашего сотрудничества, более ответственный, чем раньше”» [7].

Немецкий историк Норберт Мюллер отмечал: «Фашистские органы все больше старались извлечь выгоду из своего альянса с буржуазными националистами. Учитывая тот факт, что открытое сотрудничество с оккупантами лишь еще более дискредитирует их в глазах населения, на заключительной стадии оккупационного режима стали применять более утонченные маневры. Так, например, украинские буржуазные националисты выставляли себя «врагами» оккупантов и якобы для борьбы с ними создавали крупные вооруженные формирования. Оккупационные органы, которые поначалу подавляли намечавшееся стремление националистических сил к самостоятельности, теперь пропускали мимо ушей антинемецкие фразы и даже поставляли националистам оружие и боеприпасы, прекрасно зная, что они будут использованы против партизан и других сил народного сопротивления.» [11]. «Мученик» Бандера был нужен немцам как знамя, как символ, как миф. Он все равно не играл никакой практической роли в УПА. Зато многие обманулись на счет УПА, веря, что она сражается против немцев. Советское командование одно время вынашивало идею об объединении всех партизанских движений западноукраинского края на антигитлеровской основе. Ю. Шевцов считает: «УПА оттянула не менее 50 тысяч человек мобилизационного потенциала советских партизан. Если бы на западной Украине действовали весной 1943 г. не 20-30 тысяч партизан, а за счет такой мобилизации – до 100 тысяч, тыла бы у немцев “не было”» [12]. Вот зачем немцам был нужен «мученик» Бандера.

Националисты являлись непосредственной опорой немецких фашистов в Украине. От этого фундаментального вывода никуда не деться.

«Рыцари абсурда»

Никакой площади не хватит, чтобы опровергать мифы, а то и просто откровенную брехню о «героической борьбе ОУН-УПА в годы Второй мировой войны», которыми заполнили современную украинскую историографию историки-националисты и выползшие из щелей «мемуаристы». Но есть центральный миф, которым они особо дорожат, – якобы они сражались одновременно аж на два фронта – и против немцев, и против Красной Армии. Их «маленькая проблемка» заключается в том, что их войну против вооруженных сил двух гигантов никто не заметил. Это и понятно: очень трудно себе представить, что состоявшая из малочисленных, плохо вооруженных отрядов УПА могла бросить вызов Вермахту и Красной Армии одновременно. По своей модели УПА была именно партизанской армией и решала задачи, которые свойственны партизанам.

«Можно спорить, – пишет Юрий Шевцов, – насколько УПА была творением немцев, а насколько – самостоятельным творчеством украинских националистов фашистского толка. Если признать, что УПА – это в основном плод украинского радикального национализма, тогда все равно придется признать, что воевать с немцами весной 1943 г. УПА не могла и ей это не имело смысла. Созданные в феврале – марте 1943 г. отряды УПА не имели потенциала к штурму немецких гарнизонов в крупных городах. Эти отряды были относительно небольшими. Их вооружение было не приспособлено к штурму и удержанию городов. Политически захватывать города для УПА смысла не имело, ибо устоять перед лицом Советской Армии, которая бы воспользовалась антинемецкими действиями УПА, украинские националисты не могли. Единственная стратегия, которая была оправдана для УПА в этот момент с точки зрения ее идеологии – партизанская война. По сути, УПА сдерживала в интересах немцев закрепление

советских или, в крайнем случае, польских, союзных тогда советским, партизан в труднодоступных болотисто-лесистых районах Полесья и Волыни, вблизи стратегически важных транспортных артерий» [12].

По далеко неполным данным, гитлеровцы передали УПА 700 орудий и минометов, около 10 тыс. пулеметов, 26 тыс. автоматов, 72 тыс. винтовок, 22 тыс. пистолетов, большое количество боеприпасов и военного имущества [13]. Если УПА воевала с немцами, то, вероятно, последних нужно признать идиотами, поскольку вооружать воюющих против себя – это и есть признак идиотизма.

Чтобы закрыть вопрос о пресловутой борьбе на два фронта, приведу слова самого С. Бандеры. В 1948 году в брошюре «Слово к украинским националистам-революционерам за границей» он подвел итоги борьбы своей организации в годы войны: «...наша линия действия была четка: неотступное отстаивание ее – готовность к тесным взаимоотношениям и к общей войне против большевистской России и только против нее...» [7].

Почему же все-таки взаимоотношения между немцами и бандеровцами некоторые объективные авторы характеризуют как «непростые», «непонятные», «парадоксальные»? Действительно, начиная с Акта провозглашения Украинского государства 30 июня 1941 года, немцы давали понять украинским националистам «их место». А последние – «не понимали», не хотели понимать. Обращаю внимание на книгу воспоминаний Я. Стецько, которая называется «30 июня 1941». Во вступительном слове к ней сам творец украинского интегрального национализма Дм. Донцов назвал Акт 30 июня «волей рыцарей абсурда» [7]. По мнению Донцова, это была похвала инициаторам этой акции. В начале своей книжки Я. Стецько обижается, что его и его соратников называют фашистами, а они только пытались «навязать взаимоотношения с немецким государством как возможной вспомогательной силой в нашей борьбе против России» [7]. Назвать гитлеровскую Германию «вспомогательной силой» – это действительно абсурд! Мечтать о создании самостоятельного украинского «бантустана» внутри германского «тысячелетнего рейха» – это, безусловно, абсурд. Не-

вероятное самомнение, неспособность взглянуть в лицо реальности и ослиное упрямство – таковы симптомы душевной болезни лидеров ОУН/б, которую немцы пытались лечить, впрочем, безуспешно, шоковой терапией. Бандеровские вожди упрямо позиционировали себя в качестве равноправных союзников фашистской Германии в то время, когда им указывали на их место пособников, обслуживающего персонала для выполнения охранных, карательных и просто палаческих работ (вроде расстрельных команд в Бабьем Яру), чтобы поменьше подвергать моральному разложению собственные войска. Кстати, братья Бандеры пострадали именно по причине неадекватности своего брата. Они были арестованы и брошены в концлагерь Аушвиц (Освенцим) в октябре 1943 года по приказу губернатора Галичины группенфюрера СС Отто Вехтера. Это была его гневная реакция на открытое письмо руководства ОУН-бандеровцев в октябре 1943 года. В этом письме бандеровцы заверяли, что, как и ранее, остаются верными союзниками гитлеровской Германии и сделают все возможное, чтобы война закончилась «немецко-украинской победой». А в конце письма они непозволительно зарвались, перейдя на упреки и даже угрозы в адрес руководителей рейха за то, что те не разрешили им стать властью на украинской территории [7].

Идейные наследники рыцарей абсурда достойны своих кумиров. Правда, им пришлось довольствоваться всего лишь музеем советской оккупации. А вот если бы фюрер в годы войны дал свое разрешение, то они давно бы уже потребовали, по примеру их латышских коллег, привлечь ветеранов Великой Отечественной войны к суду за то, что они в составе Красной Армии в 1944 году «оккупировали незалэжную украинскую державу». Андреич им бы в этом не отказал.

Какого качества либерализм у галицкой интеллигенции?

Бывший оуновец, ныне вице-президент Украинско-американского координационного совета 85-летний Евгений Стахив в интервью сказал: «Галичане не

могут избавиться от нравственной увечности бандеровщины, и это является их бедой в частности и Украины в целом. И хотя галицкая элита – ученые, писатели, интеллигенция – в большинстве своем придерживается либеральных взглядов, ее голос заглушает горстка невежд, крикунов, горе-патриотов» [14].

Если бы это было так, то это полбеда. Есть основания считать, что галицкая элита не возвышает своего голоса против «невежд и крикунов из числа горе-патриотов» и что «высокая интеллигентка» пани Фарион не находится там в полном одиночестве.

В свое время гетман Украинской державы Павел Скоропадский критически отнесся к амбициям галичан, назвав их культурную идею «узким украинством». Не будучи поклонником этого исторического персонажа, должен заметить, что нам, одесситам, очень даже понятна мысль этого царского генерала. Другой царский вельможа основатель Одессы герцог Ришелье сказал о *своем* городе: «...ни в одной стране мира не скопилось на столь малом пространстве такое количество народностей, притом столь различных в нравах, языке, в одежде, религии и обычаях» [15, с. 231]. Вот где было заложено зерно европеизма. И оно проросло в мощный многоцвет, где в перекрестном диалоге культур рождались счастливые проекты. К сожалению, в последние годы в Украине к власти пришли паны атаманы грицианы таврические из хоружевок, которые стали навязывать обществу образцы сельско-хуторянской самодеятельности в качестве стандартов самодостаточной украинской культуры. «Узкое украинство» – это тупик украинской культуры. «Узкое украинство» – это тупик украинской государственности.

Говорят, что культурная среда западного региона обладает определенным либеральным содержанием, что есть надежда на местную интеллигенцию. Позвольте еще раз выразить сомнение. Я читал, что глава УГКЦ кардинал Любомир Гузар – либеральный, разумный человек. Теснейшие связи высших иерархов этой церкви с фашистской Германией – это факт. Участие ее священников в

преступлениях УПА против мирного польского и еврейского населения – это факт. Гузар молчит.

По сравнению с масштабом личности митрополита Андрея Шептицкого Бандера с его психотипом бандита и революционера-фанатика – прост как хозяйственное мыло. Чтобы поднять «тему Шептицкого», надо быть мастером уровня Ф. М. Достоевского. Кажется, в этом человеке Бог и дьявол непосредственно вели спор друг с другом. И я не уверен, что Бог одержал победу.

Единственный из лидеров украинского националистического лагеря, с кем немцы обходились уважительно, был именно митрополит Шептицкий. Он находился в переписке с Гитлером и Гиммлером, подписывал разные приветственные обращения к германскому рейху от имени украинского народа, дал согласие на создание дивизии СС «Галичина», направил туда своих священников в качестве капелланов, провел соответствующую работу среди своей паствы.

Думаю, никто не может ответить на вопрос, кто перевешивал в Шептицком – политик или священник. Политикой он занимался, можно сказать, всегда. В 30-е годы он возглавлял клерикальную партию «Украинский католический союз», был президентом Украинского национального совета во Львове. Когда в 1944 году Красная Армия освободила Львов, он, будучи при смерти и полным паралитиком, тем не менее слал приветственные телеграммы Сталину. Думал о будущем своей церкви, думал, как сам будет выглядеть в глазах потомков, поэтому лично занимался своим архивом. Его архив не надо «чистить», как это было сделано с архивом СБУ-КГБ УССР, к которому по указанию Ющенко приставили «историка в штатском» В. Вятровича для уничтожения компромата против ОУН-УПА.

Сильная личность – ничего не скажешь! И тем не менее историю не обманешь. С 1967 года начали обсуждать «дело Шептицкого» в связи с обращения-

ми присвоить ему почетнейшее в Израиле звание «Праведник мира» за спасение евреев от нацистов (подсчитано, что он спас от верной смерти не менее 150 евреев). 13 раз (последний раз в 2007 г.) возвращались к этому вопросу, но так и не приняли решения. В 1981 году дело дошло до голосования. Отказали большинством в один голос. Цитирую: «Создание “Галичины” – глыба на пути к Праведничеству Шептицкого. Это не 1941 год, когда выступление Шептицкого можно объяснить наивным представлением о нацистах-“освободителях”. Уже позади: арест немцами первого украинского правительства, прихлопнувший мечту о независимой Украине; реки еврейской крови; такие толпы украинцев-охотников в палачи, что Шептицкий боится массового растления душ увлекающихся хлопцев» [16].

43 года тянется «дело Шептицкого», превратившееся в «проблему Шептицкого»! На членов комиссии организации «Яд ва-Шем» оказывалось и продолжает оказываться сильнейшее давление. Говорят, спасенный Шептицким главный раввин Львова плакал и умолял на коленях комиссию, членом которой он, кстати, сам был. Но безрезультатно. Все понимают: «праведничество» Шептицкого закроет собой его личные великие грехи и грехи его клира. Если я начну перечислять здесь имена священников-униатов, которые святили в церквах ножи, косы и топоры, которыми бандеровцы «мордовали» (то есть вырезали «морды») неудобное им население, то страницы не хватит, а я ведь далеко не все знаю.

Гузар молчит. И не просто молчит, а добивается у Папы Римского беатификации (причисления к лику блаженных) А. Шептицкого. Но Католическая церковь тоже не спешит, хотя уж перед ней заслуги Шептицкого неоспоримы. Видно, его связь с немецкими и украинскими фашистами создает проблему и для нее. Мне кажется, что за либерализм Гузара принимают его осторожность – политическое качество, необходимое в текущей обстановке, чтобы и далее проводить втихую политику вытеснения православия с территории Западной Украины, то есть в сущности продолжать дело Шептицкого.

Еще немного о «правде истории» и мифологии

Когда в 1939 году Восточная Галиция отошла к Советскому Союзу, то на волне советизации начались депортации поляков в Казахстан и Сибирь. Первые три волны депортаций украинцев почти не затронули, главные жертвы – поляки. Их дома, земля и имущество достались местным украинцам. Думаю, им это понравилось. Современные галицкие историки предпочитают об этом помалкивать. Далее, в начале Великой Отечественной войны в оставленный Красной Армией Львов врывается, чуть-чуть опережая немцев, украинский батальон «Нахтигаль» во главе с Героем Украины Б. Шухевичем и устраивает «Три дня Петлюры», уничтожая все тех же поляков, евреев и коммунистов, а также тех украинцев, чье имущество приглянулось «борцам за украинскую державу». Это преступление галицкие историки сваливают исключительно на немцев. Наконец, после окончания войны сталинский режим совместно с правительством вновь созданной Польской Народной Республики проводят операцию «Висла», массово переселяя оставшихся в живых поляков в Польшу, а с территории Польши, соответственно, украинцев в Украину. Так польско-еврейский по этническому составу город Львов стал «суто українським містом». Интересная история. А теперь вопрос: как вы думаете, с точки зрения польского национального сознания, чем отличаются сталинисты от бандеровцев? Наверное, тем же, чем красный черт отличается от красно-черного.

Можно рассказать и другую историю: о том, как старинный русский город Львов стал австрийским имперским городом Лемберг. И это тоже будет правдивая история об украинском городе Львів. Я хочу сказать, что националистическая методология, которой руководствуются галицкие историки, способна лишь исказить, мифологизировать историю таких европейских городов, как Львов. Есть другие, современные, а главное, неполитизированные методологии, которые позволяют подойти к описанию истории Львова с научной, а не с мифологической точки зрения.

Пьер Бейль заметил: «Нет большего мошенничества, чем то, которое можно совершить с помощью исторических памятников». Сегодня в любом западно-украинском городке можно пройтись по улице Михновского, свернуть на проспект Бандеры, а с него выйти на улицу Донцова и попасть на площадь Шептицкого. Во Львове открыли «Музей советской оккупации». Во Львове же недавно открылся музей еще одного «пламенного борца за Украину» бригаденфюрера СС Павла Шандрука, командовавшего печально известной дивизией «Галичина». В этом музее можно даже лицезреть восковую фигуру «легендарного героя» в парадной эсэсовской форме. В Ивано-Франковске открыли Центр патриотического воспитания молодежи имени С. Бандеры, чтобы «знакомить с правдивой историей национально-освободительного движения, поскольку на Востоке и Юге Украины ее не знают». Это отдельные примеры. Таких примеров сотни. По всей территории западного региона понаставили памятников «героям освободительного движения». Чтобы миф окончательно обрел вид истории, да не простой, а сакральной, в одну мудрую голову пришла недюжинная мысль присуждать государственные звания и награды людям, жившим задолго до возникновения самого государства, и ставить им памятники за то, чего они не совершали. С позиций такой логики оказывается вполне возможным наградить орденом Ярослава Мудрого самого Ярослава Мудрого и, конечно же, присвоить ему звание Герой Украины.

То, что галичане воспринимают сегодня как «правдивую историю» через призму монументальной пропаганды, для нас выглядит как мошенничество. Я говорю «выглядит» потому, что не считаю, что основная часть населения, за исключением «идеологов», склонна к сознательной фальсификации истории. Туннель реальности, который образовался в сознании населения данной территории, является результатом привитых под жестким излучением исторического негатива предубеждений. Это я и называю «исторической контузией». Они привыкли ощущать себя только «угнетенными», только «жертвами насилия».

Для них бандеровцы – «защитники». А больше их никто не защищал. Поэтому люди в упор не хотят признавать фактов, которые подрывают их моральный статус. Да, возможно, были «эксцессы», но и поляки из Армии Крайовой вели себя не лучше. Отличить «эксцессы» от практики государственного национализма, когда каждого человека хотели испытать на верность Украине, втянув в преступление геноцида, весьма затруднительно. Те же, кто имеют другой опыт или доподлинно знают об ужасах бандеровского террора, предпочитают отмалчиваться.

Канадский историк Виктор Полищук (род. в 1925 г.), собиравший факты о преступлениях ОУН-УПА по всему украинскому миру, не получил материалов именно из того региона, где эти преступления совершались. «У меня не было возможности получить сведения с Украины, в частности из Волыни и Галичины относительно замученных там бандеровцами украинцев, – когда я обращался на Украину, на мои письма не отвечали или отмалчивались относительно сути дела. Не могу понять – или там еще боятся бандеровцев, или уже снова их боятся», – писал он [17].

Думаю, одни еще боятся, а другие – уже. Они нам рассказывают, что мы плохо знаем *их* историю. А мы знаем ту сторону их истории, которую они знать не хотят и нам не позволяют, потому что это «неделикатно». Давайте будем взаимно деликатными и наложим мораторий на те исторические темы, в которых «правда истории» (где она – эта правда?!) не под силу общественному сознанию. Пока не под силу. «Правда истории» – это ведь не граната, чтобы целить ею в уязвимые для нашей неокрепшей государственности места.

Потребность в общеукраинской идеологии

Мы видели, что конфликт двух образов Второй мировой войны («Великая Отечественная» и «Чужая победа») приобрел характер холодной гражданской войны, победа в которой одной из сторон сопряжена с огромной вероятностью распада современного Украинского государства. Отсюда следует кардинальный

вывод: историческая политика, которая является важной частью идеологической политики, должна быть в корне изменена. И к этому сегодня есть все предпосылки.

Четкая система нравственных координат и жизненных ценностей не позволяет нам опуститься до оправдания (не говоря уже – героизации) бандеровщины. Но есть и понимание того, что целый регион Украины в результате исторической контузии оказался в плену бандеровской идеологии и героических мифов. Области Западной Украины были оторваны от Великой Украины и жили в составе других политических и национальных организмов с середины XIV века – почти шесть столетий, тридцать поколений! И всего лишь два последних поколения они присутствуют в нашей истории.

В 1868 году в Санкт-Петербурге были изданы путевые заметки В. И. Кельсиева «Галичина и Молдавия». О галицких крестьянах он оставил следующую запись: «Страшно глядеть, в самом деле, на положение этих несчастных хлопков. Положение нашего мужика было во многом отношении лучше и завиднее хлопского даже в разгар крепостного права: нашему мужику предстояла все-таки карьера сделаться хоть разносчиком, не говоря уж о том, что он мог достичь положения лабазника или мелочного лавочника. Наш мужик мог быть плотником, слесарем, сапожником и всегда сознавал, что мир для него не замкнут в тесные рамки земледельческой жизни. У червонорусского, как и у нашего, южнорусского или белорусского, хлопа ровно ничего нет в виду, кроме его клочка земли» [18]. Все народные силы были потрачены на сохранение национальной идентичности, изрядно полонизированного языка. За эти века унижений и подавления национальных проявлений накопилась такая энергия фрустрации, которая должна была вылиться в жесткую оборонительную реакцию, агрессивный национализм, в создание иллюзорных образов самооправда-

ния, мифов (миф об «украинском Пьемонте» и т. п.) и прочие компенсаторные вещи.

При том что народ в Западной Украине отличается мягкостью, приветливостью и незлобивостью, родовой чертой галицийского национализма в силу его компенсаторной природы является повышенная агрессивность. Известный общественный деятель Галиции И. И. Терех (1880 – 1942) в своей статье «Украинизация Галичины», написанной сразу после присоединения Галиции, Буковины и Закарпатья к СССР в 1939 году, отмечал: «Весь трагизм галицких “украинцев” состоит в том, что они хотят присоединить “Великую Украину”, 35 миллионов, к маленькой “Западной Украине” – 4 миллионам, то есть, выражаясь образно, хотят пришить кожух к гудзику, а не гудзик к кожуху» [19].

После распада Союза кто-то решил, что наконец-то настало «время гудзика». Однако события последнего времени показывают, что «политика гудзика» по-прежнему терпит провал, несмотря на то, что ее усиленно проводил «сверху» сам президент В. Ющенко. К чему сводилась суть всех предвыборных выступлений г-на Ющенко и его заявлений уже в качестве экс-президента Украины? К утверждению схемы: *единый язык – единый народ – единое государство*. По форме – это украинский национализм, а по сути – фашизм. Почему фашизм? А потому что реализация этой схемы предполагает этноцид – борьбу против всех, кто думает «не по-украински», ликвидацию национального разнообразия, в первую очередь конкурентной русскоязычной культуры. Кстати, для Украины это означало бы культурную деграцию. Впрочем, почему «бы». Мы уже и так многое потеряли: вместо Пушкина и Паустовского наши дети читают в учебниках (!!) порносказку украинского «писателя» «Красная шапочка». Проблема русского языка – это не проблема народа Украины, это – проблема украинского национализма, его неправды. Для националиста любой, говорящий на русском языке, – «москаль» с коннотациями «враг», «малоросс».

В разоблачительной книге о Р. Шухевиче «Судьба на крови. Свидетельства. Документы. Факты» Леонид Поддубный пишет: «Следует, прежде всего, учитывать, что основной костяк боевиков и партийных деятелей УВО-ОУН составляли подростки и юноши, еще не достигшие зрелого возраста. Воспитанные в духе нацистской идеологии, подстрекаемые функционерами спецслужб фашистских государств, эти юнцы решали вопросы жизни и смерти сотен и тысяч людей, в чем-то с ними не согласных или не угодивших нацистским бонзам» [10].

Точно такая же картина наблюдается и сегодня: основной контингент националистических группировок и организаций вроде «Братства» Корчинского и «Свободы» Тягнибока составляет незрелая молодежь, вчерашние школьники и студенты, обработанные в националистическом духе еще в школе и вовлеченные в романтику «героической борьбы за Украину». Очевидно, ставка сделана на молодых людей, не находящих себе подходящего места в жизни. В наших условиях таких хоть пруд пруди, особенно в Западной Украине, где уровень безработицы значительно выше и зарплаты ниже, чем в промышленных и урбанизированных регионах Украины. Пока отцы тяжело работают за границей, из их детей готовят боевиков, настоящих «бандер». Мне представляется, что истеричная кампания против Дм. Табачника поднята прежде всего потому, что националисты хотели бы при любых раскладах власти сохранить за собой монополию на систему образования и культуры, чтобы и дальше оболванивать молодежь с раннего школьного возраста мифами о героях-бандеровцах, прививать патриотизм в форме ксенофобии, в первую очередь – русофобии. Этот важнейший инструмент завоевания Украины у них вырвали из рук. Вот они и беснуются, прибегают к психическим атакам на власть.

Из всего вышесказанного вывод таков: за время независимости Украины в ее западном регионе созданы условия и среда для консервации интегрального национализма (бандеровщины) как доминирующего психологического типа сознания. На вопрос: «Если смоделировать ситуацию, при которой Украина при-

соединилась бы к союзу России с Беларусью, то как с позиции галичанина вы бы действовали?» 46 % львовян ответили: «Боролись бы за самостоятельное Галицкое государство». Такую информацию к размышлению опубликовала интернет-газета «Українська правда» 12 января с. г. [14]. А если вспомнить, как повели себя местные власти в поворотном 2004 году, то сомневаться не приходится в том, что они готовы к неконституционному поведению.

Как в этих условиях расколотого общественного сознания правильно поступать – вот главный вопрос, стоящий перед властью и обществом.

В чем позитив исторической политики В. Ющенко и его соратников? В том, что он доказал методом от обратного невозможность сплотить народ Украины на базе идеологии украинского национализма и его исторического проявления ОУН-УПА. Это – ложная идентичность, ибо за ней не стоит реальность всей Украины. Нет у галицийского национализма корней ни на Востоке, ни на Юге, да и в Центре Украины. Нет и не будет. Тем не менее мы живем в одном государстве. Поэтому нам жизненно необходимо найти взаимопонимание. И прежде всего надо наконец прекратить врать, что, мол, все простые украинцы одинаковы, а во всем виноваты политики, которые их искусственно «разводят»... Это неправда. Нужно открыто признать, что западные и восточные украинцы имеют разное прошлое, традиции, ориентируются на разные ценности и по-разному оценивают внешнюю и внутреннюю политику государства. Мы знаем, как голосует западный регион на общеукраинских выборах. Представляется, что будет лучше и для нынешней власти, и для тех, кто ее выбрал, и для тех, кто голосовал против, чтобы власть четко ориентировалась на реальную Украину, которая вышла из состава СССР, а не на тот мифический образ соборной Украины, который был выпестован националистическими идеологами в своем специфическом сознании.

Перед правящей ныне Партией регионов стоит задача сформулировать свою идеологическую линию. До сих пор эта линия четко не просматривалась. Регионалам нужно занять принципиальную позицию, как они и обещали избирателям. Эта позиция должна идеологически объединять всю Украину. И она есть. Это – достойный уровень жизни, права человека и демократическая, то есть выборная, контролируемая общественным мнением власть. Все это называется «европейские ценности» и имеет классическое описание в *либерализме* – осевой метаидеологии Европы.

«В наши дни, – пишет в книге «Идеология и политика» (2009) современный английский исследователь Джон Шварцмантель, – политика больше сосредоточена на идентичности, чем на идеологии, и нам еще нужно тщательно исследовать, к каким последствиям привел такой переход» [35]. Я полагаю, что он не прав: политику и идеологию противопоставлять в таком отношении нет смысла, поскольку политика идентичности является отражением *либеральной идеологии*, реагирующей на усиление многообразия и сложности современного общества, его мультикультурности и полиэтничности. Политическая активность, выраженная в требовании признания, уважения и защиты конкретной идентичности, полностью вписывается в либеральную идеологию прав и свобод человека, уважение его достоинства и социального статуса. Сам Д. Шварцмантель верно отмечает, что «политика идентичности непосредственно связана с идеей плюрализма, которая подразумевает видение общества как своего рода форума, в котором сосуществует целый ряд идентичностей и особое значение придается идее их непреодолимого разно- и многообразия» [36].

Идеология идентичности позволяет снять уровень конфликтности в условиях национального несогласия по вопросам истории, национальной и политической идентичности, поскольку все слои и группы получают свою нишу для самовыражения. При этом власти нужно проявить мудрость, гибкость и стремление к компромиссам в региональной и этнонациональной политике. Американский политический деятель, демократ Эдлай Стивенсон (1900 –1965) заявил: «Я

предложил бы моим друзьям республиканцам следующее: они перестанут рассказывать ложь о нас, а мы, демократы, перестанем рассказывать правду о них». Неплохой совет и для нашего случая. Так, собственно, и поступали советские власти, чтобы не травмировать дружбу народов «правдой истории».

Тимоти Лири, автор термина «нейрологическая политика», вывел две фундаментальные этические заповеди для нашего века массовой демократии:

1. Не изменяй сознание ближнего.
2. Не препятствуй ближнему, пожелавшему изменить собственное сознание.

Мне кажется, эти заповеди применимы и к нашему случаю. Не нужно повторять ошибку Ющенко, который административным насилием и ложью пытался создать единую Украину. Взламывать зашоренное сознание индивида, прошедшего импринтинг и символьную индоктринацию национализмом в нежном возрасте, бесполезно и даже вредно: он проявит агрессию или, в лучшем случае, «закроется». Здесь не вопрос знания, как некоторые считают, предлагая историкам поручить разобраться, где же правда. Здесь вопрос веры, а веру нельзя передать от одного человека другому как вещь. Человек посвящен в «рыцари абсурда», а вы хотите сдвинуть его сознание с помощью логики и исторического факта. Не выйдет! Ему не нужно «открывать глаза»; возможно, когда-нибудь они сами у него откроются. Его не нужно ни в чем разубеждать; возможно, у него когда-нибудь появится сильное желание изменить свое сознание. И давайте изучать чужой опыт. Взять Соединенные Штаты: Север и Юг после гражданской войны сумели наладить взаимоотношения. В Испании республиканцы и франкисты медленно и мучительно нашли пути к гражданскому примирению. Две Германии – Восточная и Западная – решают проблему взаимопонимания сегодня. Есть и другие примеры, аналогичные нашей ситуации. Освободиться от исторического прошлого нельзя, но исцелиться от него можно, ибо болезнь наша – навешанные прошлым враждебные образы в наших головах. Нельзя без конца культивировать в себе трагическое мировосприятие, нельзя загонять себя в жизненную ловушку, выставляя друг другу ультиматумы. Нужно творить ис-

торию сызнова, здесь и сейчас, надеясь на благоприятный ход течения дел и время, которое работает на будущее. Главное – спокойствие и выдержка.

ИСКУССТВО МИФА И МИФ ИСКУССТВА НА СЛУЖБЕ ПОЛИТИКИ (Цикл статей)

«Миф – вот куда ведет первоначально путь свободного от предрассудков исследователя. В мифе заключены не только идеи-истины, но и чаяния грядущего».

Я. Э. Голосовкер [1, с. 156-157].

Введение в проблему

Миф как феномен имеет богатейшую исследовательскую традицию. После Платона и Прокла, Ф. Бэкона и Дж. Вико, Ф. Шеллинга и Ф. Гегеля, М. Мюллера и Э. Тайлора, Дж. Фрезера и Б. Малиновского, К. Леви-Строса и Л. Леви-Брюля, З. Фрейда и К. Юнга, Э. Дюркгейма и Э. Кассирера, Р. Барта и М. Элиаде, наших А. Потебни и А. Лосева, М. Лифшица и О. Фрейденберг, после веков интенсивных исследований с разных сторон тем не менее М. И. Стеблин-Каменский (1903 – 1981), выдающийся специалист по древней скандинавской мифологии, позволил себе написать: «Несмотря на то что <...> существует обширнейшая литература о мифе, основное в нем остается загадочным» [2]. И он имел на это право. Все теории мифа, толкующие происхождение, смысл и функции мифологии, подвергались серьезной критике. И среди них нет ни од-

ной, которая разрешила бы все вопросы, возникшие у специалистов. Хотя столь существенными силами приблизились вплотную к этому феномену, но дойти до самой глубины сущности мифа никак не удастся. Наверное, это не случайно и вряд ли возможно.

Тем не менее в последние два десятилетия проблема мифологизации сознания находится под пристальным вниманием политологов, поскольку выяснилось, что мифологические конструкты очень активно используются в различных политических акциях, прежде всего в избирательных и пиар-технологиях. И не то чтобы исследователи раньше в упор не замечали того факта, что демократия как система власти народа всякий раз реально трансформируется в систему власти над народом и таким образом превращается в мифологему, которую любезно поддерживают демократические СМИ, но раньше (то есть в XX в.) были государства с тоталитарным режимом (мифологема), которые выгодно оттеняли демократии, где все же есть политическая конкуренция, легитимная оппозиция, узаконена свобода слова и право каждого гражданина влиять на власть путем участия в выборах своих политических представителей. Ныне, когда мы, как неофиты, подключились к «свободному миру» (мифологема), мифологический туман немного рассеялся и мы с изумлением обнаружили, что советская пропаганда не сильно искажала западную действительность.

Признаемся сразу – да это видно из заглавия: наш интерес к мифу мотивирован не желанием докопаться до истоков духовного мира наших далеких предков. Автором движет несколько иная цель: необходимость осмыслить роль, место и функции мифа в жизни современного общества. Ясно, что мифология заполняла все пространство духовности древнего человека и была значительной частью его разума, но что из себя представляет современный миф, как он связан с примитивной мифологией древних и каково его место в современной культуре, где, казалось бы, доминирует научный разум, – далеко неясно.

В предлагаемом цикле статей автор пытается в меру своего понимания ответить на эти вопросы. При этом важные мысли, идеи методологического харак-

тера он почерпнул в работах психолога К. Юнга, философа Э. Кассирера, философа и культуролога Я. Э. Голосовкера, филолога с философским уклоном О. М. Фрейденберг, поэта, эссеиста и философа П. Валери, философа-индолога А. М. Пятигорского.

Статья первая

НЕИЗБЫВНОСТЬ МИФОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

1. Миф – это светотень Разума

Сравнительно недавно считалось, что мифологическое сознание – это аппарат мышления древних людей. Детству человечества соответствовал и детский способ идеального освоения мира. По мере развития рационального мышления, логической сферы мифомышление ушло в «тень», кануло в подсознание, напоминая о себе разве что кошмарными снами и классическими текстами эпосов, сказаний и былин. В настоящее время эта точка зрения преодолена. Оказалось, что миф как особое видение реальности не ушел в прошлое, не остался в нашем детстве чудесной волшебной сказкой, а продолжает участвовать в строительстве мировоззрения современного взрослого человека, серьезно конкурируя в этой роли со своим рациональным оппонентом. Миф – это светотень Разума. Бывают периоды и даже эпохи, когда светотень значительно длиннее разума, и он боязливо жметя у ног своего господина его величества Мифа. Если представить себе, что миф и разум борются в нашем сознании, то положение выглядит еще более драматичным. В борьбе противники попеременно оказываются сверху, так что подчас разобраться кто есть кто бывает непросто. Так, эпохи, в которых господствовал оптимистический миф о всемогуществе разума, вошли в историю как «эпохи просвещения». Им на смену приходили времена с противоположной доминантой – разочарованием в науке и усилением религиозных настроений и оккультизма.

Следует все же признать, что мифологическое и рациональное мышление не являются абсолютными противоположностями. В рациональности есть свой мифологический аспект, а миф обладает своеобразным разумом, по выражению М. Лифшица, *логомифией*. В науке всегда есть место мифу, а, с другой стороны, в мифологическую конструкцию легко встраивается научная информация, придавая ей особенную в глазах нашего современника убедительность. Наука в целом как социальный институт стала мифом в тот момент, когда с ней стали связывать решение буквально всех проблем человечества. Во всяком случае, не отрицать миф как ложную форму сознания, преодоленную в пользу науки, но понять его как самозаконную, нормальную форму самовыражения духа – таков ныне взгляд на проблему познания природы мифа.

2. Миф – это первофакт нашей культуры

Миф первичен, он стоит ближе всего к генетике сознания. Мифология – это древний лес, который вырос в культурной пустоте. Из этого перволеся впоследствии были выстроены многоэтажные и причудливые здания религии, искусства, философии, науки с многочисленными комнатами и коридорами, в которых есть темные места, кладовки и сундуки, где складированы отходы мифологического строительного материала.

Там, где в природе располагается корневая система и первый этаж растительности (мхов, папоротников, дремучих трав, грибов и проч.), там же по аналогии в нашем сознании располагается мир древних мифов. Этот мир в принципе доступен для мыслящего духа, бодрствующего сознания.

Любая попытка свести корень древнего мифа к чему-то одному обречена на провал, поскольку миф являлся универсальной структурой первобытного сознания. Он выполнял и социальную функцию, и функцию познания, формирования целостного мировоззрения, и религиозную функцию веры, и культурную, и организаторскую, и даже медицинскую. В общем, он заполнял собой в сознании всю сферу духовного. Позже миф уступает религиозной, идеологической и

научной рефлексии, однако же играя в них роль почвы и структуры. Интуиция, озарение, просветление и другие формы «быстрого мышления» возможны благодаря богатейшим кладовым подсознания, где отложены эпохальными слоями, впрочем, в приличном беспорядке, результаты мыслительной работы наших предков, которые широко практиковали именно мифологическое мышление и понимание мира.

Миф есть феномен коллективного сознания, а вернее – *коллективного бессознательного*. Так считал Карл Густав Юнг (1875 – 1961). Он утверждал, что коллективное бессознательное является частью структуры души, которая содержит в себе все духовное наследие эволюции человечества, возрождаемое в структуре мозга каждого индивидуума [3]. Если это так, то это и есть тот психологический механизм, который делает человека причастным к своему роду-племени в масштабах всей его истории.

Мифомышление выработалось как первичный механизм духовно-практического освоения реальности в глубокой древности не случайно. Представляется, что в основе действия этого механизма лежит фундаментальный принцип оптимальности, экономии энергии. Миф рождается из экономии мышления. Главный миф эпохи Просвещения, что человек добр и прекрасен и обладает совершенно неограниченными возможностями развития, пришел на смену главному мифу Средневековья, что человек бесконечно слаб и греховен, ничтожен и без Бога обречен. Гордыня пришла на смену унижению. Диалектика истории. Два мощнейших мифа XX века – марксистский и фрейдистский – явились результатом попыток объяснить человека из одного основания. Это и есть применение принципа экономии мышления.

И, что особенно важно отметить, без этого первичного механизма освоения мира не работают и последующие уровни мыслительной активизации сознания. В подтверждение сошлюсь еще раз на такой авторитет, как К. Юнг: «Все самые яркие и мощные идеи восходят исторически к архетипам. Это особенно верно в отношении религиозных представлений, хотя центральные понятия науки, фи-

лософии и этики также не составляют исключения из этого правила» [3]. По Юнгу, архетип есть издревле заданная формула, изначальный образец, психологическая схема, которая актуализируется в живом воображении всякий раз, когда требуется усвоить полученную извне информацию. Здесь налицо работа воображения с подсознанием: *воображение* активизирует, вытаскивает из подсознания подходящий архетип, чтобы в дальнейшем создать на его основе нужный для поведения стереотип.

В познавательном порыве и зарождающемся искусстве мыслить первородным у человека, по мнению оригинального исследователя Якова Эммануиловича Голосовкера (1890 – 1967), было именно воображение. Эта идея подробно разработана ним в книге «Логика мифа». Он доказывал, что *воображение*, то есть превращение в образ, есть та мыслительная метаморфоза, которая творит миф. В этой связи Я. Э. Голосовкер писал: «Мышление образами как деятельность воображения есть одновременно мышление смыслами. В так называемом мифологическом мышлении это дано обнажённо: там образ есть смысл и значение. Там миф есть, так сказать, воплощенная «теория»: древние космогонии и теогонии суть такие теории – описание и генеалогическое объяснение мира» [1, с. 12].

Образ – это воплощенная идея или идеал. Например, *тысячеглазый Аргус* воплощает идею всевиденья, *птичье молоко* – образ диковинной редкости, а слово «*Уотергейт*» в политической культуре США и многих других стран является смыслообразом (термин Я. Э. Голосовкера) крупного политического скандала, грозящего «свалить» главу государства. У нас технология «Уотергейта» была использована против президента Л. Д. Кучмы и получила название, соответственно, *Кучмагейт*. Впрочем, «Уотергейт» означает также политическую технологию шпионажа за деятельностью избирательных штабов партий-конкурентов в период выборов.

Воображение плотно заселило наше сознание различными мифическими образами и картинками. И еще больше отложилось археологическими слоями в

подсознании как опыт мышления. Они и по сей день будоражат воображение поэта, посредством интуиции и догадки включаются в работу философской и научной мысли, формируют сферу этического в детском возрасте.

Упакованный в форму научной теории или философского текста миф – вот с чем нам чаще всего приходится иметь дело. Но особенно комфортно миф себя чувствует в религии и искусстве.

3. Мифы – электролит общественного сознания

Выше неоднократно употреблялся термин «мифологема». *Мифологема* – это мифологическая схема, обладающая универсальностью, концептуальными возможностями развития; символическая идея, позволяющая создавать все новые и новые образы реальности. Иначе говоря, мифологема обладает креативностью. Понятие было введено в научный оборот К. Юнгом и К. Кереньи в монографии «Введение в сущность мифологии» (1941). В искусстве идеологической мифологии верно найденная, точно угаданная мифологема становится основой мифотворчества, создания образа, обладающего одновременно новизной, оригинальностью и архетипической основой.

В мифологемах заключен набор исходных принципов и ценностей. Возьмем, например, мифологему «свобода как абсолютная ценность». В обыденном сознании эта мифологема покрывает собой демократию как форму власти, якобы основанную на свободе. Если бы либеральные теории о свободе, индивидуализме и правах человека, положенные в идеологическую основу западной цивилизации, не были мифами, то не возникло бы вообще такого явления, как «массовый человек», и, соответственно, массовой псевдокультуры. На самом деле «западный человек» до безобразия принижен государственной дисциплиной. Причем узда, сковывающая его свободу, делающая из него безвольного, но чрезвычайно гордого собой обывателя, сплетена из убеждений мифологического свойства, вроде того, что право дано человеку для того, чтобы добровольно ограничить свою свободу в пользу социального порядка (кантовское понятие

долга). Вся эта софистика давно разоблачена западными философами (К. Маркс, Ф. Ницше, Ортега-и-Гассет, Э. Фромм, французские постмодернисты и др.), но хотелось бы снова подчеркнуть, что порядок, именуемый демократией, держится на мифологии, пронизывающей всю систему социальной педагогики.

Попытки поставить себя вне социально-политической идентификации, мягко говоря, не приветствуются и, как правило, наказываются. Один из тех, кто посвятил свою жизнь разоблачению западной свободы как разновидности мягкой несвободы, Тимоти Лири, иронически писал: «Кто я? Это основной вопрос, на который самонадеянно, чванливо, настойчиво и самодовольно отвечают общественные институты. Всегда, заметьте, с выгодой для себя. Каждая религиозная иерархия точно укажет вам, кто вы: католик, протестант, иудей или атеист. А каждое государство точно обозначит вашу национальную принадлежность, будь вы американец, русский или турок. Ну-ка предъявите паспорт! А бесчисленные мелкие, цементирующие общество структуры четко и мгновенно укажут, кто вы по профессии, политическим пристрастиям, социальной принадлежности и пр.» [4, с. 38].

Наш язык буквально нашпигован мифологемами, так что мы по многу раз в день обращаемся к мифологическим образам, чтобы выразить свою вполне, казалось бы, рациональную мысль. По размышлении приходишь к выводу, что мифы электролитом заполняют наше сознание, в котором плавают, как острова, отдельные логические конструкции. Один из тех, кто серьезно задумывался о роли мифа в нашей жизни, французский поэт, эссеист и философ Поль Валери (1871 – 1945) писал: «Поистине мы заключаем в себе столько мифов и мифы эти настолько с нами срослись, что мы вряд ли смогли бы четко выделить в нашем сознании нечто вполне им чуждое. Нельзя даже говорить о них, не впадая в мифотворчество: разве не творю я в эту минуту миф о мифе, дабы удовлетворить прихоть некоего мифа?» [5].

Живя в бешеном темпе, мы склонны игнорировать консервативные основы нашей жизни, а им – сотни тысяч лет. В любом государственном празднике, се-

мейном торжестве и религиозном обряде, уже не говоря о народных традициях, под спудом содержится первобытный способ осмысления действительности. Непреодолимое прошлое в принципе непреодолимо.

4. Неодолимая сила мифа

Мифологическое мышление параллельно рациональному, но принципиально не сводимо к нему. Рациональное истолкование смысла мифа не может заменить собой его внутренней логики чудесного. Человек, находясь в плену мифа, не задает себе вопросов, требующих логических объяснений, например, каким образом рог изобилия не иссыкает или как действующий премьер-министр, став президентом, немедленно выведет страну из кризиса. Чудо не нуждается в объяснениях. Логика мифа требует, чтобы чудо состоялось, и оно обязательно состоится. Только нужно совершить магический обряд, ритуал, например вооружить своего «героя» полномочиями президента, как в древних мифах боги помогали своим избранникам, вооружая кого чудесным мечом, кого шапкой-невидимкой, кого сапогами-скороходами.

Мы можем сколько угодно критично анализировать программу, возможности и способности очередного кандидата на роль спасителя нации, но в душе обывателя («простого гражданина») всегда теплится вера в то, что невозможное станет возможным и препятствия каким-то образом будут устранены.

На стадион пришли болельщики. Они знают, что их команда значительно слабее своего соперника и объективно должна проиграть. Но они тем не менее пришли на стадион. Зачем? Лицезреть процедуру позора своих любимцев? Нет, они идут, чтобы стать свидетелями чуда. Они страстно его жаждут, так что энергия их желания передается игрокам.

Миф не устраним из нашей жизни. Научное знание не может занять место мифа, а может лишь «подвинуть» его; но и миф не способен покуситься на территорию, освоенную наукой. Прибегать к мифу в эпоху науки надо осторожно: легко можно впасть в архаизм. Это примерно то же самое, как если у вас болит

зуб, а вы вместо дантиста идете к знахарке, чтобы она его «заговорила». Но если человеку не может помочь медицина, основанная на современной науке, он решается обратиться за помощью к знахарю, шаману, колдуну, специалистам по нетрадиционной и народной медицине. Мы знаем немало случаев, когда лечение, основанное на магии (мифологическом ритуале), оказывалось более действенным, чем методы современной медицины.

Полагаю, мы недооцениваем знаний, развития рациональной сферы сознания у древних людей и переоцениваем человеческий прогресс. Я не могу себе представить древнего человека, лишённого способности к логическим операциям, если даже у собаки или обезьяны она проявляется достаточно очевидно («умные животные»). Б. Малиновский (1884 – 1942), изучавший туземцев Тробрианского архипелага (Меланезия), обратил внимание на то, что они обращаются к магии только в тех случаях, когда от их знаний и умений ничего не зависит [6, с. 32]. Природная ментальность людей с их страхами и надеждами осталась все та же. На первобытной стадии люди боялись колдунов; в условиях современной цивилизации мы испытываем не меньший страх перед вирусами. Там все верили в духов, здесь – в витамины. Раньше люди были одержимы бесами, теперь они в не меньшей степени одержимы идеями и т. д. Если миф утверждает, что твой народ произошел от Большого Медведя и, следовательно, сила и покровительство Духа Медведя распространяется на весь народ и каждого в отдельности, то вера в этот миф ничем не примитивнее веры в то, что твой народ произошел от древнейшей расы господ – арийцев. Поэтому он на «законных основаниях» наследует весь мир. Примеры можно множить.

Любая эпоха обладает мифогенным потенциалом. Та, которую мы называем «нашей», – не исключение. Когда возникают неразрешимые обычными средствами проблемы, возможность заглянуть в завтрашний день достигает тревожной степени неопределенности, социальная почва для мифологии оживает. Надежда – девушка слепая, но с крыльями. Надежда на сверхъестественное вмешательство, ожидание чуда и есть генетическая основа мифа. Мы живем в

смутное время – этим все сказано. «Мифы, – считал Валери, – души наших поступков и наших страстей». Именно на базе социальных страстей вырастает миф, используя последние как краски для создания художественной картины мира как представления.

Мы доподлинно знаем, что в XX веке ряд высших руководителей крупнейших государств при принятии ответственных решений регулярно пользовались услугами астрологов. Астрология, как известно, оккультная «наука», созданная халдейскими магами (вавилонскими жрецами), которые несколько тысяч лет вели непрерывные наблюдения за небом и первыми пришли к выводу, что планеты-божества своим положением и движением влияют на человека и определяют его будущее. Халдейские маги обслуживали политику царей, переводя на понятный язык те «сообщения», которые астральные боги-покровители «слали» своим царственным подопечным. Халдеи со своей небесной мифологией из второго тысячелетия до нашей эры влияют на нашу жизнь и судьбу! Разве это не доказательство тезиса о неистребимости мифомышления?

Статья вторая

ЧИСТАЯ МОДЕЛЬ МИФОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

1. Миф – это очень реально и очень серьезно

Есть опасность все что угодно назвать мифом. Любой вымысел, любой образ, любой предрассудок. Основная черта мифологического сознания – это отсутствие границы между образом и вещью, восприятием и воспринимаемой реальностью. Та часть сознания, которая покоряется мифу, в просторечии называется душой. Чтобы понять миф, его деконструировать, необходимы значительные интеллектуальные усилия. Чтобы оказаться в его власти, нужно лишь поверить. Миф – то, над чем не нужно думать. Миф воспринимается как подлинная реальность. Если момент такого отношения к реальности существует, то мы име-

ем дело с мифологическим мышлением, будь то в Древнем Египте, в Полинезии или в одесской квартире.

Очень много зависит от позиции воспринимающего. Когда я отношусь к мифу как к мифу, то он перестает быть мифом. Миф есть то, во что я абсолютно верю. Миф завладевает мной полностью, парализуя способность к рефлексии. Миф – это представление, которое складывается в моей душе, то есть в определенной части моего сознания, без участия анализирующей мысли. Когда я смотрю на вещь или явление мифологически, то она или оно *в моих глазах* трансформируется в нечто иное, в мифологический конструкт «вещь-как-миф» или «явление-как-миф». Если, например, миф утверждает, что Украина была колонией в составе России/СССР, то я не должен задаваться вопросами, почему в «колонии» была создана мощная промышленность, наука мирового класса, развитая система образования; почему так много выходцев из нее оказались у руля советской империи и, наконец, каким образом «колонии» удалось увеличить свою территорию внутри СССР в семь с половиной раз (!) по сравнению с Украиной, международно признанной по Брестскому миру (1918 г.)? Как только я начинаю мыслить, я обнаруживаю мифологизм ситуации и миф на моих глазах рассыпается в прах. Таким образом, жизнеспособность мифа напрямую зависит от нежелания или невозможности помыслить. Там, где разгораются страсти, напрягаются чувства и нет практики мыслительной работы, – там складывается идеальная почва для мифообразования. Например, на футбольном стадионе, митинге или в семейном скандале.

Еще раз хочу подчеркнуть, поскольку это важно, что миф, внутри которого ты сам обитаешь, тебе самому совершенно недоступен в плане понимания. Как сказал А. М. Пятигорский: «...перед мифом, внутри которого ты себя ощущаешь, ты ничто» [1]. Здесь можно провести любопытное сравнение Сократа и Достоевского. Первый об афинянах, второй о славянах говорили примерно одно и то же, что-то в этом роде: я знаю вас и вашу нормальную реакцию кусать руку дающего, принимать помощь и вместо благодарности клеветать на благо-

детеля. Я знаю и прощаю вам, потому что вы – не уникальны среди народов, вы – типичны. Правда вам нестерпима, поэтому нужен миф, приспособливающий правду к вашему унижительному положению и возвышающий вас в ваших собственных глазах. Я вас прощаю, но в вашем коллективном самообмане участвовать не желаю. Лучше – смерть, чем болезнь сознания.

Итак, исконный миф – это найденный неотрефлексированным сознанием образ, в котором «схвачена» и «упакована» реальность. Для мифа, если он еще не утратил своей подлинности, между образом и самой вещью существуют отношения реального тождества: образ не представляет вещь – он и есть эта вещь. В ритуальной пляске танцор не изображает бога, он сам на время исполнения танца становится богом и магическим образом управляет миром.

Миф – это очень серьезно. Природа мифа социальная. Он служит важнейшим средством идентификации. А. М. Пятигорский приводит логику рассуждения населения Ассама (штата в Индии): «Есть, конечно, индийцы и мусульмане, с которыми мы будем жить. Но, вообще говоря, поскольку они думают по-другому и не чтят, скажем, Великого Крокодила, тотемное животное, их придется из этого округа убрать» [1]. Это типично мифологическая конструкция: мы не приемлем каждого, кто игнорирует нашего Бога, наши святыни и наши священные страхи, в общем, наше все. «Мы с тобой одной крови» – эту священную формулу родового единства и должен подтвердить миф. Так что все дело в крокодиле и способе установления с ним контакта. Если вы не считаетесь с нашим священным крокодилом, значит, во-первых, вам плевать на нас. Мы вам этого не позволим. И, во-вторых, крокодил может рассердиться... опять-таки на нас, поскольку это именно мы находимся с ним в мистической связи. Мы вам этого не простим.

Язык мифа символичен. Символ условен, но он становится важнее факта, ибо он сразу и непосредственно выражает суть процесса, является его *смысло-образом* (термин Я. Э. Голосовкера). В мифе действие, поступок манифестирует собой сущность. Если, например, сообщается, что В. Ф. Янукович в ранней

молодости совершил правонарушение, за что сидел в тюрьме, то этот факт мифологизаторы использовали для создания образа «донецкого бандита». Мол, такова неизменная сущность личности Януковича от рождения. Это значит, что кем бы он ни был – губернатором, премьером, президентом, – все это его маски и роли, а по существу он есть бандит. «Бандит у власти» – образ, напрочь отбивающий у избирателя доверие к такой личности.

«...Если звезды зажигаются – значит, это кому-нибудь нужно» – эти слова из стихотворения В. Маяковского как нельзя лучше выражают типичную черту мифомышления: оно отрицает случайность; в мифе все связано со всем и во всем видится умысел, как правило, злой. Такова мифологическая подоплека всех конспирологических теорий. Вот свежий пример: летом этого года в России на длительное время установилась страшная жара. В этой связи в Интернете промелькнул слух, что это США испытывают на России свое метеорологическое оружие.

2. Операция мифологизации

Мифологизация – это древнейший способ связывать в мышлении вещи и события в единую картинку, давая ей сверхприродное объяснение. Древнейший – не значит потерявший значение и эффективность в наши дни. Специфика мифологического мышления состоит в мышлении образами, в синтезе, в схватывании целиком картины мира – в отличие от логического способа, который сводится к анализу, к работе разложения на структурные элементы и выявлению связей между ними. Восприятие мифа означает, что участник мифологического действия одновременно мыслящий и переживающий это состояние.

Миф есть реакция на что-то важное в объекте. Это важное и выдается за сущность всего объекта, причем неизменную и таковую, которая орудует как субъект. Мифологизация происходит в момент, когда созданный путем олицетворения образ, отвечающий какой-то внутренней правде, застывает в качестве неизменной сущности данного человека, явления или вещи, когда эта субъек-

тивная, частичная правда представляется Истиной. Миф – это застывшая лава, которая символизирует собой извержение вулкана. То есть когда вы смотрите на лаву глазами мифа, вы ясно видите картины извержения вулкана со страшными и величавыми подробностями. Вулкан, подобно человеку, обладает духом, волей, целью. То есть Он действует как субъект. Он представляет собой смертельную угрозу. Он страшно зол, возмущен какими-то действиями людей и грандиозно изливает на них свой гнев. Когда люди вступят с ним в диалог и через обряд жертвоприношения умилоустивят его, дух Вулкана успокоится. Это значит, что Он принял их извинения.

Нечто в мифе воспринимается как некто. Таким образом, в мифе реализуются субъект-субъектные отношения. Видимо, так древний человек строил свои отношения с Природой как с миром духов. Хотелось бы подчеркнуть, что миф не живет как что-то постороннее, отдельное от человека, как текст. Он оживает в момент рассказа, когда воспринимающие его *посвящены* и эмоционально готовы к воплощению остывшей лавы в действующий вулкан. Именно в период волнительного переживания сюжета между куском застывшей лавы и заинтересованными слушателями возникает мифологическая, магическая, трансцендентная связь, включающая метафорическое мышление. Если миф воспринимают непосвященные, такая связь не возникает и вулкан не преобразуется в мифический объект. Миф становится просто легендой о прошлом, свидетельством необузданной фантазии древних, то есть куском исторической лавы.

В чем состоит операция мифологизации, то есть создания мыслительной иллюзии, – поясним еще раз на примере классовой мифологемы. В научном дискурсе понятие «класс» означает большую общность людей, принадлежность к которой определяется объективно – местом в системе производства и распределения жизненных средств и собственности. В марксистском мифе класс наделялся моральными и политическими характеристиками и действовал в истории как субъект. Так, рабочий класс (пролетариат) – это класс-революционер, класс-гегемон, освободитель человечества от эксплуатации, двигатель истори-

ческого прогресса; напротив, буржуазия – класс-угнетатель, носитель психологии собственника, опора общественной реакции и т. п. Отношение к человеку исключительно сквозь призму классовой принадлежности и было проявлением мифологизма. В Октябрьскую революцию большевистская власть, действуя от имени мифического пролетариата, могла репрессировать всех недовольных ею, в том числе и конкретных рабочих, которые в этот момент оказывались не истинными рабочими, а носителями мелкобуржуазного, контрреволюционного сознания. Принадлежность к аристократии была достаточным основанием, чтобы отправить человека на гильотину в период Великой французской революции. Мифологизация (демонизация) политических противников всегда служила оправданием развязанного против них массового бесчеловечного террора.

Фактически в каждом повороте политики, в каждом ее смысловом пункте мы сталкиваемся с продуцированием мифологем. Всякая политика имеет своей предпосылкой признание правоты мифологемы, являющейся по отношению к ней символом веры. Например, понятие суверенитета бессмысленно в применении ко многим государствам мира и носит очевидный характер мифологемы. Вера в эту мифологему поддерживает важнейший принцип международного права. В реальной политике сложилось отношение к этому принципу как к ритуальной норме международной политической морали, которую при необходимости можно проигнорировать.

Вот еще один пример операции мифологизации путем либеральной мифологемы индивидуализма. Индивид – человеческая единица, объект статистики, социологии и маркетинга. Теперь мы подключаем эту единицу к либеральной доктрине и в волшебном свете либеральной мифологемы эта невзрачная человеческая единица преобразуется в *индивидуальность* – автономную самодостаточную творческую единицу, личность, которая свободно и рационально выстраивает свой собственный мир. Если верить либеральным теоретикам, из таких единиц состоит народ (общество). Но мы-то знаем, что он (оно) состоит из единиц, но не автономных, не самодостаточных и не творческих. Нет, конечно,

какое-то количество индивидов в либеральном смысле слова в народе имеется, но они погоды не делают. Если из либеральной доктрины вынуть ее главную мифологему, играющую роль сердечника, то что останется от этого некогда грандиозного идеологического сооружения?

Социум не состоит из абсолютно уникальных субъектов хотя бы потому, что он (социум) просто не вынес бы их свободы. Социум состоит из более или менее социально дисциплинированных, «нормальных» индивидов, «правильно» пользующихся предоставленной им свободой. В социуме свобода подчинена порядку как условию существования. Слишком многое – и социальное воспитание, начиная с родительского дома, и стандартизирующее действие цивилизации, и принудительная власть государства – давит на свободу индивида, вписывая его в достаточно жесткую структура поведения.

И, кроме того, вместе с эволюцией современного западного мира наблюдается вырождение даже самого понимания некогда революционного принципа индивидуализма. Так, канадский ученый и писатель Джон Ролстон Сол в своей знаменитой книге «Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе» (1992) заявил: «...мы не до конца уяснили: то, что мы теперь считаем индивидуализмом, является всего лишь выражением эгоистичного потворства своим желаниям». И еще: «Изоощренная форма отмены индивидуализма – это когда гражданин отправляется покупать BMW, в то время как кто-то другой осуществляет вместо него или нее право на принятие решений» [2, с. 678, 680]. Последний гвоздь в гроб хваленому западному индивидуализму вбивает А. А. Зиновьев в своей футурологической повести «Глобальный человек» (1996): «Конечным результатом эволюции Я-цивилизации явился мир безликих величин. <...> Отдельный человек с его индивидуальной судьбой исчезает в этих величинах как безликая единичка не просто в нашем субъективном восприятии и описании реальности, а фактически, в самой объективной реальности. Тут не индивидуальные личности складываются в большие величины – в тысячи, миллионы и мил-

лиарды, а безликие величины распадаются на столь же безликие единички» [3, с. 43, 46].

Вместе с тем подчеркнем, что либеральная мифологема индивидуализма – не ложь. Каждый человек в течение жизни оказывался в положении, когда он реализовывал свою свободу, но не как право, а как обязанность принять решение и нести за него ответственность. Вот эти достаточно редкие моменты и вытаскивает на свет общественного сознания либеральная мифологема об индивиде. Она их возводит в абсолют, в сущность человеческой природы. Это, конечно, так. Да только человек дотягивается до своей сущности редко. Духовные, интеллектуальные проявления, самостоятельность мышления и сила воли достаточно редки. И это тоже правда. Свобода, о которой так много и, как правило, бездумно говорят либералы, – это никем не данное, ни с кем не согласованное, но своевольно присвоенное право на поступок. Поступок – это реализованная свобода воли. Свободой можно пользоваться только с риском для себя. Степень риска заранее, вне опыта, неизвестна. Это надо испытать. Такова реальность. Но дело в том, что правда либерала как миф о неограниченной свободе творчества вполне может сосуществовать с порядком и быть полезной тому же порядку, примиряя личность с ним, создавая иллюзию свободного порядка и поощряя поиски новых горизонтов свободы, которые ведут с риском для своих жизней и судеб выдающиеся представители человеческого рода.

Если человека представляют как либерала, то это значит, что его представляют как тип *человека политического*, то есть человека частичного, мифологически представленного. То же самое можно сказать о «Консерваторе», «Социалисте», «Фашисте», «Украинском Националисте» и др. Их правда может быть убедительной только для людей, которые уже находятся во власти соответствующих мифов.

3. Современный миф против архаического мифа

А. М. Пятигорский отметил: «Есть две совершенно разные вещи: сознательное следование мифическим конструкциям и несознательное. Когда человек сознательно реализует себя мифическим образом, то он занимается, по существу, идеологией» [1]. Для нас это важное замечание, поскольку идеология как более емкое понятие включает в себя мифологические конструкции и впечатлительные образы. Причем в современном политическом дискурсе их роль неизмеримо возросла. В идеологии задействован целый ряд мифологем, которые играют роль узлов и связок между отдельными идеологическими темами.

Получается, что современный политический миф – это миф второго рода, поскольку он сконструирован рационально и играет служебную роль в идеологии. Он творится сознательно и существует параллельно с анекдотом. Не таков архаичный миф – продукт прихотливой фантазии человеческой природы, неконтролируемое творение неотрефлексированной, чистой социальности. Попытка его рационально отрефлексировать может реализоваться только через понимание функциональной необходимости мифа. Сама фантазия, мифическая греза логике не поддается. Просто потому, что в мифе ее нет.

Многие исследователи указывали на принципиальное отличие архаического мифа от современного по силе переживания и глубине воздействия. В этой связи немецкий философ К. Хюбнер называл современные политические мифы «псевдомифами», а М. Лифшиц писал о «бессильном мифотворчестве наших дней», о «посмертной истории мифа» [4, с. 364].

Неужели современный миф всего лишь бледная тень архаического, бездарная искусственная подделка, а настоящий миф умер? Решительно с этим не согласен. Природа человека с ее инстинктами смерти и бессмертия осталась неизменной. Психический механизм коллективного бессознательного с его архетипами работает исправно. Условия существования жизни на нашей планете скорее дают основания для тревоги и щемящего чувства неопределенности, чем оптимизма и уверенности в будущем. Что выражается в апокалиптическом мышлении и в панических настроениях, которые время от времени океанически-

ми волнами распространяются в людском пространстве. Таким образом, внутренние и внешние условия мифообразования сохраняются. Так почему же мы должны думать, что миф удален из нашей жизни на задний план? Ответ: потому что этот миф о мифе, во-первых, выражает самодовольство наиболее «развитой» западной цивилизации и, во-вторых, выгоден Власти.

Сила воздействия современного идеологического мифа, если он точно «падает» в эпоху, архетипически поддерживается из ментальной основы народа, может быть поистине грандиозной. И потом в мифе, помимо воли ее современного творца, проступает затерянный мир, потому что конструкция мифа открыта и использована многократно еще древними мифотворцами. Следовательно, миф глубже и сложнее, чем та его конкретная форма, которая призвана к жизни для работы в данных условиях. В романе Максима Кантора «Учебник рисования» есть рассуждения в пользу моего тезиса. Привожу это место полностью:

«Энергии Ленина, то есть той наступательной силы, которой он наделил российский пустырь и его обитателей, хватило на пять поколений правителей. В самом деле, этот щедушный лысый человечек передал преемникам в наследство такую неуголимую страсть и столь выстраданную логику управления, что при всех своих зверствах, тупости, лени и долдонстве они – то есть соответственно Сталин, Хрущев, Брежнев, Андропов – излучали словно бы отраженный свет ленинской страсти и воли. Стоило бессмысленному сибариту Брежневу выползти на трибуну и произнести не вполне для него внятный набор слов: интернационал, коммунизм, справедливость, братская помощь, как эти слова – помимо воли говорящего – наполнялись смыслом. Жалкий и тупой, увешанный орденами полупарализованный старик шамкал с трибуны слова, от которых некогда содрогались толпы, которые швыряли голодных солдат в прорыв Перекопа, которые заставляли конницу стелиться в галоп; старик бессмысленно воспроизводил звуки привычных слов, и эти слова, отделяясь от деревенеющих губ, наливались былой силой и грозно отдавались в зале. И казалось, что в умирающей, едва тлеющей Советской России еще спрятана грозная воля. Словно бы некогда отданная в мир энергия и страсть еще продолжали некоторое время жить сами по себе – и вспыхивали, едва их вызывали к жизни. Так, если верить преданиям Востока, являлись джинны тому, кто потрет старую лампу, так являлись духи, если произнести верное заклинание.

Картавый коротышка, лысый суетливый человек с дикой смесью калмыцкой и немецкой крови – тот, кого Маяковский назвал карателем и мстителем, а Пастернак сравнил с выпадом на рапире, – оставил этой земле и ее безумным хозяевам довольно смысла, ненависти и целей, чтобы хватило почти на восемьдесят лет. Как долго он был у власти? Год? Два? Мировая война закончилась в восемнадцатом году, интервенция и гражданская не давали ему власти до двадцать первого, в него стреляли, он так и не оправился от раны; в двадцать четвертом умер. Впрочем, много времени ему и не требовалось. Мужеубийца Сталин и отупевший от обжорства Брежнев оставались прислужниками волшебной лампы, некогда принесенной им в мир. То есть сами они, конечно же, думали, что давно обогнали в свершениях картавого коротышку, – так думал и Сталин, при жизни лишивший его власти, так думал и Брежнев, полагавший себя практическим строителем социализма. Но чего стоили бы их имперская воля и вальяжные партийные отчеты, если бы в жирном теле империи, под орденами и регалиями, не колотилось исступленное калмыцкое сердце. И сердце это пугало: в ударах его – пусть слышались они глуше и глуше – звучала неутоленная страсть, пепеляющая ненависть, решимость доделать все до конца. И стоило слугам лампы – так, между прочим, в перерыве между партийными банкетами и пьянками или перед подписанием расстрельного списка – потереть лампу, произнести дежурный набор ленинских слов, как грозный джинн революции показывал свое лицо миру. И его продолжали бояться, он все еще наводил страх на зубного врача из Ниццы, на адвоката из Люксембурга, на маклера из Детройта. Им, бедолагам из свободного мира, еще мнилось, что джинн дотянется до их домика, увитого розами, до их двора с фонтаном – и все порушит. И похожий на снулую рыбу Андропов, и бессмысленный хряк Хрущев, и вовсе уже комедийный Черненко – наводили страх: под их смехотворной оболочкой клокотало ленинское бешенство. Они не воплощали ленинскую энергию, нет, их дряблая плоть не способна была вместить ленинское бешенство – но они, подобно медиумам, обладали способностью вызывать дух, тот дух революции, который так и не обрел покоя. Рабы лампы, они знали: как бы ничтожна ни была их собственная биография, стоит им потереть лампу – и мир содрогнется, как встарь. Но всякая лампа рано или поздно портится, а заклинание устаревает, и энергия, жившая сама по себе, без воплощения, развеялась по ветру. Так перевелись джинны и духи, и так энергия, посланная Лениным в мир, ушла из советских вождей. Сердце Великого инквизитора, как называли его перепуганные интеллигенты, или сердце Великого учителя, как называли его твердолобые партийцы, более не колотилось в толстой груди России» [5, с. 115-116].

Волшебная лампа великого мифа ныне сокрыта. Могучий джинн ждет своего нового повелителя. Но мир не остался без магии и ритуальных вещей. В нем по-прежнему витает мифологический дух и налажено массовое производство образов, которые обслуживают насущные политические задачи. О манипуляции, технологии политического мифотворчества и его воплощении в украинской политике – в следующей статье цикла.

Статья третья

МИФОТВОРЧЕСТВО В ПОЛИТИКЕ

1. Миф как средство манипуляции

Нами манипулируют. Это уже не надо доказывать. Читаешь статью в журнале о целебных свойствах пива и смекаешь, что статья проплачена производителями пива; смотришь телепередачу, где маститый ученый доказывает, что без ГМО мы бы totally голодали, и догадываешься, что маститый ученый делает это не из любви к науке. В конечном итоге дело дошло до того, что при чтении какого-нибудь материала невольно думаешь, кто *лично* заинтересован в том, чтобы я думал так, как он этого хочет. Парадоксально, но в информационную эпоху объективной, беспристрастной информации днем с огнем не сыщешь. Круглые сутки наши мозги фаршируют, как рождественского гуся, мифической начинкой. В результате люди превращаются в зомби, которые сегодня готовы проклинать то, что еще вчера превозносили. Такие информационные мифы долго не живут, но от них этого и не требуется. Главное, сознание зомбированного человека не способно рефлексировать, то есть критически отнестись к информации, проанализировать ее. Просто одна информация выбрасывается в «корзину», а другая становится на ее место и функционирует в качестве смыслового центра некоторое время.

В одной стране, например в Сомали, миллион человек умирает от голода и вызванной им эпидемии. Мир спокоен. В другой стране во время несанкциони-

рованной демонстрации арестовали и посадили за решетку десять диссидентов. Дана команда СМИ на разработку информационного повода. И вот уже весь мир взбудоражен и возмущен «грубым попранием прав человека» в этой стране. А как же быть с правом на жизнь для миллиона?

Вот типичная ситуация, когда скромное событие гиперболизируется, превращается в кричащий факт, тогда как по-настоящему кричащий факт остается практически не замеченным так называемой «мировой общественностью». Кстати, «мировая общественность» – это еще один миф. Вспомним, как в недалекое время от имени «мировой прогрессивной общественности» осуждался агрессивный западный империализм. В то же самое время от имени той же «мировой прогрессивной общественности» осуждался агрессивный советский империализм.

Механизм мифообразования гениально прост и одновременно эффективен. В сказке «Волшебник Изумрудного города» все жители города были обязаны носить зеленые очки. Поэтому город, отдельные детали которого действительно были отделаны изумрудом, *весь выглядел* изумрудным. Почему жители не разоблачили «обман»? Ведь так просто: снял очки и обнаружил правду. Но этого не происходило, потому что жители находились внутри *мифа*, они *верили*, что их город изумрудный, гордились им и не придавали значения той *информации*, которая противоречила их вере. Итак, исходный момент манипуляции – это вера масс, которая должна время от времени чем-то подкрепляться, оживляться, стимулироваться.

2. Мифотворчество – это прежде всего творчество

Если миф *работает*, то есть позволяет достигать общественно значимых целей, в частности решать вопрос о власти, то почему мы должны пренебрегать этим *культурным* механизмом? Такой вопрос задали себе те, кто отвечает за политику в широком смысле этого слова. И не нашли повода ответить на него отрицательно. В средние века главной формой общественного сознания была

религия, а главным фактом религии – миф. Но религия в силу ее догматичности не дает простора для мифологического креатива. Другое дело – политика. Это и отметил Я. Э. Голосовкер: «Воображение как источник заблуждения огрублялось через культ и окостеневало через догматику, пока не перешло из религии в политику и не взяло в свои руки не рычаг совести, а рычаг силы, опирающийся на ratio науки. Здесь воображение перестало быть воображением-духом, но его дочь-фантазия нашла в политике новое поле деятельности, прежде небывалое» [1, с. 154].

В век масс и информации миф предстал бесподобным средством управления общественным сознанием. Э. Кассирер писал: «Наши современные политики прекрасно знают, что большими массами людей гораздо легче управлять силой воображения, нежели грубой физической силой. И они мастерски используют это знание» [2, с. 65]. Чем старше и почтеннее демократия, тем сложнее, многоэтажнее там организовано манипулирование общественным сознанием, но, по сути, везде одно и то же: полуправда выдается за информацию, информация – за убеждения, убеждения – за факты, а факты убеждают, что ложь – во спасение.

Миф изначально был инструментом коллективного сознания. От эпохи к эпохе мифологическая техника видоизменялась, совершенствовалась, усложнялась и благополучно дожила до наших дней. Искусству предшествует ремесло. Мифологизаторы создают миф по политическому заказу. Они сознательно разрабатывают смыслообразы в рамках конкретной политической культуры, играя на массовых страхах и желаниях. Творя из ядра достаточно примитивной мифологемы полноценный миф, креативщики работают с ментальностью массового человека. Взгляд из подсознания в сознание, работа на их границе. В сознании потребителя образуется прочная символическая связь мифа с объектом мифологизации (стереотип). Традиционное блюдо подается в оболочке современных стилей, с использованием последних достижений в области информационных технологий.

Сила мифа в его функциональной незаменимости распознавать и кодировать действительность посредством символического образа. Правильно найденный образ активизирует в коллективном сознании и подсознании ментальные структуры, которые неотразимо воздействуют на людей, подчиняя их волю конструкторам мифореальности. Поэтому задача исследования мифа заключается не только в его рациональной деконструкции, проще говоря, в научной критике мифа, но в показе его магической силы, действенности его силового поля.

Здесь дело не только в умысле. Умысел ложится на психологические механизмы восприятия, на выработанные стереотипы сознания, которые поддерживаются архетипами бессознательного. Так что древний человек и по сей день принимает посильное участие в решениях наших современников, подавая импульсы из трансцендентной глубины вечно живущей коллективной души.

Еще Э. Кассирер отмечал, что в новых политических мифах нет ни одной новой черты. В статье «Раешный коммунизм: поэтика утопического натурализма и сталинская колхозная поэма» (2009) Е. А. Добренко рассмотрел колхозную поэму как жанр «социалистического реализма». Он убедительно показывает, что в действительности этот жанр был замешан на эстетике народного лубка, рожденной мифологическим творчеством дореволюционных славянофилов. Их псевдонародные, сусальные образы «крестьян» и «крестьянок» были бесконечно далеки от жизни. Но это не был обман в прямом смысле. Это было кукольное искусство своего времени [3]. Творение мифов – это и есть, по сути, изображение жизни посредством безжизненных кукол, оживших по воле мифотворца-режиссера. Важно подчеркнуть, что в мифе действительность подвергается функциональной корректировке по законам эстетики жанра. Мифотворчество – это прежде всего творчество!

Дух мифотворчества как нельзя лучше выражает царящий в политике дух. Миф творится в ритуале, ритуал имеет мифологический смысл вхождения в диалог с самим Бытием, с богами-функциями этого Бытия. Ритуал – это оживление мифа, высвобождение заключенной в нем магической силы. Ритуал есть

обращение к Богу, которое Он не может проигнорировать. Таким образом, люди включаются в управление Природой по ее собственным законам. Магия, являющаяся средоточием ритуального исполнения мифа, имеет смысл трансцендентной власти над Миром. Эта воля к власти фактически трансформировалась из первичной воли к Жизни, которая и породила древнее мифотворчества, стала его смыслом. Собственно, эту тенденцию тонко уловил и прекрасно выразил в своем творчестве Ф. Ницше. Его миф о сверхчеловеке стал апофеозом политического мифотворчества в конце XIX – начале XX века. В политике воля к власти есть фактически воля к жизни. И здесь тоже приход к власти осуществляется через ритуальные действия. Участие в государственных ритуалах создает вокруг человека магическую ауру богоизбранности.

3. Воплощение мифологических образов в украинской политике

Сегодняшняя Украина – это страна победившей мифологии. Мифомышление потеснило здесь все другие формы общественного самосознания и, в первую очередь, научно-критическую мысль. Причина подобного явления – в гремучей комбинации и хитросплетениях существования в независимом режиме. Действительно, у нас образовали неразрывное противоречивое единство – демократия и демагогия, частная собственность и преступление, свобода и варваризация общественных отношений, проповедь европейских либеральных ценностей и дремучий национализм, массовая бедность и массовая коррупция чиновничества, сотни политических партий, пекущихся о правах человека, и фактическое бесправие этого самого человека. Рационального ответа на вопрос, что произошло со страной, которая имела лучшие шансы на развитие из всех советских республик после развала Советской империи, никто дать не в силах. Зато теорий мифологического свойства – хоть отбавляй. Это и понятно: превращенные формы общественных отношений отлились в такие же превращенные формы их выражения – в мифы.

Можно сказать и по-марксистски жестко. Идеологическая обработка украинского населения путем фальсификации истории советской эпохи осуществляется в интересах ныне правящего класса, построившего свое благополучие на присвоении собственности, созданной потом и кровью народной именно в советскую эпоху. Чем меньше реальных достижений, тем больше их подменяют мифы – о свободе, демократии и рыночной справедливости. Если есть нужда в оправдании, значит, люди власти не чувствуют себя морально и политически комфортно. Впрочем, они нигде не чувствуют себя вполне уверенно.

Пребывание в мифе – так следует охарактеризовать жизнь в нашей стране. Тема большая, в рамки статьи не вмещающаяся. Поэтому ограничусь лишь отдельными мазками.

Что значит пребывать в мифе? Любопытный материал для ответа на заданный вопрос представляет сверхпопулярный в последние годы персонаж украинского политикума – бывший президент Украины В. А. Ющенко. Дм. Выдрин, наблюдавший В. А. Ющенко вблизи, характеризует его политический стиль следующим образом: «...глава державы видит себя и предстает в виде некоего главного жреца или миссионера, духовного и даже теософского патриарха. Только он способен проникать в скрытую суть вещей, только он знает истинную цель и путь движения нации, а потому имеет моральное право, когда необходимо, не учитывать мнение политических оппонентов и даже поступать вопреки желанию и воле неразумного народного большинства» [4].

Эта цитата – ключ. Сегодня нередко можно услышать: мол, простой бухгалтер забрался в президентское кресло – «не по Сеньке шапка». Это совершенно ошибочное утверждение. С простым бухгалтером не могла произойти чудесная метаморфоза: бухгалтер превратился в президента. Да нет, он с самого начала был президентом в личине бухгалтера, только мы до поры до времени этого не знали. Так гусеница превращается в бабочку, гадкий утенок – в прекрасного лебедя. Это чудо преображения имеет чисто мифологическую природу и закономерно с точки зрения мифологического сознания. Если с В. А. Ющенко мета-

морфоза случилась и он оказался на вершине власти, значит, он – не «простой бухгалтер», не банальный карьерный политик, а избранный самим Богом человек! Это чувство сродни религиозно-монархическому – «Бог ведет!»

Ритуально это было обставлено следующим образом. Президент представлял перед публикой, возвышаясь на специально сооруженном постаменте, сидя в кресле (демократическом троне) с государственным флагом позади. Он вещал. Если это была пресс-конференция и кто-то из журналистов позволял себе встревать в его речь, он возмущенно одергивал зарвавшегося наглеца: «Вы же говорите с Президентом!» Со стороны это выглядело комично, как дешевый театральный фарс, но окружающие играли в этом ритуале отведенную им роль. Они *внимали*.

Пребывая в мессианском духе, В. А. Ющенко вторично выдвинулся как кандидат в президенты уже не от партии или блока, а как самовыдвиженец. Мифологическое действие самовыдвижения противостоит формально-юридической процедуре выдвижения в президенты, потому что оно основано на магической воле «народа», напутствующего своего сына-отца. Попав в струю мифомышления, Виктор Андреевич поверил в свою необычную судьбу. И вся суэта с выборами, юридическими формальностями принятия и реализации решений, тактикой лавирования между политическими силами и прочим «вздором» немедленно отступила перед фактом богоизбранности. Он – на пьедестале, он приподнят над людьми. Да что там! Он послан украинцам Самим Богом.

Яркое проявление мифологического сознания бывшего президента также нашло свое выражение в проводимой им *политике памяти* (см. приложение 2). Он задумал ни много ни мало – сотворить новую Украину. Каким образом? Посредством мифологизации истории Украины, превращения известных исторических персонажей в «героев нации», переименования улиц, строительства мемориалов, открытия музеев и проч. Он задумал переформатировать сознание постсоветского украинца так, чтобы тот почувствовал себя вновь родившимся

для новой национальной жизни. При этом, что особенно характерно для мифологического сознания, несоответствие реальности не смущало новоявленного «отца нации». Поместить население Украины («мою нацию», по терминологии Ющенко) внутрь мифа – такое могло прийти только в голову, наполненную магическим сознанием.

Классическое описание мифогенного состояния мы находим в знаменитой притче древнего даоса Чжуан-цзы: «Однажды Чжуану Чжоу приснилось, что он – бабочка, весело порхающая бабочка. Он наслаждался от души и не сознавал, что он – Чжоу. Но вдруг проснулся, удивился, что он – Чжоу. И не мог понять: снилось ли Чжоу, что он бабочка, или бабочке снится, что она – Чжоу. Это и называется превращением вещей, тогда как между мною, Чжоу и бабочкой непременно существует различие» [5, с. 31-32]. В. А. Ющенко как человек потерялся в образе Президента. Накануне первого тура последних президентских выборов, когда всем уже стало ясно, что он безнадежно проиграл, тем не менее его представитель В. Ульянченко во всеуслышание заявила: «Виктор Андреевич был и останется Президентом Украины!» Так миф играет с человеком.

Пишут, что В. А. Ющенко – романтик в политике. Само по себе определение «романтик» звучит оскорбительно для политика, вроде как «несерьезный человек». Но дело в том, что Ющенко – не романтик, он – Чжоу, возомнивший себя бабочкой, которой снится, что она Чжоу. Он перманентно находится во власти мифа, что продуктивно для художника, но недопустимо для лидера государства и опасно для страны вследствие неадекватности ее официального главы. Впрочем, полагаю, он выходил из своего образа, когда получал инструкции от посла США. Роль ставленника, креатуры плохо согласуется с богоизбранностью. Его избрали, но не на небе. Хотя и в этом случае душа сельского паренька мнила, что без Бога здесь не обошлось.

«Человек – это миф», – сказал однажды Платон. Но если мы скажем, что «миф – это человек», то тоже не ошибемся. А каждый человек имеет ИМЯ. Миф – это язык собственных имен. Имя и сущность в мифологическом дискур-

се совпадают. Сказать, что Ю. В. Тимошенко – это украинская Жанна д'Арк, – значит ввести нас в определенный мифологический контекст (см. приложение 1). Авторы этой метафоры хотели бы, чтобы в сознании людей возник образ национальной спасительницы, героини, направляемой Богом, ведущей свой народ, подобно Моисею, через «пустыню» по «подсказкам» Всевышнего. В трактовке этого мифа можно пойти и дальше. Например, приписать Юлии Владимировне «невменяемость», поскольку она действует полусознательно, будучи убежденной, что «Бог ведет». Ее воля, мужество, храбрость, напор и неуязвимость (до поры до времени) объясняются тем же иррациональным фактором заразительной веры в «богоизбранность».

В основе ее поведения лежит чистота помыслов, отсутствие всякой хитрости и корысти. А если это не так? Если мы день за днем начнем приводить факт за фактом, один убедительнее другого, что нет там и в помине религиозного трепета и героического самопожертвования, а есть неутоленная потребность власти, корысть, цинизм, политический расчет и женское желание царить, то в результате не сама Юлия Владимировна, а ее мифологический образ сгорит на «костре» народного возмущения, что равносильно политической гибели «газовой принцессы». Кстати, «газовая принцесса» – это образ, созданный противниками Ю. В., в основе которого лежит смысл коррупции в особо крупных размерах.

Сама Юлия Владимировна прекрасно осведомлена о роли и силе образа в современной политике (см. приложение 3). Ее манера выступать по телевидению – это образец техники внушения. Она не говорит, а шаманит. Ее внешний вид, тембр голоса, интонация, взгляд – все вместе подчинено одной цели: заворочить телевизионного человека. Это – работа удава с кроликом.

Мы остановились только на двух персонажах первого ряда украинского политикума. Театрализация политики в условиях современной публичности заставила украинских политиков обратиться к услугам людей искусства, у которых с интуитивным духом самовыражения дела обстоят получше. Таким обра-

зом искусство мифа сомкнулось с мифом искусства. В частности, в наши дни стал популярным жанр политического театра. Об этом – в следующей статье.

Статья четвертая

РОЛЬ ИСКУССТВА В ПОЛИТИЧЕСКОМ МИФОТВОРЧЕСТВЕ

1. Культурно-мифологический корень политики

В предыдущих статьях многократно отмечалось, что образный мир мифа обладает завораживающей силой воздействия на сознание человека. Исконный миф изначально обладает мудростью целостного восприятия бытия. Магия искусства имеет ту же самую природу, что и миф, поскольку искусство также оперирует образами. Языком этого восприятия является символ. Чтобы овладеть этим языком, нужно иметь ключ к «шифру». Такой ключ дает искусство как синтетический, интуитивистский способ познания, в котором участвуют самые древние отделы нашего подсознания. То есть в искусстве проявляется «язык предков».

«Миф тоже принадлежит миру искусства», – утверждал Я. Э. Голосовкер [1, с. 152]. И то правда: что такое миф? Между прочим, буквальный перевод с греческого – это то, что мы назвали бы «сюжет», «произведение». А. М. Пятигорский в одном интервью в связи с феноменом чрезвычайного влияния русской литературы на жизнь заявил: «Я думаю, что само искусство есть миф» [2]. Получается тавтология: миф есть искусство, а искусство есть миф. Это именно тавтология, а не тождество, поскольку миф и искусство, глубоко проникая друг в друга, все же различаются. В каких вообще отношениях находятся миф и искусство – вот вопрос, который здесь предстоит выяснить. Он далеко не праздный, поскольку политика тоже есть и миф и искусство.

Миф и искусство находят свое единство в культуре. По моему разумению, соотношение между этими понятиями таково: культура – содержание, смысл, миф – форма, искусство – средство.

Сегодня трудно себе вообразить, насколько слаб и нестабилен был огонек человеческой жизни в бесконечную эпоху первобытности, какой отчаянной была борьба человека за выживание и как узок был круг его свободы, то есть власти над миром природы. Можно сказать, что человек жил в узком пределе своей способности быть человеком. Предел этот был образован двумя пограничными состояниями небытия – физической смерти и «чистой» животности. И вот этот узкий предел люди стали раздвигать «культурой», первоначально заполняя его исключительно мифами.

Итак, в душах древних людей бушевали страсти, в основном страхи. Эти страхи они изживали в мифах. Страх остаться наедине с природой без помощи сверхъестественных сил, страх прогневать могущественные силы, управляющие бытием... Страх небытия, инстинктивный страх смерти – сначала родовой, а потом и индивидуальный, – был сильнейшим из них. Природа, циклически умирая и возрождаясь, показывает, что смерть не является конечным звеном жизни. Отсюда – страстная мечта, идея бессмертия, которая была реализована также идеально – в мифологии. Как известно, центральными персонажами мифологии являются бессмертные боги. Одним из символов бессмертия является понятие «душа». Именно вера в бессмертную душу (или, как у Платона, вера в разум как бессмертную часть души) дает человеку надежду на бессмертие, хоть и в другой, нематериально-телесной реальности.

Полагаю, Я. Э. Голосовкер точно сформулировал идею культуры – это мысль о бессмертии, которая является ответом на главный страх человека – страх смерти. Голосовкер предположил, что в сотворении мифов сказался высший инстинкт человека – инстинкт к культуре. Идея культуры – это мысль о бессмертии. «Только под углом зрения бессмертия возможно культурное, т. е. духовное творчество. Утрата идеи бессмертия – признак падения и смерти культуры» [1, с. 125].

То же движение мысли я встретил у Ю. Н. Карякина в его «Дневнике русского читателя»: «...культура – это единственный или главный способ, средство

спасения человечества от смерти – через духовное возвышение, через духовный подвиг...» [3, с. 126]. Исследователь творчества Достоевского Ю. Н. Карякин почерпнул эту мысль, без сомнения, у Федора Михайловича. Мысль эта религиозная. Культура все в себя включает, она есть способ противостояния губительному стремлению человечества к самоубийству через прогресс, технологию, цивилизацию. И первое ее выражение, совершенно инстинктивное, есть миф. Потом уже – религия, искусство-творчество, философия как защитные стены культуры, предохраняющие человека от него самого же, его темных глубин и скрывающихся там чудовищ подземного царства.

Замечательно, что Ю. Н. Карякин вслепую набрел на проблему мифотворчества: он не смог сформулировать ее научным языком, а значит, адекватно осознать, поскольку мыслит исключительно в нравственном аспекте. «Все-таки, наверное, самое главное пока, что я понял, – записал он в своем «Дневнике» в декабре 1995 года, – понял заново – это **САМООБМАН**. И ничего точнее мне не удалось сказать, кроме этих шести слов: **НЕПЕРЕИМЕНОВАННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НЕВЫНОСИМО, ПЕРЕИМЕНОВАННОЕ – ДАЖЕ ВДОХНОВЛЯЕТ**» [3, с. 119].

Здесь мы видим сшибку советской официальной мифологии с либерально-интеллигентской. Например, первая трактует Великую Отечественную войну как *подвиг* советского народа под руководством Коммунистической партии, а вторая представляет исключительно как *трагедию*, вызванную преступлениями сталинизма. Этот ряд мифов, односторонне и прямо противоположно по идеологическому и моральному смыслу отражающих одну и ту же историческую реальность, можно продолжать и далее. Так, символом индустриализации советская пропаганда сделала движение стахановцев. В перестроечное и постперестроечное время в символ *сталинской* индустриализации был превращен Беломорканал, построенный зэками. И то и другое – в качестве символа миф, но в жизни было и то и другое. *И то и другое – не вместо, а рядом* – вот формула демифологизации истории [4, с. 451-464].

Таким образом, история, религия, философия, художественное творчество – все это формы общественного сознания, призванные символически приобщить человека к главному мифу – к абсолюту, к вечности, к бессмертию. Воплощение абсолюта по необходимости всегда частично, ущербно, неполно, ограничено. В артефактах культуры они находят символическое выражение.

А политика? Теперь главное: *искусство политики есть такое же средство утверждения победы жизни над смертью*, как и указанные выше. По аналогии можно предположить, что страх небытия, политической смерти – сильнейший среди прочих политических страстей. Как архитектор и художник надеются продлить свою жизнь после смерти в своих творениях, так и истинный политик (не игрок, не политикан, а государственный деятель) вдохновляется идеей оставить о себе «вечную память». Гений политики творит Историю. Вспомним Цицерона: «...ни в одном деле доблесть человека не приближается к могуществу богов более, чем это происходит при основании новых государств и при сохранении уже основанных» [5, с. 11].

2. Магия слова

Миф и искусство объединяет упомянутая выше магия слова. В превосходном эссе «Письмо о мифах» П. Валери писал: «Мифом именуется все то, что существует и пребывает не иначе, как будучи функцией слова» [6]. Именно слово является путем к догадке смысла мифа. И не просто слово, а слово-образ. Слово-образ спускает с крючка воображение, интуицию и дает ей возможность вывести смысл из темной чаши мифа на свет разума. Вместе со словом мифы внедрились в нас и через искусство (поэзия, сказка, эпос, былина, роман-фэнтези, театр) стали частью нашей жизни.

Слово является материей, плотью мифа. Химера (дикое сочетание окрыленного льва, козы и змеи), сирена (сочетание женщины и птицы), кентавр (сочетание мужчины и коня), Минотавр (человек-бык), русалка (девушка-рыба) оживают в нашем сознании благодаря слово-образу. В этот момент мы находимся на уровне воображения древнего человека, не озабоченного знанием законов

генетики. Воистину прав тот же П. Валери, заметивший: «Наши праотцы совокуплялись во тьме своей с каждой тайной, – и странные рождались от них дети!» [6]

Из всех видов искусства ближе всего к мифу, может быть, стоит поэзия. В поэзии символическое значение слов образует более глубокие и верные смыслы, чем буквальное их прочтение. В поэтическом жанре символика порождает в сознании мифологические сгустки. «Не следует забывать, – писал П. Валери в эссе «Поэзия и абстрактная мысль», – что поэтическая форма столетиями была связана с практикой заклинаний. Те, кто совершал эти диковинные обряды, непременно должны были верить в могущество слова, причем гораздо больше в эффект его звучания, нежели в собственную его значимость» [6]. Эффект звучания достигался исполнением ритуала.

Сила искусства – это магия слова-образа, сила мифологического воздействия. Вот пример. «Балерина, – пишет П. Валери, – являет одновременно каскад изумительно точных пируэтов, сверкающих, как грани алмаза...» [6]. Балерина в движении – сверкающий алмаз. Действительно, прекрасный поэтический образ! Он мгновенно взрывается в нашем мозгу и полностью захватывает нас. Такого его магического действие. Это – действие искусства. Да, но механизмом этого действия является метафора – прием мифопорождения. Если образ схвачен точно, он овладевает сознанием благодаря архетипическим схемам поддержки. Образ как луч пронзает сознание, вонзается в подсознание и укладывается там в древнюю схему данного образа.

Дон Кихот, Гамлет, Фауст, Дон Жуан, Жульен Сорель, Евгений Онегин, Обломов, Раскольников, Тарас Бульба – эти литературные персонажи созданы мощным воображением. Однако для культурных людей они реальнее, чем многие из живущих, имеющих плоть и кровь людей. Художник, когда пишет портрет с реального человека, творит образ объекта. Он пытается выразить в портрете характер человека, его жизненный путь и психологическое состояние. Он творит миф. Биограф, пишущий о судьбе человека, старается изображать его

как можно ближе к реальности, строго следуя фактической канве. И все же в результате он создает миф об этом человеке. Иначе и быть не может, ибо правда о человеке доступна только в виде мифа – субъективного образа.

Миф есть образно выраженная идея, а образ является порождением художественного разума. Мифологизировать – значит создавать, говоря термином Я. Э. Голосовкера, *смыслообраз* из реального либо выдуманного факта или события. Смыслообраз – это идея, наделенная моральным и эстетическим содержанием. В мифе запечатлены смыслообразы, символизирующие собой идеи, идеалы и их негативы. Например, Иуда – символ абсолютного предательства, Иван Грозный – абсолютной жестокости, Калигула – абсолютной развратности и т. п.

Сознание оперирует образами как штампами, сложившимися стереотипами. Представьте себе, что В. Янукович вдруг легко и непринужденно заговорит по-английски. Все, и особенно его недоброжелатели, испытали бы культурный шок. Это потому, что в нашем сознании сложился стереотип восприятия Януковича, который такого не допускает. Но ведь и Б. Ельцин по своему типуажу был приблизительно таким же, как В. Янукович, но никому в голову не приходило сомневаться в его способности быть президентом страны. Значит, для президента страны важнее знания иностранных языков или отечественной поэзии умение разбираться в людях, подбирать кадры, брать на себя груз принятия ответственных решений.

3. Божественная природа искусства и дьявольская природа мифа

Уже Платон считал мифы народным вымыслом, рожденным грубыми суевериями и невежеством. Но игнорировать их крайне опасно, поскольку за ними стоит сила исторической традиции, религиозного и государственного авторитета. Протагор, Анаксагор, Сократ жизнью заплатили за «нечестие».

Искусство облагораживает мифы, наполняет красотой и этосом. Поэтому на свет появились эпос и трагедия. Сам Платон, как известно, прибегал к сочинению мифов. Но его мифы были именно *искусством* образного мышления, поэтической интерпретацией философских идей там, где логика и точное понятие были бессильны. Платон практиковал философию как искусство, которое полностью вытекало из его открытия трансцендентного мира вечных идей.

Чем шаман, колдун отличается от художника, творца произведения искусства? Чем произведение искусства отличается от мифа на том этапе, когда искусство приобрело самостоятельное значение как морально-эстетический феномен? Оно поднимает сознание человека к высотам духа, к Небу, тогда как миф опьяняет его своими колдовскими образами, вгоняет в состояние, которое сродни галлюцинациям наяву. Сознание, таким образом, является полем битвы рациональности («небесного» интеллекта) и иррациональности (темных сил «преисподней»). Функция искусства заключается в *просветлении* сознания, тогда как функция мифа – в его затемнении. Медитация, к которой прибегали восточные мудрецы, есть способ расширения сознания, уход в сверхсознание, а колдовство – это техника выпуска на свободу джиннов подсознания. Древние хорошо знали: магия, колдовство опасны для здоровья и жизни, но иногда они необходимы. Солнце Разума сопровождает его Тень – мифический образ реальности, рожденный в подсознании. Они борются за власть над сознанием. Подсознание – это преисподняя, в которой орудуют «черти» древнего воображения, древние страхи и вожделения. Они выходят на свободу и тревожат человека в сновидениях. Этот же самый механизм используется в современной политической (идеологической) мифологии, которая апеллирует не к разуму человека, а будит в нем партийные в самом широком смысле слова страсти, создает страшные идолы почвы и крови, которые объединяют людей на платформе агрессивного неприятия «чужих».

4. Искусство и политика

Следует, однако, сказать, что современный политический миф не обладает такой inferнальной силой воздействия, как древний, исконный миф. Политический миф сработан мастерами манипуляций с общественной психикой. Современный человек не верит в магическую силу мифа как такового, он верит в зрелище, в шоу. И наши политики, подобно древнеримским императорам, стремятся увлечь свой народ различными шоу. Дело дошло до того, что популярность политиков, а значит, и их политическая сила напрямую стала зависеть от частоты их участия в рейтинговых телепередачах. В этих телепередачах политики играют... самих себя, иногда талантливо, иногда не очень.

С другой стороны, мы сталкиваемся с феноменом, когда театрализация политики смыкается с политическим театром. Пример – студия-театр «95-й квартал» приобрела большую популярность в Украине благодаря тому, что превратилась в театр политической сатиры. Причем сатира подается «по-доброму», часто – в технике анекдота. Последний, в отличие от мифа, который нагнетает, трагедизирует ситуацию («Украину надо спасать и немедленно!»), разряжает ее смехом («спасатели» таковы, что их самих спасать надо). Эти «небожители» спускаются на грешную землю и ведут себя так же, как... боги в древнегреческой мифологии: они постоянно ругаются и подсиживают друг друга.

Любопытно наблюдать, как авторы и исполнители достаточно тонко реализуют технику мифологизации личностей главных политиков страны, демонстрируя «силу искусства» (вспоминаем А. Райкина). Что общего, например, между персонажем Е. Кошевого и его прототипом Л. М. Черновецким? Один – высокий и бритый, другой – маленький и «с прической». Внешне – решительно никакого сходства, никакого материала для отождествления, тем не менее мы верим сценическому персонажу. Потому, что актер играет не героя, а его маску – «Леню-космоса».

Идея маски – это идея типизации героя, его узнаваемости. Маска – миф, такой же, как имя собственное. Маска есть метафора, устойчивый образ, узнаваемый персонаж. С древнейших времен мифический ритуал одевания человеком

на себя маски-личины означал перевоплощение человека в «иное Я». Общеизвестно, что театр в Древней Греции был больше чем театр. Великий комедиограф Аристофан создал свой политический театр, где его современники были облачены в готовые театральные маски: Ламах – это хвастливый воин, Сократ – софист, псевдоученый и т. д.

В самом деле, персонаж «Черновецкий» – это маска космической отдаленности от того, чем должен заниматься мэр столицы – прозы жизни, и в то же время ищущий перспективы дальнейшего карьерного роста в соответствии со своими космическими миражами. Другие артисты так же играют забавные маски – «Ющенко», «Янукович», «Тимошенко». Персонаж «Виктор Андреевич» носит маску самовлюбленного, властного и в то же время достаточно тонкого, неуверенного в себе, нерешительного, не склонного к риску, готового подставить под опасную ситуацию другого, но не кровожадного типа. В общем, это маска сельского интеллигента, неожиданно для себя оказавшегося на вершине власти и порой просто не знающего, что с ней делать. Маска «Виктор Федорович» – это провинциальный, мужиковатый, недалекий, малообразованный, но неподлый, умеющий постоять за себя хлопец. И, наконец, «Вона». «Вона» – сама по себе миф. Артистка берет стопроцентно узнаваемый атрибут этого мифа – русую косу. Она играет образ, в котором слиты хитрость, властолюбие, женское коварство, обаяние, кокетство, жесткость и презрение к слабому «сильному полу».

Все маски-персонажи находятся в конкурирующих отношениях. Задача каждого – переиграть всех остальных. Почему они вынуждены бороться друг с другом и со всеми остальными? Ответ – Власть. Если бы не она, проклятая, они давно бы слились в едином любовном экстазе. А так... Ольга Михайловна Фрейденберг писала о первобытном мировоззрении: «Борьба – единственная категория восприятия мира в первобытно-охотничьем сознании, единственное семантическое содержание его космогонии и всех действий, ее воспроизводящих» [7, с. 53]. Да, именно на уровне первобытного мировоззрения развивается комедия или фарс под названием «Политический театр Украины». В целом эти пер-

сонажи играют Семью: «мать», два ее «мужчины» (муж и любовник, муж и кандидат в мужа и прочие роли) и «сын». Между ними за долгие годы складываются отношения любви-ненависти. Причем, как водится в семье, «мать» успешно справляется со своими «мужчинами», но ничего не может поделать с «сыном».

Следует сказать, что между маской и прототипом существует довольно тонкая грань, которую переходить не стоит, поскольку тогда политический театр превращается из жанра искусства в орудие политической борьбы, всерьез рассматривается как «богоборчество», средство дискредитации обитателей политического Олимпа. Мне кажется, эту грань нарушили создатели знаменитой в 90-е годы передачи «Куклы» на российском канале НТВ. Ее автор В. Шендерович стал зло обличать «свои» персонажи с позиции идеологии либерала. Он стал «разоблачать» маски, обильно поливать их своей желчью. Маски стали терять свое «лицо», расплываться. Метафоричность пропала, смех сменился желчным сарказмом. В результате передачу «прикрыли».

5. Миф и анекдот

История эпохи начинается, как правило, с героического мифа, а заканчивается анекдотом. Анекдот – тот же миф, только в загробной жизни. Поэтому взаимоотношение мифа и анекдота можно характеризовать как диалектическое противоречие. Миф играет на повышение градуса серьезности отношения к жизни, тогда как анекдот делает нечто прямо противоположное – фиксирует внимание на смешной, комической стороне жизни, беспощадно гасит пафос, насаждаемый официальной идеологической мифологией. Особенно это верно в отношении политических режимов с моноидеологией. Не случайно советский анекдот стал феноменом всемирно-исторического значения, жанром устного народного творчества, по которому можно изучать отдельные периоды советской истории в своеобразном преломлении.

Советский политический анекдот использовал комический эффект сшибки официальной политической мифологии и непритязательной бытовой реальности «самого передового общественного строя». Знаменитое «армянское радио» своими ответами на вопросы постоянно выявляло существенную разницу между пропагандой и реальной жизнью «обыкновенного» советского человека. Серии весьма остроумных анекдотов о чукчах и молдаванах подчеркивали абсурдность советского идеологического мифа о стирании национальных границ в советском народе. Примерно в том же ключе строились анекдоты о евреях, грузинах, прибалтах, украинских националистах – смех рождался от столкновения их национальной ментальности с придуманным в пропагандистских целях «советским образом жизни».

Миф охраняет поле сакрального, анекдот его уничтожает. Разложение мифа высвобождает энергию остроумно-комического. Возьмем, например, анекдот об Александре Матросове. Я не исключаю, что его сочинили в спецотделе ЦРУ, но люди с удовольствием его пересказывали, подчеркивая ситуацию случайного подвига. Если бы идеологический миф о Матросове был жив, то почвы для такого анекдота просто не было бы, поскольку он воспринимался бы как кощунственное покушение на священные ценности. Сама жизнь в период «застоя» полностью уничтожила стихию героического. Разве усилия пропагандистской машины сделать из Брежнева великого полководца Второй мировой войны не были сами по себе анекдотичны?

С другой стороны, популярность сериала о «неуловимых мстителях», героях Гражданской войны, воскресила соответствующий идеологический советский миф, который был больше похож на сказку, рассказанную в стиле боевика. В этом проявился элемент ностальгии по романтической юности государства. Так люди ностальгируют по своей собственной молодости, которая существует в их памяти не иначе как в мифическом облике.

* * *

В финале хотелось бы сформулировать несколько тезисов, достаточно серьезно обоснованных, как представляется автору, в четырех статьях этого цикла.

Первое. Несмотря на имеющиеся фундаментальную теорию мифа и серьезные исследования в области мифологии, мы по-прежнему недооцениваем роль этого феномена в жизни человека и общества. Это происходит прежде всего вследствие традиционного и совершенно некорректного противопоставления мифа и науки как иллюзорного образа реальности и истинного знания о ней. На самом деле мифологическая реальность не менее реальна, чем реальность эмпирического мира. Свойство мифологизации относится к природе человека, к его сфере сознательно-бессознательного. Поэтому борьба с феноменом мифологизации – это борьба с человеческой природой, с механизмом его отражения реальной действительности. Она бесполезна. Миф как форма иррационального, эмоционально-художественного познания действительности неизбежен. Миф – то, что живет в тени нашего разума и быстро улетучивается при свете нашей сознательности (знания плюс понимания реальности). Но уже в следующий момент наш разум вновь отбрасывает тень, в которой создаются благоприятные условия для паутины новых мифов. Это значит, что феномен мифа был, есть и будет. В этом смысле наука ему несколько не угрожает.

Второе. Надо отдавать себе ясный отчет в том, что чисто научный взгляд, особенно когда речь идет о мировоззрениях, идеологиях и политических программах, просто невозможен. В них *всегда* имеется аспект мифического и утопического. Горизонт научности в понимании мира достаточно узок, чтобы полностью опираться только на научные средства познания реальности. Миф и наука просто не сравнимы, но взаимозависимы и взаимодополнительны, как левое и правое полушария мозга.

Третье. Есть мифы и мифы. Древний миф как факт культуры первоначален и несет в себе мысль о преодолении смерти. Современный миф, подобно древнему, основан на психологии коллективного бессознательного, питается массовыми страхами, мировыми кризисами и вызовами, тревожной неопределенно-

стью будущего нашей планеты. Эти страхи продуцируются глобальной информационной сетью. Однако современные политические мифы кардинально отличаются от древних тем, что они являются плодом целенаправленной политической технологии, оружием в политической борьбе. Их жизнь кратковременна. И нередко они друг друга нейтрализуют. Впрочем, мифы, вплетенные в идеологический орнамент, более живучи. И все же в целом современное мифотворчество уступает по силе субстанциальности, онтологической глубине древним мифам. Оно питается не столько магией волшебства, сколько магией искусства, ну и конечно созданием посредством манипуляции общественным сознанием ложных авторитетов, кумиров толпы.

Четвертое. Борьба с конкретной идеологической мифологией является частью политической борьбы вообще. Она неизбежна. При этом надо иметь в виду, что, разрушая одни мифы, мы тут же создаем другие.

Пятое. Современная театрализация политики (политические шоу с участием реальных политиков) и политический театр (с участием актеров, создающих маски реальных политиков) поддерживают образ демократии как публичной формы осуществления власти посредством участия народа, то есть работают на миф о демократии. На самом деле власть как была, так и остается отчужденной от народа и выстраивает свою политику на основаниях, далеких от народных чаяний.

**ПРОФЕССОР Н. М. ЯКУПОВ КАК ПОЛНОМОЧНЫЙ
ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СОВЕТСКОГО МИФА
(Ко второй годовщине смерти)**

Альбер Камю в своей записной книжке заметил: «Каждый человек умирает неизвестным». Даже сын, присутствующий здесь, не может сказать, что он *от и до* знал своего отца. С кем или, вернее, с чем мы имеем дело? Мы имеем дело

с представлениями, более или менее правдивыми образами человека. То есть мы имеем дело с мифами о нем.

Здесь я буду говорить о человеке-мифе, человеке-символе по имени Николай Михайлович Якупов². Герой Советского Союза, доктор исторических наук, профессор, он принадлежал к элите советского общества. Всю свою сознательную жизнь он посвятил служению Советской власти и был полномочным представителем великого СОВЕТСКОГО МИФА. С точки зрения принадлежности к этому мифу я и хочу рассмотреть его судьбу.

Под *Советским мифом* я понимаю идеальный образ советского социума и человека, гармонично вписанного в этот социум, выражающего в своем характере и мировоззрении существенные ценности советского типа жизни. Советский миф создавался в тридцатые годы, получил яркое выражение в кинофильмах с участием легендарных киноактеров Любови Орловой, Марины Ладыниной, Бориса Андреева, Николая Крючкова, Марка Бернеса. Ткачиха, доярка, шахтер, военный, летчик, полярник благодаря героическому труду и братской помощи своих товарищей становятся государственными людьми. Как в сказке о Золушке, перед ними, советскими золушками, открываются дворцы, и с высокой трибуны они говорят слова признательности родной советской власти, давшей им дорогу в светлую и счастливую жизнь. Им аплодируют лучшие люди страны. Социальному оптимизму нет предела.

И все же речь идет не о сказке, небывальщине, а о мифе, ибо советская жизнь, при всей ее суровости, имела сцепку с мифом. Сотни тысяч, миллионы «простых» людей, живя в условиях государственно-организованного общества, сумели реализоваться, поскольку именно государство создало им систему социальных лифтов. Такими лифтами были, в первую очередь, армия, через которую открывался путь в большой мир выходцам из самых глухих деревушек и поселков всех республик необъятного Советского Союза, а также высшие

² Мы все его так звали. Хотя в конце жизни он предпочитал, чтобы его называли по-татарски Назымом Мухаметзяновичем, как в паспорте.

учебные заведения, особенно в столичных городах, высший спорт, комсомол, наконец, сама «партия» под названием КПСС. Как пишет Тимур Зульфикаров: «Это и была подлинная Демократия, когда деревенский иль кишлачный мальчишка становился академиком иль всемирным писателем! Жаль, что это называлось «коммунизмом», а на деле являлось истинной Демократией» [1].

Обязательным элементом Советского мифа является пролетарско-крестьянское происхождение. Как поется в песне: «Вышли мы все из народа, дети семьи трудовой». Н. М. Якупов родился в небольшом селении в Башкирии в бедной крестьянской семье. Спустя четыре года, в 1932 году, его отец вступил в созданный колхоз. Он погиб в 1943 году, и Назым 14-ти лет отроду сам стал работать в колхозе. Затем его послали на учебу в ФЗУ, потом на курсы счетоводов. Некоторое время он работал на оборонном заводе. Вступил в комсомол, стал активистом, секретарем комсомольской организации. В 1948 году его призвали в армию. Оттуда послали учиться в военное училище «на офицера». Цитирую (тут и далее приводятся цитаты в основном из книги Н. М. Якупова «Трагедия народов». Первое издание вышло в печати в 2001 г.):

«Лучшие годы мои прошли в армии, где было немало преданных Родине коммунистов. Сохранились в памяти имена многих коммунистов 3-й гв. танковой армии, где начал свою воинскую службу. Воины этой армии, прошедшие с боями до Берлина и Праги, представляли гордость наших Вооруженных Сил. Десятки тысяч воинов армии награждены орденами и медалями, 287 присвоено звание Героя Советского Союза. Мы, молодые воины, гордились, что служили с бывалыми фронтовиками, слушали их рассказы о боях, подражали им во всем: в боевой учебе, в обслуживании техники» [2, с. 557].

Образцовая и одновременно типичная биография для многих советских людей. Затем подвиг ценой тяжелого ранения, сделавшего его, еще очень молодого человека, инвалидом. Он вынужден покинуть армию, к которой прирос душой и полюбил на всю жизнь. Достаточно сказать, что он стремился брать к себе на кафедру сотрудников, прошедших армейскую выучку. Да и как исследователь он практически всю жизнь занимался армией.

Итак, оставив службу в ВС, он совершает крутой поворот и начинает свой путь как бы сызнова, но, конечно, не с нуля. Отныне Звезда Героя освещала его путь. В 29 лет он поступил на первый курс истфака Одесского университета в 1957 году. Молодой, красавец, весь в белом. Герой Советского Союза. Коммунист с 10-летним стажем. Это внешне. С другой стороны, инвалид, практически не видевший на один глаз и плохо слышавший на одно ухо, так никогда не сумевший восстановиться после тяжелой контузии, заглянувший смерти в лицо человек. Чтобы соответствовать – звание Героя обязывало! – и не уступать однокурсникам значительно моложе его, он приучил себя к ежедневному тяжкому труду. Преодолевая головные боли, он учился писать научные тексты, осваивал литературный русский язык. Я представляю его в ряду людей типа легендарного безногого летчика Героя Советского Союза Алексея Петровича Маресьева. В «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого сосед по больничной палате, комиссар, подбадривает павшего духом Маресьева: «Но ты же советский человек!»

Н. М. Якупов был настоящим советским человеком. Он делает стремительную научно-преподавательскую карьеру. В 1962 году с красным дипломом заканчивает истфак, далее аспирантура, через три года кандидат исторических наук, еще через пять (учился в МГУ) – доктор. Заведующий самой крупной в Одессе опорной кафедрой истории КПСС, член парткома университета, райкома, горкома, обкома, делегат партийных съездов. И при этом все время работает над книгами. Он написал в общей сложности более 20 книг, не считая две с половиной сотни статей. Десятки защищенных аспирантов. Как и в армии, он считал, что только на своем примере можно научить подчиненных. У него было потрясающее упорство в труде.

Он был консервативен в советском понимании. Это значит, что догматизм превалировал в нем над критицизмом. Это естественно, ведь он сформировался в 50-е годы. До конца жизни он считал Маркса и Ленина великими учеными, но

сам к творческим марксистам не относился. Он вообще философию и, соответственно, философов и особенно философствующих историков не любил.

Как ученый, он решал задачу с заранее известным ответом, он решал уравнение, в котором не было ни одного неизвестного, он раскрашивал контурную карту, на которой уже нанесены все объекты. Большевики в борьбе за армию победили, иначе и быть не могло, остается только выяснить: кто, где, когда. Все это надо искать в архивах. Он начал активную научную работу в хрущевское время. Именно тогда были широко открыты архивы, закрытые по прямому указанию И. В. Сталина еще в 30-х годах. Туда ринулись исследователи, вводя в научный оборот десятки тысяч документов. Собственно, этим – не анализом, не методологией, не оригинальной концепцией – научная новизна, по сути, и ограничивалась. Эти документы и факты были просеяны и отобраны с точки зрения их полезности для официальной концепции истории партии, с которой Н. М. Якупов не конфликтовал. История КПСС была слишком идеологизированной, чтобы отвечать важнейшему критерию научности – объективности.

Якуповский консерватизм красноречиво характеризует его отношение к XX съезду КПСС. Он пишет в «Трагедии народов»:

«По моему глубокому убеждению, смертельную рану коммунистическому движению нанес XX съезд КПСС (1956 г.). Неумелый «хирург» Н. С. Хрущев своей «операцией», пытавшейся удалить опухоль тоталитаризма, вызвал гангрену в системе социализма. Из его доклада о культе личности миру стало известно, что идеалы Октября не реализованы, то, что в СССР построено, это – социализм неудачной модели, идеалы социальной справедливости извращены. «Отец и учитель» народов – тиран. Началось брожение в коммунистическом движении, социалистические страны во главе с Советским Союзом семимильными шагами шествовали к своему краху» [2, с. 560].

XX съезд действительно был историческим по своим противоречивым последствиям. Миру и без Хрущева многое из жизни СССР было известно. Брожение в коммунистическом движении, особенно в западноевропейских компартиях, рано или поздно должно было начаться. Безусловно, шок XX съезда все это ускорил. Он к тому же поссорил нас с маоистским Китаем. Символично, не

правда ли, что XX съезд был в феврале 1956 года. В том же году в Венгрии вспыхнула для кого революция, а для нас мятеж, и молодой замполит танкового батальона старший лейтенант Якупов 6 ноября бросился со связкой гранат на пушку, бившей прямой наводкой по нашим танкам. Венгрия показала советским руководителям, как опасно «открывать варезжку», дала мощный козырь советским консерваторам и во многом определила откат от начавшейся демократизации советско-партийной системы. И все же XX съезд давал нам исторический шанс избежать застоя, кризиса, «перестройки» и, наконец, гибели сверхдержавы. Он вызвал подъем внутри страны, породил «шестидесятничество», обновил романтическую веру в коммунизм. Тогда еще был запас времени и жизненных сил Системы, чтобы провести капитальную реформу социализма. Ведь сталинизм как система управления был слишком экстенсивным, затратным, устаревшим, кровавым способом управления. С этим были согласны все тогдашние претенденты на роль первого лица в государстве – Берия, Маленков, Хрущев. Последний, будучи сам по своему воспитанию и мировоззрению выпускником сталинской школы, попытался реформировать политический и экономический строй в стране, но внутренняя и международная обстановка (холодная война) не позволили. Пришедшие к власти брежневцы были компромиссом между реформаторами и консерваторами-сталинистами внутри коммунистического руководства страны. Шанс был утерян.

«Перестройку» Н. М., конечно, не принял. Горбачева, Яковлева, Кравчука ненавидел. Ельцина иначе как пьяницей и забулдыгой не называл. Но только после самороспуска КПСС и развала Союза он освободил себя от лояльности к партийному начальству и дал «последний бой». Он остался коммунистом, не согласился пожертвовать своими убеждениями, тем, что ему было дорого, что составляло костяк его личности.

Мне представляется, что мы недооцениваем последний период жизни и творчества Н. М. Его душа, куда, кстати, он никого не допускал, жила в мучительных переживаниях. Догадываюсь, что он мучился и собственной виной. Ведь в

момент перелома он отошел от коммунистической партии, занял наблюдательную позицию. Некоторые рассматривали это как предательство и малодушие. Но спустя некоторое время он вновь, как в Венгрии, вышел на линию огня, занял место бойца и стал сражаться пером, убеждая своих читателей преодолеть социальную анестезию, вызванную шоком от развала Советского Союза, и трезво посмотреть в лицо реальности – такой, какая она есть. Мы как общество нового типа потерпели катастрофу. Наши вожди нас предали, «жирные коты» украли у нас страну, у наших детей будущее. Далее нас ждет жизнь в трагедии. Таков вывод из его анализа случившегося. С болью и страстью говорил он в своих книгах правду, говорил языком ученого, то есть приводил аргументы и факты. Он собрал воедино горы убийственных фактов, показывающих осуществление в стране ползучей контрреволюции и обличающих предательство высших государственных и партийных чинов.

После развала страны последовал развал экономик в ставших независимыми государствами бывших советских республиках. Вот некоторые экономические показатели производства в Украине в 1996 году в процентном выражении от уровня 1990, приведенные в «Трагедии народов»: по электроэнергии – 60,7 %, по металлорежущим станкам – 7 %, экскаваторам – 4,3 %, тракторам – 5 %, автомобилям – 5 %, телевизорам 3 %, радиоприемникам – 6 %, по перевозкам автотранспортом – 4,4 %, перевозкам морским транспортом – 26,2 %, ткань шелковая – 3 %, ткань х/б – 9,9 % [3, с. 342-343].

Это характеристики экономического коллапса, деиндустриализации страны. Но село постигла еще большая катастрофа. Цитирую:

«В Украине в 1994 г. было 12 403 колхозов. Из них убыточными тогда были 726, в 1995 г. – 3734, в 1996 г. – 8501, в 1998 г. – практически все. Крестьянство превратилось в класс нищих.

Селяне уже сами осознали свою трагедию без агитаторов, без разъяснений. Воровство по-черному как вихрь прокатилось по деревням нашей страны от Северного до Черного морей, от Балтики до Тихого океана. Обнищавшие и обезлюдившие тысячи сел напоминают трагические времена послевоенных лет. Слаженные хозяйства, доставшиеся после развала Союза, не сохранили, а

с такой же поспешностью как в городах растащили народное добро, разворовали общественное достояние. Никто не знает, кому что и сколько досталось. Но каждому известно, что рядовому колхознику от этой кражи досталась лишь одна обида: общим трудом создавали, а обокрали вмиг, как в темную ночь» [2, с. 554].

И общий вывод: **«Буржуазно-бюрократическая контрреволюция своей цели достигла. Страна распалась на мелкие государства, ее экономика разрушена, десятки миллионов людей превратились в безработных, нищих»** [2, с. 342].

Драматизм последних лет жизни Н. М. Якупова заключался в том, что он впервые в жизни оказался против «партии власти». Ведь и новой Россией, и независимой Украиной правили те самые «жирные коты», а в Украине к тому же еще и «нацики». Он сделал свой выбор в пользу социализма, в пользу того общества, в котором он прожил почти всю свою жизнь.

В своих последних книгах Н. М. заостряет внимание на категории «социальная справедливость». Это – стопроцентное попадание в цель, поскольку стремление к социальной справедливости ментально присуще русско-славянскому, советскому человеку. Для Н. М. *социализм* – это и есть общество социальной справедливости. Фундаментальную основу этого общества составляли системы бесплатного образования, медицины, оздоровления, спорта, искусственно поддерживаемые низкие цены на продовольствие, детские вещи и культуру (театры, кино, стадионы, книги). Все это было доступно каждому благодаря общенародной (государственной) собственности на средства производства.

Но категория «социальная справедливость» сложная и динамичная. Так, в 20-50-е годы социальная справедливость отождествлялась с социальным равенством. В условиях товарного дефицита, всеобщей бедности такой взгляд на социальную справедливость был оправдан. Но в 60-80-е годы ситуация в обществе качественно изменилась: другая экономика, другая социология, другие потребности. Деньги у людей были, а дефицит ширпотреба создавал отложенный спрос, что рождало массовое недовольство советской властью. Люди уже не хотели уравниловки, а хотели по труду, еще точнее – по деньгам и возможно-

стям. Такие возможности были прежде всего у партгосноменклатуры, у торговых работников, у людей, связанных по работе с границей. Возникли разные схемы удовлетворения потребительского зуда – спекуляция, спецраспределители и т. п. Дело в том, что вопреки идеологии, утверждавшей движение советского общества к бесклассовости, в нем с самого начала наметилось расслоение населения на социальные классы, занимавшие различное положение в структуре общества и, соответственно, имевшие различный доступ к жизненным благам. К концу брежневского периода это неравенство достигло того уровня, когда представители высших слоев практически оторвались от народа и создали собственную систему привилегированного жизнеобеспечения.

Теперь другой аспект проблемы социальной справедливости. Она вошла в противоречие не только с равенством, но и с такой фундаментальной ценностью, как свобода. В годы «перестройки» свобода стала самой желанной целью миллионов. Я уже не говорю о творческой интеллигенции, которая всегда ставила свободу выше социальной справедливости. Не случайно западническая интеллигенция устами Гайдара и Немцова провозгласила: «Долой социальную справедливость. Обогащайтесь!» всю эту сложную, внутренне противоречивую проблематику социальной справедливости профессор Якупов обходит стороной. Он лишь констатирует без понимания, что в Европе социал-демократия пользуется широкой поддержкой и находится у власти, тогда как в странах бывшего СССР партии демократического социализма оказались в маргинальных закоулках.

«А что же дальше? Куда идти, как быть? – задается тоскливым вопросом Н. М. – Возврата к прошлому нет, да и зачем. Наше прошлое – не рай, в нем было немало печального. Но искать счастье из чужого опыта – негоже. Мы не можем пойти по китайскому пути, по американскому пути. Страна наша не может идти чужим путем. У нас свои традиции, свой опыт: мы идем плохо, слишком часто перестраиваемся, запрягаем и распрягаем, запрягаем и часто никуда не едем. Это и есть наш особый путь. Годы перестройки еще раз убедили мир: у нас воровали, воруют, видимо, будут воровать. Целые поколения прилагают

сверхчеловеческие усилия, создают хозяйство, а потом его в одночасье растаскивают. Это в Китае, несмотря на занимаемые посты, воров расстреливают, а у нас избирают депутатами Госдумы, Верховной Рады, проталкивают в вице-премьеры, в начальники «Газнефтепрома» и Госимущества, а также в чрезвычайные полпреды таких же разворованных держав» [2, с. 554-555].

В последних своих книгах Н. М. допускает исповедальный тон. Он много пишет о людях, которые его окружали, с которыми сталкивала жизнь. Это – крупные военачальники, партийные руководители, как правило, среднего звена, директора заводов, председатели колхозов, ректоры вузов. Они честно трудились на своих постах, были хорошими профессионалами, ответственными людьми. Им не нравилось то, что происходит в стране. Но они ничего не сделали, чтобы предотвратить вхождение страны в штопор.

Когда-то в прекрасном советском фильме 70-х годов «Доживем до понедельника» ученик сказал учителю истории: «России очень не везло на царей. Это мое личное мнение», чем вызвал смех всего класса. Н. М. между тем пришел к аналогичному выводу: горе-коммунист Хрущев, пересидевший свое место Брежнев, живой труп Черненко, предатель Горбачев, забулдыга Ельцин... В конце книги он пишет:

«В судьбе народов и стран, безусловно, особое место занимает личность вождя нации. Талантливый, мудрый политический деятель всегда найдет рациональное решение трудных задач общегосударственной значимости. Гениальный полководец Наполеон Бонапарт как-то заметил: «Войско баранов, возглавляемое львом, всегда одержит победу над войском львов, возглавляемом бараном». Очень важно, чтобы люди поверили в своего вождя, а величие вождя состоит в том, чтобы заставить людей поверить в себя самих: они преодолеют нелегкий путь. Трудолюбивый народ достоин мудрого и порядочного руководителя. Если налицо такое сочетание, то все проблемы – не помеха идущим вперед, к прогрессу, идущие да преодолеют путь» [2, с. 569].

Конечно, это наивный ход мысли. Последняя надежда на вождя – это как улыбка товарища Сталина. Объяснять проблемы страны, власти, общества личными качествами ее высших руководителей – значит упрощать донельзя про-

блему. Сам подбор этих руководителей не случаен. Так работала Система. На самом верху вопрос о власти решали два десятка человек. Вспомним, как мы радовались, когда генсеком стал молодой и энергичный Горбачев. Ведь до него на трибуне Мавзолея полулежали полумертвые члены Политбюро во главе с горячо любимым Леонидом Ильичом Брежневым. Государственные похороны с вывозом гроба на лафете проходили в 80-е годы с регулярностью раз в полгода. Это был какой-то кошмар. Вероятно, следует говорить не о сознательном предательстве, а о буржуазном перерождении верхушки КПСС. Если употреблять термин «предательство», то только со словом «социальное», как это делает А. А. Зиновьев. По отношению к 1917 году это была действительно контрреволюция.

Тот же налет наивности лежит и на следующем умозаключении Н. М.:

«Государственная Дума, Верховная Рада не должна быть убежищем для коррумпированных, преступных элементов. Денежное содержание депутатов, как и высокопоставленных чиновников, не должно превышать заработной платы квалифицированного рабочего» [2, с. 570].

В этом высказывании как нельзя лучше просматривается явно устаревшая модель социальной справедливости – уравниловка. Н. М. почему-то не видит очевидного: чем меньше зарплата чиновника, тем больше коррупционная составляющая его дохода. Чиновника, а тем более депутата, кормит не зарплата, а должность. Поэтому депутат готов вообще отказаться от зарплаты, лишь бы сохранить за собой право нажимать кнопку. В госаппарате зарплаты низкие, а конкурсы в вузы, готовящие кадры государственного управления, самые высокие.

Н. М. Якупов умер 20 февраля 2009 года в независимой Украине, но душой он остался в Советской стране. Советское общество оказалось жесткой конструкцией, созданной по мобилизационной модели. Оно было неприступной крепостью для его внешних врагов и пало лишь потому, что ее обитатели просто не захотели жить в крепости. Из Советского мифа они вышли на «свободу» – в Капиталистический миф с его фетишами рынка и демократии. Н. М. оказал-

ся скроен по образцу Советского мифа: он был скромн, трудолюбив, совестлив и честен. С такими качествами в новом обществе стать человеком успеха невозможно.

ЕВРОИНТЕГРАЦИОННЫЙ МИФ УКРАИНЫ

Есть мифы маленькие и большие, мифы-однодневки и мифы стратегического масштаба. К первым относится миф о «золоте гетмана Полуботко», который запустили в украинское общество в начале 90-х годов, чтобы обещанием халявы отвлечь внимание легковерных украинцев от коллапса независимой украинской экономики. Примером стратегического мифа является миф о нашем «европейском первородстве». Грицько с Марийкой из многочисленных украинских Диканек европейцами никогда не были. Откуда тогда уверенность, что «европейскому концерту» нужна украинская бандура? А уверенности как раз и нет. Ее заменяет миф. Миф позволяет в мгновение ока преодолеть цивилизационную пропасть.

Националисты любят повторять слова, поставленные экс-президентом Л. Кучмой в заголовок своей книги – «Украина не Россия». Без труда можно написать книгу в два раза толще под названием «Украина не Европа». Нам неведом «принцип Европы». Это – принцип личности. Европейская цивилизация является продуктом распада масс на личности. У нас – иначе. В быту принципу личности противопоставлен принцип хама, в политике – принцип партии, в экономике – принцип клана, в государственном управлении – принцип бюрократии. Неукорененность личностного начала, невыделанность личности – вот что ставит нас по ту сторону европейского пространства. Общество, состоящее

из людей, не готовых взять на себя всю полноту ответственности, не способно создавать гражданские структуры, структуры свободы. В нем царят социокультурный хаос и бюрократический произвол.

Автор этого текста восемь лет назад, еще перед приходом к власти «оранжевых», писал, что задача евроинтеграции состоит не в том, чтобы войти в европейские структуры (это от нас мало зависит), а в том, чтобы европеизироваться в самой Украине. Ведь европейцами не рождаются, а становятся, причем это «вечное становление» вплоть до смерти, не обязательно физической. Это труд духа и души по преодолению своей инертности, это *личностное усилие*, рождающее свободу, это прорыв за рамки наличной культуры, дающий ей толчок к дальнейшему развитию [1, с. 245]. Способность к самостоятельному творчеству, к свободному труду и свободному поступку отличает европейца от неевропейца. Неукорененность личностного начала у нас плавно переходит в государственную безответственность чиновника. Все можно, все позволено в рамках твоей сферы контроля! Главное – делись со своим начальством.

С тех пор уровень понимания властями проблемы европеизации Украины ни на йоту не изменился. Нас нацеливают на то, чтобы оказаться в Европе без особых усилий, напряженного труда – путем дипломатических переговоров на межгосударственном уровне. Мы сидим на вокзале и терпеливо ждем, когда наш начальник договорится с тамошним начальником, чтобы нам выдали билеты на поезд «Украина – Европейский Союз». Ждем-с!

Сегодня мы заимствуем практически все, выступаем как потребители, а не творцы, не создатели ноу-хау. Если у нас что-то осталось, то это благодаря заделам Советской эпохи, ее великой системе образования и науки. Но этот ресурс исчерпан, а система разрушена. Нас поразила вирус ужасающего непрофессионализма и дилетантства. Напрочь потеряно уважение к честному труду. Трудиться и делать деньги – разные вещи. Медики, встав на путь коммерциализации здравоохранения, показали нам капиталистическую кузькину мать. Коммерциализация духовного творчества уничтожила духовное творчество,

подменив его продуктом на продажу – масс-культурой, или, лучше сказать, тлетворной, разлагающей нравственность лжекультурой. Чем мы сегодня интересны Европе? В каком качестве хотим там оказаться? Если в качестве помощника польского сантехника или секс-рабыни в квартале красных фонарей, то в этом качестве мы уже давно в Европе.

Эмигрантский философ и историк Георгий Петрович Федотов писал, что петровская реформа создала породу русских европейцев. А какая такая реформа создала породу украинских европейцев? Украина, конечно, Европа, но без европейцев. На самом деле проект евроинтеграции был предложен не украинскими европейцами, а украинскими националистами, мечтающими отгородиться от России европейскими границами. У нас практически нет независимых от государства людей. Есть, правда, «куршавельцы» (новые русские или украинцы) – это порода людей, выведенная в условиях дикого капитализма. Что им делать в европейском культурном пространстве? А все места в тамошних зоопарках уже заняты.

Вот один из многочисленных примеров, как нынешняя власть понимает саму проблему украинской евроинтеграции. В политическом телешоу С. Шустера (4 февраля 2011 г.) главный украинский специалист по европейскому праву бывший министр юстиции Сергей Головатый в полемическом раже заявил: «Мы – не Ботсвана, мы – европейцы». И тут же стал заклинать: давайте будем европейцами, примем изменения в Конституции согласно европейским стандартам. Ему представляется, что это прямой путь в Европейский Союз.

К слову, то, что мы не Ботсвана, это ясно: по данным, приведенным на сайте ЦРУ США, в Ботсване валовой внутренний продукт на душу населения в 2010 году составил 13.100 дол., и она занимает 88-е место в мире из 229 стран, тогда как в Украине он составил 6.700 дол., соответственно, 133-е место [2]. То есть в экономическом смысле мы значим в два раза меньше, чем Ботсвана. В последней территория на 70 % состоит из пустыни, а нам Бог дал лучшие в мире черноземы, но мы, конечно, гораздо умнее бушменов и прочих ботсванцев! Мы

ведь европейцы! Умному г-ну Головатому все же невдомек, что с принятием конституционных поправок реальная жизнь широких слоев населения ни на йоту не изменится, поскольку дело не в европейских стандартах, а в отсутствии у нас их культурной подоплеки, иначе говоря, в нашей имманентной неспособности жить по этим стандартам. Перенять технологии можно, а культурные смыслы и символы – нельзя. Товары потребить можно, а культурные смыслы – нельзя. Если бы мы жили в соответствии хотя бы с нынешней Конституцией Украины, где на словах даются гарантии прав человека, в частности на достойную жизнь, то был бы смысл говорить о поправках. А так речь идет об усовершенствовании декорации.

Мы же практически ничего не делаем сегодня, чтобы стать Европой завтра. С чем таким мы разорвали в своей истории, что такое мы осудили в себе полностью и бесповоротно, чтобы встать на путь духовного преобразования? За двадцать лет независимости внутреннего сдвига в нашем развитии так и не случилось. Европейская открытость и хуторянское самомнение не могут ужиться вместе. Поэтому у нас национализм вместо прав человека и бюрократизм вместо демократии. Да разве это как-то согласуется с европейскими формами мысли и жизни?!

В России был Чаадаев, после знаменитого письма которого в ней родился славянофильско-западнический дискурс, в пространстве которого худо-бедно осуществляется процесс национального самопознания. А где у нас аппарат, позволяющий обществу сознавать себя и свое место в мире? Каким образом мы можем ориентироваться в мировоззренческих вопросах? Только отталкиваясь от мыслительного опыта России и тех стран Европы, где имеется философская традиция. И вот это наше зависимое, межеумочное положение, на самом деле ложное, сказывается на всех наших шагах и реакциях. По отношению к Европе мы стоим на коленях, по отношению к евразийской России не прочь позиционировать себя как Европу, но в ответ слышим иронию и гоголевский смех. Впрочем, и сами готовы – этого у нас не отнять – посмеяться над своей «евро-

пейскостью», что в общем-то спасает положение. Наши люди-то умные, конечно, не такие, как ботсванские бушмены, но все-таки... Им неудобно за власть, которая тупо бредит о евроинтеграции.

Очень важны те вещи, которые делаются «на автомате». Возьмем, например, бытовую культуру населения. Один только пример. Возле моего дома располагается будка по ремонту одежды. На ней висит объявление: «Дамы и господа! Просим сдавать в ремонт только чистую одежду». Что же это за «дамы» и «господа», которые сдают в починку грязное белье! Ежедневно нам представляется не менее десятка поводов сказать: «А еще в Европу хотят!»

Осуществляемые нынешней властью реформы оказались не просто дряблые, а по сути антинародные. Где, скажите на милость, в каком уголке Украины чиновники организовали разумную жизнь? Везде царят хаос, мрак и запустение. А над ними гордо реет не буреветник, а коррупция. Под демагогическую болтовню о том, что «виноват во всем кризис», что «так везде в мире», превратили 45-миллионную страну в нищую окраину Европы.

Чтобы не быть голословным, приведу данные Всемирного банка: по валовому национальному доходу (ВНД) в расчете на душу населения за 2009 год Украина имеет показатель 2800 дол. США, что квалифицируется как доход ниже среднемирового. Большинство западноевропейских стран, те, кого мы, собственно, ассоциируем с понятием «Европа», имеют ежегодный среднедушевой доход от 40 до 50 тыс. дол., то есть в 16-18 раз больше, чем в Украине [3]. Ниже мы сделали пару выписок из этой таблицы:

Украина находится в составе следующей группы стран:

Ангола	Африка (к югу от Сахары)	Доход ниже среднего	3 490	18 497 632
Армения	Европа и Центральная Азия	Доход ниже среднего	3 100	3 082 951
Украина	Европа и Центральная Азия	Доход ниже среднего	2 800	46 008 406
Марокко	Ближний Восток и Северная Африка	Доход ниже среднего	2 790	31 992 592
Гватемала	Латинская Америка и Карибский бассейн	Доход ниже среднего	2 630	14 026 947
Грузия	Европа и Центральная Азия	Доход ниже среднего	2 530	4 260 333
Парагвай	Латинская Америка и Карибский бассейн	Доход ниже среднего	2 280	6 348 917
Египет	Ближний Восток и Северная Африка	Доход ниже среднего	2 070	82 999 393

Вывод: Африка и Латинская Америка нам больше подошли бы по месторазвитию, чем Европа.

Показатели соседей Украины:

Польша	ОЭСР	Доход выше среднего	12 260	38 149 886
Российская Федерация	Европа и Центральная Азия	Доход выше среднего	9 370	141 850 000
Турция	Европа и Центральная Азия	Доход выше среднего	8 730	74 815 703
Румыния	Европа и Центральная Азия	Доход выше среднего	8 330	21 482 395
Болгария	Европа и Центральная Азия	Доход выше среднего	5 770	7 585 131
Беларусь	Европа и Центральная Азия	Доход выше среднего	5 540	9 663 000

Вывод: Украина находится в окружении стран, чей валовой национальный доход на душу населения выше среднего и больше украинского в интервале 4,4 раза (у Турции) – 2 раза (у Беларуси). Вот результат двадцатилетнего курса «демократов» разной окраски на евроинтеграцию. Нигде в Европе нет таких жалких экономических показателей и мизерных зарплат. А еще в Европу хотят!

Между бедностью народа и дурным правлением, безусловно, есть связь. При этом возникает дилемма: либо бедность народа является результатом дурного правления, либо дурное правление является следствием бедности народа. Ведь демократия как форма правления не рассчитана на бедных, зависимых людей. В статье «Почему Украина отсталая страна» бывший председатель Верховного суда Украины Василий Маляренко пишет:

«Тяжело представить шведа, бельгийца или британца, который бы избирал себе во власть человека за килограмм залежалой гречихи или банки просроченной тушенки. А наши люди в массовом порядке это делают, объясняя свои действия бедностью. Но, на наш взгляд, эта «бедность» не физическая, ибо такой «еды» хватит разве что на пару дней, а духовная, моральная. Это признак культурной опущенности, деградации с признаками рабской психологии. Но еще более аморальным лицом в этой карусели являются люди, которые таким способом покупают прибыльное место во власти. И, к сожалению, круг замкнулся. Выбраться из него очень тяжело» [4].

А нужно ли власти, чтобы наши граждане богатели и были экономически независимы от нее? Это – теорема, которую нужно доказывать самой власти. Пока что она ее доказывает методом от обратного.

Ключевая мысль либеральной Европы – о достоинстве человеческой личности – у нас находит разве что археологическое подтверждение в истории Киев-

ской Руси, в ее кодексе законов «Русская Правда». С тех пор эта мысль не входит в состав того, что авторы одной статьи назвали «Украинской Системой». Цитирую:

«Под Украинской Системой нами понимается массовый стереотип поведения, отличающийся агрессивной ксенофобией, неизбывным корыстолюбием и абсолютным равнодушием к судьбе другого человека в сочетании с упорным отторжением правовых ценностей, который доминирует на территории Украины, невзирая на смену исторических эпох, экономических укладов, форм государства, политических режимов, государственных символов и прочих атрибутов социального бытия» [5].

Как только поднимается вопрос о статусе русского языка в стране с многомиллионным русскоязычным населением, так сразу слышится от власти: «Сейчас не время. Сняли остроту вопроса и достаточно!» Значит, права человека в Украине не время. У нас нет прав вкладчика, прав потребителя, авторского права. Вообще никаких прав. Да и негде их защищать, потому что суда как института правосудия тоже нет. А еще в Европу хотят!

Европа – это пространство, где, согласно Гегелю, работает принцип: «Все действительное разумно, все разумное действительно». В зоне Украинской Системы реализуется неразумная действительность, а все, что разумно, немедленно становится недействительным. Нынешняя власть в период выборов вроде бы декларировала разумные цели и задачи, направленные на раскрепощение производительных сил, на ликвидацию искусственно созданных политических завалов на основе европейского права. Но что мы видели до сих пор и видим в настоящее время? Там, где затеянные реформы начинали угрожать Украинской Системе, она успешно парировала угрозы, прибавляя к реформам приставку псевдо-. Против Системы, выросшей из ментального основания, не попрешь! А она – мы вынуждены констатировать это с горьким сожалением – принципиально антиевропейская.

Имеется ли у украинской культуры в ее высших проявлениях европейский контекст? Несомненно. Но кто, скажите на милость, в нынешнем обществе

держит эту высоту? Единицы. И они ничего не решают. Дело в том, что смена системы правления в стране после падения коммунистического режима не привела к смене типа человека. Мы остались те же с той только разницей, что проблемы дикого капитализма нас окончательно испортили.

И последнее. Миф о «евроинтеграции Украины» тесно смыкается с «европейским мифом». Это миф о единой Европе от Польши до Португалии и от Греции до Норвегии как однородном цивилизационном пространстве, населенном сплошь европейцами. На самом деле даже в Европе первого сорта (Франции, Германии, Англии, скандинавских странах) европейцев, то есть людей с европейским пониманием жизни, – не густо. Что уж тут говорить об остальных «еврочленах». От того, что Румыния была принята в состав НАТО и Европейского Союза по геополитическим соображениям, ситуация для нее мало изменилась. Она так и осталась страной с неевропейской ментальностью. И так можно сказать не только о Румынии. В основной своей массе население Европы – это мещане, обыватели, потребители, то есть люди с европейским бытом, но не бытием. Производителю нужен потребитель, лишенный собственной воли, живущий в состоянии социального автоматизма, настроенный на нужную производителю волну потребления. То есть человек рассматривается не с точки зрения свободного самоопределения, не как субъект, а как необходимый этап производства. Проблем со свободой в самой Европе хватает, о чем бьют тревогу лучшие европейские интеллектуалы. Просто это такие проблемы, которые нам не чувствительны, поскольку у кого что болит, тот о том и говорит.

Тот, кто считает историю Европы эволюционной, органичной, благополучной, – тот находится во власти «европейского мифа». У Европы своя история болезни. Нельзя забывать, что XIX век для нее был веком потрясений и революций. Нельзя забывать, что еще в первой половине XX века Европа была мировой метрополией, эксплуатировавшей народы и племена целых континентов. Европа истребит себя в захватнических войнах, предрекал А. И. Герцен в «Письмах из Франции и Италии». Этот прогноз из XIX века чуть было не сбыл-

ся в XX. Ведь именно европейский континент стал главной ареной двух мировых войн. Именно Европа породила фашизм. В предчувствии европейской катастрофы Владислав Ходасевич написал в 1923 году следующие строки:

**О, если бы вы знали сами,
Европы тёмные сыны,
Какими вы ещё лучами
Неощутимо пронзены!**

И, наконец, проект «Соединенные Штаты Европы» явно буксует. В свете последних событий экономики и политики в главных европейских столицах задается резонным вопросом: каковы качественные и количественные пределы интеграционных возможностей? А в свете этого вопроса Украине в ближайшие двадцать лет, извините за каламбур, вряд ли что-то светит.

Перед нами действительно стоит задача стать европейской нацией. Такого рода задачи относятся к эпохальным. Сегодня мы не готовы ни в какой части нашего общественно-государственного организма быть Европой. Это ясно как божий день. Поэтому, как говорится, не в этой жизни. Дай Бог, чтобы каждый из нас в отдельности сознательно и целенаправленно становился украинским европейцем. Возможно, когда-нибудь количество перерастет в качество.

ПРИМЕЧАНИЯ

Жить без мифа нельзя, а пребывать исключительно в мифе – опасно (Вступительная статья)

Статья публикуется впервые.

1. *Валери, П.* Письмо о мифах [Электронный ресурс] // Об искусстве : пер. с фр. / Поль Валери; ред. В. М. Козова ; предисл. А. А. Вишневого. – М.: Искусство, 1976. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/valeri/ob_isk.php
2. *Протасов, В.* Морфология культуры: опыт графического изображения архетипа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://routko.ru/Archiv/archetype.html>; *Путько, Б.* Наука и философия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nvkz.kuzbass.net/december/S&P.html>
3. *Степун, Ф.* Мысли о России / Федор Августович Степун // Соч. – М. : РОССПЭН, 2000. – 635 с. – (Сер.: Из истории отечественной философской мысли).
4. *Сервантес, М.* Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский : в 2 т. / Мигель Сааведра де Сервантес. – М.: Правда, 1979. – Т. 1. – 592 с. – (12 л. ил.).
5. *Яковлев, А. Н.* Горькая чаша. Большевизм и Реформация в России / Александр Николаевич Яковлев. – Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд-во, 1994. – 464 с.
6. Гегель, Г. Философия истории / Георг Гегель // Соч. : в 14 т. / ред. и предисл. Ф. А. Горохова. – М.-Л.: Соцэгиз, 1935. – Т. 8.
7. *Бондаренко, К.* О национальной гордости малороссов. Финал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://proua.com/analitic/2004/08/17/130741.html>

Кризис идеологической мифологии коммунизма

Впервые эта статья была опубликована в газете «Вечерняя Одесса» 12, 13 и 14 февраля 1991 года под заголовком «Кризис идеологической мифологии». Авторский текст подвергся редакционному сокращению. Здесь дается ее полный вариант.

1. *Солженицын, А.* Письмо вождям Советского Союза / Александр Исаевич Солженицын // Публицистика : в 3 т. Т. 1 : Статьи и речи / сост. и поясн. Н. Д. Солженицыной. – Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд-во, 1995. – С. 148-186.

2. *Сахаров, А. Д.* О письме Александра Солженицына «Вождям Советского Союза». Памятная записка Генеральному секретарю ЦК КПСС тов. Л. И. Брежневу. Послесловие к «Памятной записке» / Андрей Дмитриевич Сахаров // Знамя. – 1990. – № 2. – С. 14-30.
3. *Лосев, А. Ф.* Диалектика мифа / Алексей Федорович Лосев // Из ранних произведений. – М.: Правда, 1990. – С. 393-599.
4. *Робакидзе, Г.* Убиённая душа : роман / Глигол Робакидзе ; пер. с нем. С. Окропиридзе // Дружба народов. – 1990. – № 4. – С. 80-156.
5. *Анчел, Е.* Мифы потрясенного сознания / Ева Анчел ; пер. с венг. – М. : Политиздат, 1979. – 176 с. – (Сер.: Критика буржуазной идеологии и ревизионизма).
6. *Гулыга, А. В.* Искусство в век науки / Арсений Владимирович Гулыга. – М.: Наука, 1978. – 184 с.
7. *Иванова, Н.* Наука ненависти (Коммунисты в жизни и литературе) / Наталья Иванова // Знамя. – 1990. – № 11. – С. 220-237.
8. *Буртин, Ю.* Мёртвое и живое / Юрий Буртин // Лит. газ. – 1990. – № 34.
9. *Громов, Б.* Порядок – понятие политическое / Борис Громов // Лит. газ. – 1991. – № 1.
10. *Кавтарадзе, А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917 – 1920 гг. / Александр Георгиевич Кавтарадзе. – М.: Наука, 1988. – 276 с.; *Николаев, Дм.* Цвет национальной гвардии [Электронный ресурс] / Дмитрий Николаев. - Режим доступа: http://versia.ru/articles/2011/feb/24/den_zashchitnika_otechestva;
Создание Красной Армии [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.rhistory.ru/Kr_Arm.html
11. *Веселый, А.* Вольница / Артем Веселый // Юность. – 1990. – № 10. – С. 11-18.
12. *Сорокин, П.* Квинтэссенция : филос. альманах / Питирим Сорокин ; предисл. и публ. А. Ю. Согомонова ; сост. В. И. Мудрагей [и др.]. – М.: Политиздат, 1990. – 447 с.
13. *Ницше, Ф.* Так говорил Заратустра: Книга для всех и ни для кого / Фридрих Ницше // Соч. : в 2 т. / пер. с нем., сост. и прим. К. А. Свасьяна. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 1998. – Т. 2. – С. 5-240.
14. *Лифшиц, Мих.* Античный мир, мифология, эстетическое воспитание / Михаил Александрович Лифшиц // Собр. соч. : в 3 т. Т. 3 : К истории русской общественной мысли. – М.: Изобр. искусство, 1988. – С. 336-429.
15. *Чуковский, К.* Дневник / Корней Иванович Чуковский ; вступ. слово М. Петровского ; подгот. текста, публ. и коммент. Е. Чуковской // Новый мир. – 1990. – № 7. – С. 140-177.
16. *Федоров, Е.* Жареный петух: роман / Евгений Борисович Федоров // Нева. – 1990. – № 9. – С. 5-89.

17. *Ленин, В. И.* Итоги партийной недели в Москве и наши задачи / Владимир Ильич Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 39. – С. 233-237.
18. *Борин, А. Б.* «Изумрудное дело» / Александр Борисович Борин // Лит. газ. – 1991. – № 1.
19. *Мамардашвили, М. К.* Философия действительности. Размышления после съезда [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<http://www.philosophy.ru/library/mmk/deystv.html>
20. *Бурлацкий, Ф. М.* Кремль и Белый дом на Набережной / Федор Михайлович Бурлацкий // Лит. газ. – 1991. – № 1.
21. *Дарендорф, Р.* Дорога к свободе: демократизация и ее проблемы в Восточной Европе / Ральф Дарендорф // Вопр. философии. – 1990. – № 9. – С. 69-75.
22. *Иванов, В.* Идеология: характер и закономерности развития : пер. с болг. / Васил Иванов. – М.: Политиздат, 1977. – 303 с.
23. *Энгельс, Ф.* Эрнст Мориц Арндт / Фридрих Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 41. – С. 117-141.
24. *Раушенбах, Б. В.* Учиться жить на Земле / Борис Викторович Раушенбах // Наше наследие. – 1990. – № 5. – С. 31-36.

Из истории отношений украинской и русской интеллигенции

Впервые текст этого доклада был опубликован в сборнике «Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции “Русская культура в Одесском регионе: история, тенденции, перспективы”». Конференция, приуроченная 200-летию со дня основания Одессы, состоялась 5 марта 1994 года под эгидой Русского культурного общества г. Одессы «Русь» и Одесского Дома ученых. В поисках новой идентичности государство ухватилось за националистическую идеологию. Ему на «помощь» пришла украинская «свидомая» интеллигенция, которая начала сознательно извращать историю в угоду новой перспективы. В начале 90-х годов нас накрыла первая мощная волна откровенного украинского национализма. Масштаб мифотворчества украинских «патриотов» достиг анекдотических размеров. Проведение этой конференции было ответом, на который оказалась способна в тот период одесская интеллигенция.

Но дело даже не в этом. Может ли вызвать патриотическое воодушевление украинского народа пропаганда под видом «правды истории» ненависти к России, русскому народу и его культуре? Может ли одессит сочувствовать взглядам тех людей, которые зачислили во враги украинского народа Екатерину Вторую, Суворова, Потемкина, Дерибаса, Воронцова и других имперских государственных деятелей, когда каждый камень исторической Одессы выз-

вает к благодарности этим людям. История трагична, извилиста, противоречива. Она непрямолинейно учит гуманизму как мировоззрению, позволяющему человеку увидеть в Другом прежде всего такого же человека, а не представителя нации. Мы, люди старшего и среднего поколений, имеем за плечами большой и горький опыт XX столетия, чтобы позволить оболванить нас националистической мифологией. Но вот за молодежь ручаться трудно.

1. *Белинский, В. Г.* «История Малороссии» Николая Маркевича (Четыре тома. – М., 1842) / Виссарион Григорьевич Белинский // Избр. филос. соч. : в 2 т. – М. : Госполитиздат, 1948. – Т. 1. – С. 494-520.
2. *Хвылевой, М.* Вальдшнепы / Микола Хвылевой (Фитилев) // Дружба народов. – 1990. – № 7. – С. 150-188.
3. *Драгоманов, М. П.* По вопросу о малорусской литературе / Михаил Петрович Драгоманов. – Вена: Болг. типогр. И. С. Ковачева, 1876. – 65 с.

Рационализм и мифотворчество в политическом процессе в Украине

Эта статья была написана в качестве основы для выступления на Первых Курасовских чтениях «Этнополитическая ситуация в Украине накануне парламентских выборов», состоявшихся в Киеве в Институте политических и этнонациональных исследований НАН Украины 15 декабря 2005 года. Позднее она была опубликована в: Актуальні проблеми політики : зб. наук. пр. – О.: Фенікс, 2007. – Вип. 31. – С. 273-280.

1. *Гребенник, Г. П.* О формуле нашей интеграции в Европу / Геннадий Петрович Гребенник // Вісник Одес. нац. ун-ту. – О., 2003. – Т. 8, вип. 9. – С. 448-453.
2. *Шумпетер, Й. А.* Капитализм, Социализм и Демократия : пер. с англ. / Йозеф А. Шумпетер ; предисл. и общ. ред. В. С. Автономова. – М. : Экономика, 1995. – 540 с. – (Сер.: Эконом. наследие).

Мифореальность против реализма в политике

Впервые статья была опубликована в: Вісник Одес. нац. ун-ту. – О., 2008. – Т. 13, вип. 5 : Соціологія і політичні науки. – С. 585-595.

1. *Сол, Д. Р.* Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе / Джон Ролстон Сол ; пер. с англ. А. Н. Сайдашева. – М.: АСТ : Астрель, 2007. – 895 с.

2. *Лифшиц, М. А.* Джамбаттиста Вико. Вступительная статья / Михаил Александрович Лифшиц // Вико, Дж. Основания новой науки об общей природе наций : пер. с итал. – М.; К., 1994. – С. V-XXVIII.
3. *Кацук, А. А.* Телевизионные мифы – один из способов манипуляции сознанием аудитории [Электронный ресурс] // Вестник электронных и печатных СМИ. – 2007. – Вып. 2. – Режим доступа: http://vestnik.ipk.ru/vip_2_kash.html
4. *Попова, И. М.* «Демократизация» как средство идентификации и мифологизации / Ирина Марковна Попова // Вісник Одес. нац. ун-ту : зб. наук. пр. – О., 2007. – Т. 12, вип. 6. – С. 13-20.
5. *Кассирер, Э.* Техника современных политических мифов / Эрнст Кассирер // Вестн. МГУ. Сер. 7 : Философия. – 1990. – № 2. – С. 58-65.
6. *Валицкий, А.* Коммунистическая утопия и судьба социалистического эксперимента в России / Анджей Валицкий // Вопр. философии. – 1998. – № 8. – С. 68-85.

«Политика памяти» режима В. Ющенко

Впервые опубликовано в: Вісник Одес. нац. ун-ту. – О. : Астропринт, 2009. – Т. 14, вип. 13: Соціологія і політичні науки. – С. 365-372.

1. История, историческая политика и политизация истории в Польше, Украине и России: Беседа с А. Миллером [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rodon.org/society-081219132551>
2. Фонд стратегической культуры – украинская редакция, 21.05.2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.comments.ua/?art=1204821646>
3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rodon.org/society-081219132551>
4. Противостояние или дополнительность? Дискуссия (13.02.2003): Комментарий Григория Померанца [Электронный ресурс] / Фонд «Либеральная миссия». – Режим доступа: <http://www.liberal.ru/articles/cat/759>

Слово о Мазепе и мазепинщине

Опубликовано частично под заголовком «Каинова печать Украины» в аналитической программе «Бэкграунд» ТРК «Академия» [Электронный ресурс] / Бэкграунд, 25.12.2010. – Режим доступа: http://odessa36.tv/index.php?option=com_content&view=article&id=11504:2010-10-02-20-35-04&catid=1227:-17-&Itemid=112. Полностью печатается впервые.

1. *Гребенник, Г. П.* Историческая политика режима В. Ющенко / Геннадий Петрович Гребенник // *Окна*. – 2009. – 15 сент.; *Гребенник, Г. П.* Политика памяти режима В. Ющенко / Геннадий Петрович Гребенник // *Вісник Одес. нац. ун-ту*. – Одеса: Астропринт, 2009. – Т. 14, вип. 13 : Соціологія і політичні науки. – С. 365-372.
2. *Соловьев, С. М.* История России с древнейших времен : в 15 кн. / С. М. Соловьев. – М.: Соцгиз, 1962. – Кн. 8. – 674 с. – (Акад. Наук СССР, Ин-т истории).
3. *Костомаров, Н. И.* Мазепа (Тайны истории) / Николай Иванович Костомаров. – М.: Терра-Книжный клуб, 2004. – 336 с.
4. *Дорошенко, Дм.* Нарис історії України : в 2 т. Т. 2 (від половини XVII століття) / Дмитро Іванович Дорошенко. – К. : Глобус, 1992. – 349 с.
5. *Костомаров, Н. И.* Петр Великий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.i-u.ru/biblio/archive/kostomarov_petr/
6. *Куликова, В. Ф.* Отступление шведской армии после Полтавского сражения глазами иностранцев – участников событий / В. Ф. Куликова // *Изв. Алтайск. гос. ун-та*. – 2009. – № 2-4. – С. 102-106.
7. *Мучник, А. Г.* Философия достоинства, свободы и прав человека / Александр Геннадьевич Мучник. – К. : Парламент. изд-во, 2009. – 696 с.
8. *Фігурний, Ю.* Гетьман Іван Мазепа – один з визначних символів українського етнонаціонального державотворчого процесу (До 375-річчя від дня народження та 320-ліття отримання гетьманської булави) [Электронный ресурс] / Юрій Фігурний // *Українознавство*. – 2007. – № 1. – С. 28-37. – Режим доступа: <http://www.ualogos.kiev.ua/fulltext.html?id=757>
9. *Енсен, А.* Мазепа: Історичні картини / Альфред Енсен ; пер. зі швед. Н. Іваничук ; наук. ред., передм. та прим. Б. Якимовича. – К.: Укр. письменник, 1992. – 205 с.

Образы Второй мировой войны в политике памяти Западной Европы и Украины

Впервые опубликовано в: *Наук. вісник : зб. Одес. держ. екон. ун-ту*. – 2010. – № 6. – С. 5-14.

1. Война. Другая память: междунар. конф. (Москва, 9-10 апр. 2005 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.memo.ru/daytoday/5konfer1.htm>
2. *Вельцер, Х.* Память как арена политической борьбы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nz-online.ru/print.phtml?aid=30011367>

3. *Рябчук, М.* Культура памяти и политика забвения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?numid=34&article=1397>
4. *Карачко, С.* Мировая или Отечественная? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nr2.ru/kyiv/177621.html>
5. Степан Бандера – Герой Украины: правильно ли поступил Президент? 23.01.2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pn.mk.ua/articles/20976.html>
6. *Мучник, А. Г.* Философия достоинства, свободы и прав человека / Александр Геннадьевич Мучник. – К.: Парламент. изд-во, 2009. – С. 213.
7. *Уилсон, Р. А.* Психология эволюции : пер. с англ. / Р. А. Уилсон. – К.: ЯНУС, 1999. – С. 26.

Образы Второй мировой войны в современной идеологической борьбе в Украине

Впервые напечатано в: Вечерняя Одесса. – 2010. – 1, 8, 15, 17, 22 июня.

1. *Рябчук, М.* Культура памяти и политика забвения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?numid=34&article=1397>
2. *Карачко, С.* Мировая или Отечественная? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nr2.ru/kyiv/177621.html>
3. *Юхновский, И. Р.* Степан Бандера и его ребята боролись за Украину с полной отдачей [Электронный ресурс] // Степан Бандера – Герой Украины – правильно ли поступил Президент? – Режим доступа: <http://www.unian.net/rus/news/news-358686.html>
4. *Лысяк-Рудницкий, И.* Национализм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ukrstor.com/ukrstor/ilr-nazionalism.html>
5. Радио Свобода: Программы: История и современность: Имя собственное: Йозеф Тисо, 8 авг. 2004 г. [Электронный ресурс] / вед. Виталий Портников. – Режим доступа: <http://archive.svoboda.org/programs/pn/2004/pn.080804.asp>
6. Львовский облсовет «наехал» на Европарламент. Требуется отменить резолюцию по Бандере. 03.03.2010 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://inbc.by/article/lvovskiy-oblsov-et-naehal-na-evroparlament-trebu-et-otmenit-rezolyuciyu-po-bandere-2/>
7. *Масловський, В.* З ким и проти кого воювали українські націоналісти в роки Другої світової війни [Электронный ресурс] / Віталій Масловський. – М., 1999. – Режим доступа: <http://www.ukrstor.com/ukrstor/maslovskij-vse.html>

8. *Мучник, А. Г.* Философия достоинства, свободы и прав человека / Александр Геннадьевич Мучник. – К.: Парламент. изд-во, 2009. – 696 с.
9. *Бондаренко, К.* Отберите орден у Бандеры / Кость Бондаренко // Известия в Украине. – 2010. – 10 апр.
10. *Поддубный, Л.* Судьба на крови. Свидетельства. Документы. Факты [Электронный ресурс] / Леонид Поддубный // Столичные новости. – 2007. – 31 июля – 6 авг. – Режим доступа: <http://cn.com.ua/N464/history/index.html>
11. *Мюллер, Н.* Вермахт и оккупация (1941 – 1944). О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории [Электронный ресурс] / Норберт Мюллер ; пер. с нем. А. П. Артемова, А. И. Долгорукова [и др.] ; под ред. проф. А. Ф. Юденкова. – М.: Воениздат, 1974. – 387 с. – Режим доступа: http://wcry.narod.ru/muller_n/04.html
12. *Шевцов, Ю.* Украинские коллаборанты. Заметки, 24.08.2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.regnum.ru/news/1045642.html
13. *Якупов, Н. М.* Слово о Великой Отечественной... / Назым Мухаметзянович Якупов // Одес. грани. – 2006. – 9 мая.
14. *Артеменко, А.* Донбасское эхо галицких бед / Александр Артеменко // Зеркало недели. – 2004. – 17 янв.
15. *Галяс, А.* «Не напрасно ты поешь...» (Очерк истории одесской эстрады до 1941 г.) / Александр Галяс // Дерibasовская – Ришельевская: Одесский альманах (Всемирный клуб одесситов) / сост.: Ф. Д. Кохрихт, Е. М. Голубовский, О. И. Губарь. – Одесса : Печатный дом, 2008. – Кн. 35. – С. 231-246.
16. *Аб Мише (А. Кардаш).* Дело № 421 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://berkovich-zametki.com/Nomer20/Kardash1.htm>
17. *Полищук, В.* Горькая правда. Преступления ОУН-УПА (исповедь украинца) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.from-ua.com/impossibly/425b8373bd987/>
18. *Лунев, С.* Чудовища галичанских сновидений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruska-pravda.com/index.php/200903271891/stat-i/ideologija/2009-03-27-11-28-53.html>
19. *Скворцов, Дм.* Талергоф: геноцид, о котором «забыли». Ч. 1 [Электронный ресурс] / Дмитрий Скворцов // Наше Дело. – 2006. – 28 окт. – Режим доступа: <http://www.gazeta-nd.com.ua/print/?id=78>

20. *Шварцмантель, Д.* Идеология и политика: пер. с англ. / Джон Шварцмантель. – Х. : Гуманитарный Центр, 2009. – 312 с.

ИСКУССТВО МИФА И МИФ ИСКУССТВА НА СЛУЖБЕ ПОЛИТИКИ (Цикл статей)

Статья первая. Неизбывность мифологического мышления

Впервые опубликовано в: *Наук. вісник : зб. Одес. держ. екон. ун-ту.* – 2010. – № 20. – С. 101-110.

1. *Голосовкер, Я. Э.* Логика мифа / Яков Эммануилович Голосовкер – М. : Наука, 1987. – 186 [1] с. – (Приложение: Академик Н. И. Конрад о труде Я. Э. Голосовкера. – С. 183-186).

2. *Стеблин-Каменский, М. И.* Миф: статьи [Электронный ресурс] / М. И. Стеблин-Каменский // *Теории мифа.* – Л.: Наука, 1976. – (АН СССР. Сер.: Из истории мировой культуры). – Режим доступа: <http://norse.ulver.com/articles/steblink/myth/fr1.html>

3. *Юнг, К.* Структура души. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Yung/str_dush.php

4. *Лири, Т.* Семь языков бога: пер. с англ. / Тимоти Лири. – К.: Янус; М.: Пересвет, 2001. – 224 с.

5. *Валери, П.* Об искусстве : пер. с фр. [Электронный ресурс] / Поль Валери; ред. В. М. Козова ; предисл. А. А. Вишневого. – М. : Искусство, 1976. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/valeri/ob_isk.php

6. *Малиновский, Б.* Магия, наука и религия / Бронислав Малиновский; пер. с англ. А. П. Хомик; науч. ред. О. Ю. Артемова. – М.: Рефл-бук, 1998. – 304 с. – (Центрально-Европейский университет «Translation Project» при поддержке Центра по развитию издательской деятельности (OSI – Budapest) и Института «Открытое общество». Сер.: Astrum Sapientiae).

Статья вторая. Чистая модель мифологического мышления

Впервые опубликовано в: *Науковий вісник : зб. Одес. держ. екон. ун-ту.* – 2010. – № 21. – С. 9-18.

1. *Пятигорский, А. М.* Литература и миф: Беседа Григория Бондаренко с философом, профессором Лондонского университета Александром Пятигорским [Электронный ресурс] / А. М. Пятигорский // Мифология и сознание современного человека / Электрон. б-ка науч. лит. по гуманитарным дисциплинам. – Режим доступа: <http://www.i-u.ru\biblio>
2. *Сол, Д. Р.* Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе / Джон Ролстон Сол ; пер. с англ. А. Н. Сайдашева – М. : АСТ : Астрель, 2007. – 895 [1] с.
3. *Зиновьев, А. А.* Глобальный человек / Александр Александрович Зиновьев – М. : ЗАО Центрполиграф, 2000. – 459 с.
4. *Лифшиц, М.* Античный мир, мифология, эстетическое воспитание / Михаил Александрович Лифшиц // Собр. соч. : в 3 т. Т. 3 : К истории русской общественной мысли. – М. : Изобраз. искусство, 1988. – С. 336-429.
5. *Кантор, М. К.* Учебник рисования : в 2 т. / Максим Кантор. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – Т. 1. – 640 с.

Статья третья. Мифотворчество в политике

Впервые опубликовано в: Науковий вісник : зб. Одес. держ. екон. ун-ту. – 2010. – № 24. – С. 146-154.

1. *Голосовкер, Я. Э.* Логика мифа / Яков Эммануилович Голосовкер. – М. : Наука, 1987. – 186 [1] с. – (Приложение: Академик Н. И. Конрад о труде Я. Э. Голосовкера. – С. 183-186).
2. *Кассирер, Э.* Техника современных политических мифов / Эрнст Кассирер // Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия. – 1990. – № 2. – С. 58-65.
3. *Добренко, Е. А.* Раешный коммунизм: поэтика утопического натурализма и сталинская колхозная поэма [Электронный ресурс] / Е. А. Добренко // НЛО. – 2009. – № 98. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/98/do15-pr.html>
4. *Выдрин, Дм.* Заручники. Задача с одним неизвестным / Дмитрий Выдрин // Зеркало недели. – 2008. – 20-26 сент.
5. *Чжуан-цзы.* Путь полноты свойств / Чжуан-цзы ; пер. и коммент. Л. Позднеевой. – М. : Эксмо, 2005. – 432 с. – (Сер.: Антология мудрости).

Статья четвертая. Роль искусства в политическом мифотворчестве

Впервые опубликовано в: Наук. вісник : зб. Одес. держ. екон. ун-ту. – 2011. – № 5. – С. 144-157.

1. *Голосовкер, Я. Э.* Логика мифа / Яков Эммануилович Голосовкер. – М. : Наука, 1987. – 186 [1] с. – (Приложение: Академик Н. И. Конрад о труде Я. Э. Голосовкера. – С. 183-186).
2. *Пятигорский, А. М.* Литература и миф: Беседа Григория Бондаренко с философом, профессором Лондонского университета Александром Пятигорским [Электронный ресурс] / А. М. Пятигорский // Мифология и сознание современного человека / Электрон. б-ка науч. лит. по гуманитарным дисциплинам. – Режим доступа: <http://www.i-u.ru\biblio>
3. *Карякин, Ю.* Дневник русского читателя : мемуары / Юрий Карякин // Знамя. – 2009. – № 4. – С. 112-153.
4. *Гребенник, Г. П.* Проблема отношений политики и морали (Опыт конструирования макиавеллианско-кантианского метадискурса) / Геннадий Петрович Гребенник. – Одесса: Астропринт, 2007. – 616 с.
5. *Цицерон.* О государстве / Цицерон // Диалоги: О государстве. О законах. – М.: НИЦ Ладомир – Наука, 1994. – С. 7-86.
6. *Валери, П.* Письмо о мифах. Поэзия и абстрактная мысль [Электронный ресурс] / П. Валери // Об искусстве : сб. эссе ; подгот. В. М. Козовой ; предисл. А. А. Вишневого. – М. : Искусство, 1976. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/valeri/ob_isk.php
7. *Фрейденберг, О. М.* Поэтика сюжета и жанра / Ольга Михайловна Фрейденберг ; подгот. текста, справ.-науч. аппарат, предисл. и послесл. Н. В. Брагинской. – М. : Лабиринт, 1997. – 448 с.

Профессор Н. М. Якупов как полномочный представитель Советского мифа (Ко второй годовщине смерти)

Этот текст представляет собой выступление на Вторых мемориальных чтениях, посвященных памяти профессора Н. М. Якупова, проведенных 4 марта 2011 года кафедрой исто-

рии и мировой политики Института социальных наук Одесского национального университета им. И. И. Мечникова. Публикуется впервые.

1. *Зульфикаров, Т.* Гимн Советскому Союзу и русскому языку / Тимур Зульфикаров // *Завтра*. – 2005. – 23 авг.
2. *Якупов, Н. М.* Трагедия народов / Назым Мухаметзянович Якупов // *Историческая драма страны : избр. произв.* – О. : КП ОГТ, 2008. – С. 465-577.
3. *Якупов, Н. М.* Трагедия народов / Назым Мухаметзянович Якупов. – О. : Астропринт, 2001. – 344 с.

Евроинтеграционный миф Украины

Текст написан для аналитической программы «Бэкграунд» ТРК «Академия» и прошел в программе под названием «Слезай, приехали!» 12.03.11. – Вып. № 204 [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://odessa36.tv/index.php?option=com_content&view=article&id=12498:2010-10-02-20-35-04&catid=1310:-17-&Itemid=112

В авторской редакции публикуется впервые.

1. *Гребенник, Г. П.* О формуле «Европеец, но не западник» / Геннадий Петрович Гребенник // *Интеллигенция и политика : сб. ст.* – О. : Фенікс, 2009. – С. 244-250.
2. ВВП на душу населения на основе паритета покупательной способности. Данные ЦРУ за 2010 год [Электронный ресурс] – Режим доступа:
<https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2004rank.html>
3. Валовой национальный доход (ВНД) в расчете на душу населения (по данным Всемирного банка за 2010 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа:
<http://russian.doingbusiness.org/data/exploreconomies/economycharacteristics>
4. *Маляренко, В.* Чому Україна відстала країна? / Василь Маляренко // *Голос України*. – 2010. – 25 верес. – С. 6-7.
5. *Баймуратов, М.* Украинская система [Электронный ресурс] / М. Баймуратов, О. Долженков, А. Мучник // *Русский журнал*. – Режим доступа: <http://www.russ.ru/pole/Ukrainskaya-sistema>

